

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

AOÛT 1935.

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNEE

АВГУСТ 1935 г.

180-181

СЕРПЕНЬ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ф. Ш. ГОН.

Содержание:

1. Сергей Чепурной: Казачья доля.
2. И. К. Скубани: Жизнь.
3. Владимир Куртин: Виноград.
4. Сергій Савицький **
5. И. К. Скубани: Моя любовь.
6. Иван Назаров: «Парад».
7. О. Ходькевич - Спасай: Гей, козаки, до гурту!
8. Приговор.
9. Трагедия Казачества.
10. Николай Посохов: Путиами предков.
11. Николай Букин: «...Политика — зло...»
12. Выбран ли граф Граббе Донским Атаманом?
13. Гавриил Павлов: Провозглашение гр. Граббе Донским Атаманом.
14. И. Билый: Ко всем вольным казакам в Болгарии.
15. М. Ковалев: Господину Кудинову и его правлению.
16. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик

Италия. Н. П. — Опечатка исправлена. Привет.	Валянс. И. З. — Получено. Спасибо. Привет.
Царьгород. М. З. — Дякую. Вітаю.	Лион. И. М. — Исполнено. Привет.
Белград. П. М. — Получено. Привет.	Ромба. М. А. — Получено. Спасибо. Привет.
Бельгия. Н. Б. — Спасибо. Привет.	Довиль. П. З. — Получено. Спасибо. Привет.
Харбин. А. Г. — Письмо от 15 июля получено. Ответ
будет письмом. Привет.	Париж. П. А. З. — Спасибо. Привет.
Пеаж. Н. В. — Журнал П. послан. Привет.	Лион. В. К. — Исполнено. Привет.
Сарынь. И. Б. — Ответ будет письмом. Привет.	Талянс. С. — Получено. Спасибо. Привет.
Панчево. И. М. — Ответ — письмом. Привет.	Монтсо. А. Щ. — Получено. Спасибо. Привет.
Польша. О. К. — Дякую. Вітаю.	Парагвай. И. Г. — Журнал посылается. Привет
Шанхай. П. Р. — Получено. Привет.	Београд. А. Д. — Получено. Привет.
Марсель. В. М. — Хорошо. Привет.	Сев. Америка. С. С. — Получено. Спасибо. Привет.

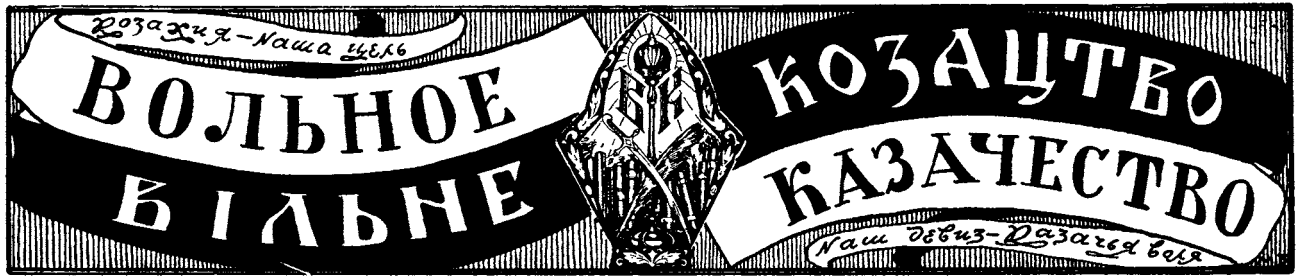
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 180-181

Август 1935. — Сентябрь 1935.

№ 180-181

Сергей Чепурной

Казачья доля

Посвящая И. А. Билому

Не забыть мне родные станицы
Средь простора степей, средь садов,
Что за Край и за Волю, как львицы,
Отбиваясь от полчищ врагов.
И никто не забудет то время —
Вечный враг саранчой наступал,
Чтоб стереть с земли вольное племя...
И в неравном бою умирал
Стар и млад, умножая могилы
Без крестов, без молитвы святой...
Времена те уж в вечность уплыли,
Вспоминаний оставив лишь рой.
Было время и были герои
Совершались бессмертны дела —
За священные Воли устои
Кровь казачья обильно текла...

.....
Покатилась с Руси богомольной
«Долгожданной» свободы волна —
Разлилась по Кубани просторной.
Захлестнула собой все она.
И пожар революции красной,
Что готовился стать мировым.
Начинал уж гулять сладострастно
По безбрежным просторам степным.
Вырывалась Казачеству яма,
Мужик гроб начинал мастерить —
Собирался он в нем Воли пламя,
Навсегда потушив, схоронить.
Но, раздался набат над Кубанью,
Проникая во все уголки,
Призывал он к борьбе и к страданью.
Собирал в бой казачьи полки.
Из станиц казаки уходили
В степь родную ночью порой —

Собирались Казачества силы
Отстоять от врага Край родной.
.....
«Ну, сыны, с Богом в путь поезжайте,
Пусть хранит он от вражьей руки
Ваши юные жизни, но знайте,
Что вы, дети мои, казаки!
Этой ночью вы в степи уйдете
И примером в сердцах казаков
Огонь мести, уверен, зажжете,
Что таится немало веков.
Не одни вы, я знаю, а много
Вас, мечтающих Край отстоять.
Тяжела вапа будет дорога...
Я-же стар — буду здесь умирать»
Так отец говорил, провожая
Трех своих сыновей в путь степной,
Мать-же, слезы платком утирая,
Их крестила дрожащей рукой.
И Степан, и Михайло — старшие,
И безусый красавец Андрей —
Эти братья, три друга большие,
Посадились на добрых коней.
Озабочены, сумрачны лица —
Час разлуки с семьей настает...
Скрылась с виду родная станица
Ночь навстречу безмолвно ползет.
.....
А на утро, потом передали,
Отряд красных станицу занял...
В числе первых отца расстреляли.
Что сынов своих в степи послал.
Что старик перед смертью своею
Крикнул им: «Эй вы, красная рвань!
О содеянном я не жалею
И счастлив, что умру за Кубань!

Но вы знаете, наступит расплата —
 Сыновья за меня отомстят
 И в священном огне газавата
 Край казачий весь будет пылать...
 Вы — рабы, мы, орлята степные,
 Любим Волю и любим свой Край —
 Не нужны нам свободы иные
 Не нужен ваш будущий рай»...
 Он не кончил. Команда раздалась,
 Беспорядочно залп загремел...
 Голова старика закачалась
 И бешмет на груди заалел...

Ночь, как птица, бесшумно спустилась,
 Все овеяла сном. Тишина...
 В темном небе звезда покатилась...
 Спала степь; чуть виднелась луна...
 Лишь торжественность сна нарушали
 Где-то близко ворчливый ручей,
 Камыши, что о чем-то шептали.
 Да отчетливый шопот коней.
 То три брата к своим пробирались
 Под охраною ночи густой.
 Наконец-то они приближались
 К своей цели. Вот в балке крутой
 Чья-то лошадь тихонько заржала...
 Показался неясно бивак.
 А оружия сталь отражала
 Свет луны, разгоняющей мрак...
 — Тяжела наша будет дорога...
 Прав отец, вдруг промолвил Степан,
 На защиту родного порога
 Жизнь свою, не жалея, отдам...
 Вот они — гордость, слава Кубани,
 Ждут сигнала, чтоб ринуться в бой.
 Взойдет солнце и клич наш: «за нами!»
 На врага Край поднимет родной.
 По станицам промчимся мы шквалом...
 Враг отступит, с Кубани уйдет,
 Хвост поджавши трусливым шакалом,
 И Казачество вольно вздохнет.
 Но, на долго-ль? Москаль не захочет
 Нас в покое оставить... О, нет! —
 Жажда власти, как червь, его гложет —
 Его цель: нас навеки стереть.
 На Москву наступать нам придется,
 Чтобы там врага в сердце сразить...
 А потом... нам победа зачтется...
 В общем, будем потом говорить...
 — Рано, брат, о Москве ты мечтаешь,
 Как-то злобно Михайло сказал,
 Широко, далеко ты шагаешь,
 Будто сам Бонапарт генерал.
 Ведь еще и за шашку не брался
 И с Кубани врага не изгнал,
 А в Москву уж залезть постарался,
 А зачем? Что ты там потерял?
 Не спеши увлекаться мечтою —
 Ты — казак, быть не хочешь рабом,
 Пришло время растаться с Москвою
 И лишь думать о Крае родном.
 Мало-ль крови казачьей пролилось
 За величие Руси святой?
 Мало-ль буйных голов покатились

За высокой кремлевской стеной?
 Нас за славу любили, ласкали...
 Разве, брат, не слыхал о том ты,
 Как по Тихому Дону пускали
 Сверху вниз с казаками плоты?
 Сколько крови напрасно мы лили!
 Все за веру, Россию, царя...
 Но теперь часы полночь пробили —
 Над Казачеством рдеет заря!
 Мы, Казачества общемою силой,
 Отстоим свои земли всегда,
 Русь-же будет нам вечной могилой...
 Ты-ж, Степан, уже рвешься туда!...
 Верю я, как и ты, что станицы
 Мы избавим легко от врага.
 Дальше-ж нашей казачьей границы
 Не должна быть казачья нога!
 Если-ж встречу со смертью я вскоре,
 То лелею мечту об одном —
 Умереть, но в степи на просторе
 Под казачьим родным рубежом!...
 Смолкла речь и никто не ответил,
 Молча ехали рядом они.
 Лишь Андрей в очах брата заметил
 Боль души и надежды огни.
 Для него-ж, в его годы молодые,
 Эта речь откровеньем была —
 Он узнал про дела удалые
 И про то, что казачья земля
 Была вольной и рабства не знала
 Встарину на Днепре, на Дону...
 Что потом та пора миновала...
 И теперь вспоминалось ему
 О Тарасе, Остапе, Андрее,
 О делах запорожских времен,
 И о Разине Стеньке «злодее»,
 Что в Москве за «разбой» был казнен...
 О бежавших «холопах» бесправных,
 Когда Русь от их мести тряслась.
 О деяньях Казачества славных,
 Когда кровь за нее-же лилась...
 Правды облик ему стал яснее
 Тени прошлого всплыли пред ним,
 Становясь все роднее, милее,
 Увлекая величьем своим.
 Кровь вскипела и сердце забилось.
 Он до боли сжал шашку свою —
 Все в нем в битву скорее просилось
 За Казачество, Волю, семью...

Ошалелая Русь растерялась
 Перед горстью бесстрашных бойцов.
 Над степями заря разгоралась —
 Избавлялась Кубань от врагов.
 Тихий Дон всколыхнулся сердито,
 Шумный Терек в ущельях бурлил...
 И казачий кулак из гранита
 Орды красных к границам теснил...
 Вот и хутор последний над речкой
 Еле-еле в тумане видать...
 Михаил рано утром с разведкой
 Послан был о врагах разузнать.
 Словно чуяло сердце, забившись,
 Что окончится это бедой...

Все-же, с братьями крепко простившись,
Он отправился бодрый, лихой.
Ночь свое покрывало снимала.
Гасли звезды; туман пуще стал.
В хутор спящий разведка в'езжала,
Но никто не видал, не слышал,
Как полк красных другой стороною
Одновременно их обходил.
И, заметив, вдруг цепью густою,
Путь отрезав к своим, окружил...
Остры пашки... винтовки б'ют метко.
Не сдавались на милость врага...
Не вернулась обратно разведка —
Смертью храбрых в бою полегла.
И ее командир, умирая
За святыню — родимый свой край —
Взором радостным степь обнимая,
Прошептал: «Будь счастливой, прощай!»

.....
Не пришлось увидеть златоглавой
И послушать малиновый звон, —
Погубила погоня за славой
Да «измена» казачьих знамен.
Вместо хлеба и соли хваленной
Мужик в спину свинец посылал;
Быстрее ветра стрелюю каленой
Двухголовый орел удирал...
...Уж недля, как полк отступает.
Над людьми верх усталость берет.
По пятам красных рать наседает
И ликует рабочий народ.
И случилось: на улице пыльной
У двора деревенской избы
Степан, мучимый жаждою сильной,
Слез с коня, чтоб напиться воды.
И за каплю холодной водицы
Поплатился он жизнью своей
Далеко от родимой станицы,
Не увидев кубанских степей.
Из берданки заржавленной, старой
Был подстрелен несчастный казак, —
Повстречался он с пулей коварной,
Что падала во время атак.
Он упал, а толпа окружила,
Но боялась к нему подходить —
Не совсем его пуля сразила
И он может еще натворить...
— Мы тебе, кровопийце, буржую...
Мы припомним сейчас твою плеть,
Что спасала Россию былую
Да любила над нами свистеть...
— Расстрелять! Поскорее повесить!...
На куски разорвать, запороть!...
За товарищей кровью ответит! —
Расходился свободный народ.
Вдруг очнулся Степан и рукою
Инстинктивно револьвер схватил...
Смерть над ним наколонилась с косою...
«Пусть умру, но не дамся», решил.
— Что-ж боитесь, смелей подходите.
Нет у смелого, что-ли, средь вас?...
Так послушайте, если хотите,
Мой казачий про волюшку сказ.

На чужой я земле умираю.
Был обманом сюда завлечен,
Но спокоен душой, ибо знаю —
Своей Родиной буду прощен.
Да... ошибся. И вот плачу жизнью...
Но от рабских позорных оков
Хоть на время избавил отчизну...
Вы-ж в течении многих веков
Не снимали ярма с своей шеи
И не снять вам его никогда...
А от вашей великой затеи
Не останется скоро следа:
Запрягут вас опять, терпеливых,
Вновь начнут, как бывало, доить,
Будут стричь, как овец паршивых,
И не плетью — дубинкою бить.
А за верность, как стадо баранов,
За победу туда повезут
В Край мечты вас, голодных Иванов, —
На расправу станицы дадут.
Бедный Край мой!... без счастья и доли,
Что тебя ожидает теперь?
Править будет тобой раб неволи —
Этот русский мужик, алчный зверь...
Поздно понял я правду простую,
Ту, которую сказывал брат,
И теперь, вот, за долю чужую
Тяжело, тяжело умирать...
Но казачьего духа цепями
Никто в мире навек не скует...
Верю я — над родными степями
Солнце Правды и Воли взойдет.
Ненавижу я вас, презираю...
Больше не о чем вам говорить...
Поклонился далекому краю...
Выстрел... Жизни порвалась нить.

.....
Ночь... Гроза... Громовые раскаты...
Молний блеск... Непроглядная тьма...
Из окна покосившейся хаты
Пробивается света струя.
Кто-ж не спит в эту жуткую пору?
Мать-ли встала ребенка качнуть,
Иль, отдавшись мыслей напору,
Проверяет кто жизненный путь ?
Или, слушая грозные звуки,
Заворожен кто страшной грозой?
Иль, испив до конца чашу муки,
Грешник кается тяжкий какой? —
Там, в тиши полутемной светлицы,
Мук душевных не в силах унять,
Не смыкает так поздно ресницы
Сирота — одинокая мать.
Догорает лампада, мерцаая,
Где лик Спаса суровый блесит,
На коленях, беззвучно рыдая,
Она, руки ломая, стоит.
Тихо катятся слезы несчастной
По морщинистым щекам на грудь
И, как осенью поздней, ненастной
Безысходной тоской сердце рвут.
На лице предел горя, страданья, —
Поседела от них голова...

Она молится и чрез рыдания
 Еле слышны молитвы слова:
 «Боже, Боже! За что Ты караешь
 Одинокую мать - сироту?
 Как страдать тяжело, Ты сам знаешь —
 Сам страдал, пригвожденный к кресту.
 Кровь повсюду, обман и насилие...
 Все святыни попраны ногой
 И пороклятые чары бессилья
 Тяготят над казачьей страной.
 Ты отнял сыновей, отца-мужа,
 Захотел и отчизну отдать
 На расправу врагу. Почему-же
 Я должна все терпеть и прощать?!
 Нет уж сил к Тебе вечно стремиться!
 Не могу я в душе совместить
 Всепрощенье, желанье молиться
 И безмерную жажду отместить.
 И как будто-бы мне в возмещенье
 За семью, за отчизну в плену,
 За мое пред Тобою смиренье
 Ты оставил надежду одну.
 Вдалеке от Родимого Края,
 Изнывая по шире степей,
 Да о встрече со мною мечтаю,
 Невредимым остался Андрей
 Младший сын, что, меня утешая,
 Говорил, слез не в силах сдержатъ:
 «Знать судьбой суждено, дорогая
 Моя мама, тебя покидать!
 Я вернусь и увижусь с тобою.
 Помолись за меня», он сказал
 И, махнув на прощанье рукою,
 На любимом коне ускакал.
 Верю я, что домой он вернется,
 Но тогда... в земле буду я спать...
 Слеза радости вновь не прольется,
 Сына некому будет обнять...
 Сохрани-ж его, Боже, для Края,
 Прекрати Ты страданья мои!
 Я прошу... на Тебя уповаю...
 Потому, что мы дети Твои...
 ...За окном тишина наступила,
 Увялась, наигравшись, гроза...
 Мать - страдальца дух испустила
 И навеки закрыла глаза.

 Так четыре казачьих могилы
 Появились по воле судьбы.

В них лежат те, что Край свой любили, —
 Жертвы страшной, коварной борьбы.
 Позабыты... Сравнялись с землею...
 Может быть их никто не найдет...
 И лишь поздней ночью порою
 Вольный ветер тихонько поет
 Память вечную грустно над ними,
 Иль затянет о Воле былой,
 Иль о том, что врагам лихими
 Полонен и сожжен Край Родной.
 Иль о том (но они не узнают,
 Ненарушим покой вечный их),
 Что за Волю борьбу продолжают
 Казаки в странах дальних, чужих.
 Что не никнут они головами,
 За отчизну сплотились тесней,
 Вновь идут в бой густыми цепями
 Впереди них — бесстрашный Андрей.
 За Кубань, за отца, своих братьев,
 За старушку несчастную мать,
 Он пред Богом в торжественной клятве
 Обещал отомстить, жизнь отдать.
 И, с надеждой в душе неизменной
 В счастье Родины, поднял набат —
 И понесся призыв по вселенной:
 «Гей, опомнись, стадающий брат!!!
 Изгони из души все сомненья
 Отрешись от московских друзей,
 На казачью дорогу терпенья,
 В бой за Волю Казачью! (Скорей!!!
 Будь готов! Горизонт все чернее —
 Скоро будет гроза!... Не страшись!!!
 На борьбу с вековечным злодеем
 За Родные Края поднимись!
 Наша цель — не казна золотая
 И не прах, — дым больших городов,
 Наша цель — Казакия Степная
 И в ней мы — племя вольных орлов.
 Вспомни степи, станицы и семьи...
 Там, над ними царит супостат...
 Неужель ты предал все забвенью, —
 По неволе и горю мой брат!...

.....
 И под звуки тревоги-набата,
 Что на подвиг и жертвы зовут
 За отчизну, что хамом распята,
 Казаки в бой последний идут.

Вини. 12 июня. 1935

И. К. Скубани

ЖИЗНЬ

Жизнь — это бурное море страданий,
 Зла и вражды — океан бесконечный,
 Жизнь — путь тернистых бесплодных исканий,
 Скрытый под маской улыбки беспечной.

Ныне — живешь ты как в сказке красивой,
 Чуждый печали и горьких сомнений;
 Завтра — как град над созревшей нивой
 Грозно проносится туча мучений.

Жизнь — это ложь и сплошная химера...
 Сердце от жгучей тоски изнывает, —
 Пусто в нем, больно, а прежняя вера,
 Словно больное дитя умирает...

Владимир Куртин

Виноград

(Продолжение).

По субботам все православные, старoverы и поморцы — в бане. Тонкой перегородкой баня разделена на мужскую и женскую половины. Огромный «перерез» с холодной водой, общий для мужской и женской половины, и тонкая, во многих местах продырявленная, перегородка делают это разделение «прозрачным» для всякого, кто, зачерпывая воду из перереза, согнется немного пониже.

Распарившимися свинными тушами лежат бородатые старики по полкам до самого потолка. Молодежь плещется из «ряшек» на полу. Время от времени кто-нибудь брызнет холодной водой по раскаленному котлу. Зашипит, заскочит котел, закружится густой горячий пар. Десяток «веников» зашумят в пару и зашлепают по старoverческим ляшкам, православным бокам и поморским спинам.

— А-ах!... А-ох!... довольно покряхтывают старики, обжигаясь горячим паром. А в промежутках между аханьем и оханьем обсуждают «общественные дела».

А в женскую половину будто все кубанские сорочки слетелись. Говорливы казачки. А в бане не говорить — зачем же тогда в нее и ходить?... В бане не говорить нельзя. Ну и говорят. И, конечно, все разом. О всем. Ибо, чего не видят, чего не знают казачки?... И их трескотню в бане полезно послушать. В особенности тем, для кого не все там безразлично...

— А, Андрей Прохорович?... Здорово!...

— Иди сюда!... Вот тут ряшка!..

Андрей присел на корточках:

— Ну и жарынь!

— Пар костей не ломит.

Переступая через вытянувшихся по полу казаков, Андрей добрался до перереза. Зачерпнул. Кружка стукнула о такую же кружку, которою черпала вода чья то женская рука.

Нюрка, инстинктивно почувствовал Андрей. Пригнулся — две розовые тыквы с заманчивой продольной серединой надвинулись над воду...

— Нюра...

А ухом уловил, что на бабьей стороне уже узнали, что он в бане. Там высокая сорочья стрекотня опустилась на две октавы ниже и перешла в интимное покрякивание уток, прерываемое громким хахаканьем парящихся и шлепаньем дубовых веников.

— И, и... милая, и не говори, слышит Андрей за перегородкой, совсем парень рехнулся... Присушила его твоя Нюрка!...

А на полке:

— Марей Лексеич, что не поздоровкаешься с «затем»?...

На верхней полке в облачках пара действительно лежал Марей; он упер ногами в потолок и шлепал по ним горячим веником.

— Прохорыч, обратился к Андрею казак, распластавшийся на полу около порога. — Надьсь я на охоте был... В Бездорожке... Зря ты столько трудов уложил!...

— Не твое дело! Грубо отрезал Андрей, довольно скверно чувствовавший себя в присутствии «тестя».

— Да мне то что, только весь твой виноград кнурь перекопали!...

— Е... мать! рывкнул Андрей. Вскочил, будто на него кто ряшку холодной воды вылил. Бросил короткий взгляд на Марей. Тот перестал шлепать веником и через обвисшие седые брови смотрел на Андрея. За перегородкой зашипели бабы языки.

— Всех свиней на Кубани перебью, а сад разведу!...

Наспех выкупался и выскочил в предбанник. А в обоих отделениях точно котлы взорвались.

— Не в своем уме человек!... Неудобная — не неук... Ее не объездишь!...

— С отцом на смерть разругался. Не хочу я, грить, твою мужичку ни за миллионы...

— А всему вы, Сергеевна с Нюркой, виноваты... Чево не уламаете старого видмея?!...

Солнце уже спускалось к Тифлиским курганам, когда Андрей пришел в Бездорожку. Около 300 чубуков выкопали или поломали свиньи. По следам увидел, что они пришли через овраг. Через глубокую канаву, обложенную с внутренней стороны тернами, не могли пробраться.

«Нужно засыпать яр, а потом выкопать канаву», решил.

Когда замигали первые вечерние звезды Андрей с ружьем в руках и кинжалом на поясе лег в яру «на выкашки». Ночь была теплая и тихая. Над Кубанью легла тонкая пленка тумана. Из станицы залетали вертушки песен. Откуда то прибежал ветерок, обвился около шен, но, запутавшись в барашковом воротнике его шубы, согрелся да тут и остался.

«Интересно: смеется ли сейчас надо мной Марей, или нет?... А Нюрка?... Из предбанника слышал, что и она сейчас же вышла из бани... А Марей все время пялил зенки. И молчал... Впрочем, он всегда молчит... Был ли в обвалах?... Васька что то избегать начал. А сперва подсмеивался... Чортъ мордастый! А тут отец со своей русской кабатчицей навязался»...

Бродят мысли в голове Андрея. Слетаются со всех сторон. И все на одной и той же точке заканчиваются. Нюрка и виноград...

Виноградова Нюрка...

А сам и не знает, почему он так неразрывно связал в своих мыслях Нюрку с виноградом... И почему, наконец, так «жестоко» ухватился за этот виноград, за эту «неудобную» землю, под боком которой плещется и ласкается Кубань...

На вышке будто лопнула струна бандуры. Металлический звук тоскою бездомника прорезал тишину ночи. И растворился в ней. А в черной мгле «глухого яра» лопнула другая струна. Еще выше тоном, еще тоскливее звуком. Чего они так тоскуют?... Почему не сойдутся?...

С крепости шелкнул выстрел. Гулкое эхо кувырком скатилось до Кубани, ударилось в высокую стену леса и разбилось, рассыпалось по ярам неудобной земли. Сычи замолчали. А на горе вдруг захохотал сумасшедшим хохотом филин. И опять тишина.

«Что теперь делает Нюрка?... Спит, небось»... Ясно представил себе ее тело, груди, как их видал в бане... Так ясно, так ясно, как будто она сейчас тут, около него, под ним... А может быть эта мягкая грядка земли, на которую он оперся локтями, не грядка, а Нюрка? И мгла, что белесоватыми складками покрыла яр, не мгла, а ее рубашка?...

Андрей вздрогнул и проснулся.

— Фу ты, черт... Задремал.

Было уже за полночь. Свиней не слышать. Посидел еще с час и ушел в балаган. Затворился и лег спать.

«Если придут и так услышу»... Но, как на зло, свиньи в эту ночь не пришли.

Вся пасхальная неделя выдалась сухая и теплая. Горячее солнце окрасило всеми цветами радуги станичные сады и палисадники. Но преобладали нежные

белые и розовые тона. Станица разговелась до зари и, основательно выпавшись, высыпала на улицу. На высокой деревянной колокольне православной церкви весело трезвоили колокола. То Кондрат, безродный и придурковатый казак, но настоящий художник-звонарь рассыпал колокольную дробь по станице.

Длинными шеренгами стягивались на «красную» улицу нарядные девки и бабы. Парубки и мальчишки, на прекрасных «домородцах», то в одиночку, то целыми группами джигитовали по улицам и, с налета остановив коней перед девками, наклонялись христосоваться.

Здоровое и искреннее веселье, жизнерадостный смех, звонкие «троекратные» поцелуи и песни, гиканье, четкий конский топот — все это лилось и искрилось улицей.

Корчагины жили на «Красной» улице, на три двора от площади. В благодушном пасхальном настроении старики уселись на лавочке перед хатой. Пришли соседи. Сидят. Грызут жаренные семечки. Поодаль у ворот, Андрей разговаривает со своею «присягою»: дюжым, нескладным казаком Борисом Разлапиным. Мимо них к площади плывут разноцветные волны казачек.

Вот из-за угла на «Красную» улицу выкатился веселый говорливый вал и, разбежавшись во всю ширину улицы, со звонким смехом и гомоном повернул к площади. Из середины вала вдруг вылетел вперед грудной девичий алыт, пролетел мимо сидящих на лавочке и меткой радостной вестью ударил о сердце Андрея. И оно вдруг затрезвонило, запело трелями, как и те колокола, что сыпят веселую похвальную дробь по праздничной станице.

— Нюра!...

Долетела, пробилась через черкаску и бешмет, обвилась около сердца четкая, любимая:

— «Вдоль по улице мой милый прошел!...»

Знает Андрей, что это ему Нюрка запела, что любимая запела ему его любимую...

...Проще-о о л...

опустилось до нежного интимного вздоха, а весь вал, схвативши это, едва слышное девичье признание, жаркой страстью девственного ожидания бросил по улице хоровое:

«Да любимую свою песенку
На свисточек про-о-свистал!...»

Подожли. Подравнялись. Наклонили немного головы. Повернулись полуоборотом направо. Лукаво блещат смеющиеся глаза.

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе!... А целоваться?...

— Много нас. Всех не перецелуешь!

— Гить!... Гить!... Расступись!...

Налетели парубки, разбивают шеренгу девок грудными взмылившихся домородцев...

— Христос Воскресе!...

— Убирайтесь!...

— Воистину... А ты что ж не нагнешься?! С конем, чтоли, буду христосоваться?!...

— И ему Пасха!...

— Боишься... упадешь! Какой же ты казак!...

— На!... Держись!...

Переломился на двое, обвинил пружинными руками тонкий девичий пояс.

Гикнул.

— Пусти!... Ой, пусти!...

Только пыль взвилась... А джигиты, слышно, уже на площади.

— Вот чортов Петро, как он нам Феньку выхватил!

Опять сомкнулась шеренга.

«Сказала я, девочка,
Что я замуж не пойду!...
Э... э... ах!...»

Тяжело вздохнула Нюрка. А подруги подхватили:

«Не пойду я, девочка,
Сроду не подумаю!...»

Смотрит Андрей за Нюркой. Впился глазами в колыхающуюся, разноцветную шеренгу.

— На Красной Горке нужно сварганить. Сам пойду к Марее. Не даст — силой возьму.

А на площади разливается новая песня. Из всех женских песен — любимейшая... Слушает Андрей песню — сердце тоскою сжимается.

— Уж ты сад, ты мой сад...

Сад зеленый виноград...

«Будет, будет и то. Зазеленеет мой виноград... А около него другие... Веселей будет течь родимая Кубань...»

— Почему ты мой сад

Так не ясно цветешь?

Осыпашься?...

«Почему?... Будет и то!... Нюрки нет!... А я ее возьму!... И зацветет. И осыпаться не будет!...»

Повернулся Андрей, а с отцом стоит сам Марей Алексеевич Виноградов.

— Христос Воскрес!...

— Воистину Воскрес!...

Ткнулись три раза усы в жесткую бороду...

— Молчат.

— Погода то какая, а?... Теплынь?... Заметно смущаясь, говорит отец.

— Черешни цветут, сам себе буркнул Марей.

Андрей взял из материного фартука горсть тыквенных семечек, нервно грызет их, далеко отплевывая шелуху.

— А девок то, девок? опять первым начал Прохор.

— Много, согласился Марей. И опять молчание.

С гиком и свистом пронеслись мальчишки на неседланых упряжных.

— Вишь, черти паршивые... И как они задницы себе не набьют?...

— Привычные, заметил Марей.

— Чорт его знает, что с ним говорить, с досадой думает Прохор, уже было собравшийся к Миленьевым «с визитом».

— Да что ж ты не позовешь к столу? Поднялась старая с лавочки, стряхивая с фартука шелуху.

— Да и то... Заговорились!... Не побрезгуйте, Марей Алексеевич... А ты куда, Андрей, не хочешь?

— С Борисом дело есть...

— За столом сейчас дело... Других делов нет!...

Посредине стола стоит высокая пасха, около нее, как цыплята около квочки, теснятся меньшие. На другом краю стола другая семья — водочная. С такой же толстой мамашей — бутылкою. Миска с красными и синими «посвященными» яйцами. Жаренный поросенок. Индейка. Различной величины и формы колбасы. Сало. Сыр.

Прохор налил по большой рюмке водки.

— За первой не говорят... Марей Лексеич!...

Молча выпили. Закусили. Марей из-под-лобья шныряет глазами по хате.

«Что это значит? думает Андрей, наблюдая за старым поморцем. Зачем он пришел?...»

Отец налил еще по рюмке. В открытое окно льется колокольная трель.

— Ну и мастер Кондрат Матвеевич!... Гордятся им православные!... Не выдержал Борис.

— Хорошо трезвонит.

— А почему это нам колокола запрещают? Какой такой закон?

— Ну, пойдет нести околесную, с досадой думает Андрей... В хату ввалился толстяк Яков Петрович. Выпучил глаза на Марее. Широко перекрестился три раза.

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе!

Перецеловались. Выпили.

— А чево ж это ты, Марей Лексеич, али рак на горе просвистел?

— Угадай, просто ответил Марей. Савостьяныч из нечеры вылез...

— А-а... не удержался Андрей. Налил себе рюмку водки, хлопнул залпом.

— Отрамил ты нас, Марей Лексеич, а теперь сам пришел... ничего не понимаю.

— Все понятно. Савостьяныч приказал. Черешня поспела. Продать нужно...

— А чево ж ты нам ее не продал, когда я сам к тебе пришел?...

— Не знал, в какие руки товар попадет.

— Чем же мы хуже Рогачевых? Вскипел Прохор. Что он начетчик?... А мой вахмистр!... Ежели сам Максим Перфильевич свою дает... с тыщами...

— Ну это ты, папаша, оставь. Я не продаюсь..

— Али не девка?...

— Девка-то девка... только мужичка... Чего ж это мы с мужиками мешаться будем?!...

Марей одобрительно кивнул бородой.

— Брось ты, старый, вмешалась мать. Не тебе с нею жить... Уж когда Господь так дал — еще по одной и заговоры!...

Выпили.

— Да что сговариваться: за косу 200 рублей, за каждую бровь по сто и три ведра водки...

— Много Лексеич!...

— Ничего не много! крикнул Андрей. Срам бы мне было взять жену дешевле!...

Перецеловались.

Прохор, очевидно, хотел немного «сбить».

— Вот Марей Алексеевич — потому как ты нас осрамил... А у нас на примете невеста...

— Папаша, если еще упомянешь кабатчицу, я отделюсь!... Женись ты с ней сам!...

— Ну, чорт с тобой!... Казак ты у меня. Что, Алексеевич, рази не казак?

— Потому сам и пришел... А я... я не на водке нажил... А когда умру — сад Андрею!...

— Ура! Закричали Яков Петрович и Борис. Такого сада на всей Кубани нету!...

Выпили еще под курятину и, обнявшись, запели: «А кто у нас по улице проезжал?...

А кто у нас по широкой улице?»...

А Андрей, оседлав Лыска, вихрем вынесся на улицу. Рослый рыжак широко разбрасывал мягкой землей по обоим сторонам улицы. За Андреем увязались казаки. На Мелентьевом парадном крыльце промельнула вся разряженная семья кабатчика. Колокольный грезвон, песни, гиканье, конский топот и ветер. Лясканье, удары бубна и тарелок смешалось в ушах Андрея в одну победную песню любви и счастья. Казалось ему, что он на своем скакуне влетает в настежь отворенные ворота широкого двора, на котором протечет вся его счастливая жизнь.

Осадил коня. Взмахнул плетью:

«Долина долинушка...

Гей, гей!...»

Высоко взвился Шишкин подголосок. Заклубилась, забурлила песня по улице, разметая многоголосый нестройный гомон, как орлиный клекот разгоняет воробьиною пискотню. Развернутой шеренгой стали перед двумя шеренгами девок, что, ухватившись за руки, то подступая шеренга к шеренге, то отступая, пели старинные пасхальные песни. Выдвинулся Андрей немного вперед, подождал пока подойдет шеренга, в середине которой была Нюрка. Черным коршуном метнулся вниз... Не успели девки и крикнуть, как Нюрка уж лежала в руках Андрея. Гикнули казаки. Широким скачком рванулся Лыско. Взвизгнули, рассыпавшись во все стороны, девки. Засвистел ветер. Гикают и стреляют казаки. А Андрей крепко прижал к себе Нюрку, кричит ей в лицо:

— Готово! Высватал!... Отец твой у нас!... И косу твою купил... и брови...

Смеется Нюрка, ширит ноздри.

— Знала я... Савостьяныч был.

Опять Мелентьево крыльцо. Гаркнули казаки. Смеются...

Перед двором отец и вся компания руками машут, кричат, зовут... Пронесся Андрей мимо. Полагалось домой отвезти невесту... Перед хатой, что уютно в белых черешнях, опустил Нюрку на землю. Поцеловал.

— Вечером со сватами приду!... Приготовь ручки!...

Опять гикнул и, джигитуя, понесся по улице.

Старый атаман, Евстигнеич, важно позвонил в колокольчик и, опершись руками о стол, выпрямился.

Господа старики, прошу выслушать заявление вахмистра Корчагина.

Андрей подошел к столу.

— Станичники! Как значит нынче по всему Кавказу замирение настало, нужно нам показать, что мы, казаки, можем сами со своею землею управиться. Нужно показать, что мы не зря проливали кровь за Кубань и что она в путевые руки попала... Вот у нас под горой «неудобная земля» без какой пользы лежит, а ее наберется десятин тысячи... А на виноград и сады эта земля самая подходящая... Кубань подмывает наш берег. Вот и скит уже обвалился. Может так и со станицей быть... В Мокром Куту тоже земля потрескалась... А я бы вас, господа старики, просил, чтобы, значит, всей станицей загата на «Востром» направить. Так вода в другой берег била бы, а наш бы мирнее был. Без бурунов и глубины. А то уж дошло до того, что и на «пристани» с водовозкой в воду нельзя: глыбы...

Старики загалдели.

— Как же это мы с Кубанью воевать будем?! Сила она! Все загаты снесет... Только труды пропадут!...

— Нет, станичники!... возвысил голос Андрей. Можно так сделать, что загата будет сто лет стоять... Был я там уж не раз. Все продумал. А лесу у нас не занимать. Сваи забьем... Только прежде нужно дорогу в Бездорожке до Вострого прокопать!...

— А, вишь куда гнет? Чтобы, значит, мимо его сада прошла!...

— Конечно! Смеется Андрей. Но ведь и вы там места возьмете?

— Нам и в степи земли хватит!...

— Постойте, погодите!... Поднялся атаман. — Корчагин дело говорит. А вот мой сказ: От завтра все десятки на работу. За дорогой пусть помощник смотрит, а за загатой Корчагин. Так и в приговор запиши, приказал он писарю.

Збор зашумел. Но видно было, что большинство одобряет.

— Это он со своим тестем обмозговал!...

— Господа старики! Начал опять Андрей. Я бы вам еще хотел одно сказать, чтобы вы приговор постановили, чтобы никто не смел мужикам землю в аренду давать и чтобы никто на свое имя в станице планты за них не занимал!... Потому — взгнездится мужичье — осилит и нам с вами места не будет...

В присутствии, а особенно в коридоре, настала буря. Атаман с трудом установил порядок.

— А как же с землей будут управляться казачки? А ежели, например, вдова?... А ежели, например в хате работников—то только за столом?... Засыпал Андрея вопросами станичный фельдшер.

— Господа старики!... Громко и ясно начал Андрей. Нужно сделать так, чтобы общество взяло на себя землю казачек, если дома работать некому... Так и вдовью. Потому, как общество многих казаков само на службу справляет, — общество пусть и землю держит, пока казак со службы не вернется!... А у каждого, кто будет за ведро водки мужикам планты делить, пай отобрать!...

Долго шумели старики в тот день на сборе. Но, в конце концов, верх взяли поморцы и староверы и приговор был написан. Андрея молодежь качала, пока не выкачала ведро водки.

Цокотит новый ход, а пара карых, натягивая возжи, в разброд четко екают селезенками. Андрей правит. Нюрка около него. Вот и новый спуск. Слева гора, справа, глубоко внизу, озеро. Постромки враз обвисли. Хомуты с'ехали коням на уши. Андрей притянул возжи.

— Не разнесут? В страхе спрашивает Нюрка, глядя вниз под обрыв.

— Ничего не бойся. А все же... Ну, да за первое время и так пройдет...

На полупуске пустил коней вскачь. Вмиг слетели с горы, пронесли по котловине, выскочили на пригорок и спустились на широкую ровную просеку въ густом буковом лесу.

Кони пошли шагом. Ровный гладкоствольный бук непробойными рядами выстроился по обеим сторонам дороги. Между стволами переплелся дикий виноград, хмель, ежевика...

— Хорошо в лесу, пожимая Андрею руку, говорила Нюрка.

— Чудно это, Нюра... Вот когда я в лесу, вблизи Кубани, мне кажется, что лучшего места и нет нигде, а когда в степи, на покосах или пахотях, кажется, что красивее нашей степи нет ничего в мире... А когда на Кубани, когда слушаю как она что то говорит, говорит... нашептывает, когда смотрю, как она играет ветками, смеется на солнце, перескакивает с камня на камень... Одна и та же, а непрестанно меняется... Не оторвался бы от нее! И тогда мне как хотелось бы показать тебе все, что вижу, рассказать все, что слышу... Прямо больно как то было, что столько хорошего происходит без тебя...

— Милый!... поди...улась к нему Нюрка. И я с тобою... Мой отец говорит, что у каждого растения есть душа и что они и говорить умеют...

— И я так думаю... Деревья с деревьями, трава с травой, камыш с камышом.

Неслышно идут кони по мягкой дороге. В тишине хмурого леса четко отзванивает цокотанье хода... Стало слышно шум — невнятный, неопределенный, но так хорошо гармонирующий с чуткою тишиной леса! Кони сами поддали шагу. Шум Кубани становился все сильнее. Пролетела стая уток. Старый лес остался позади, а ближе к берегу высыпала зеленая мелкотня. Будто стая резвой детворы, что, гонячусь друг за другом, с веселыми криками и смехом бультаются в воду.

На этом месте Кубань делает острый поворот, потому то это место и зовется: «Вострый» или «Вострый клин». Кубань тут не широка и не особенно глубока, но течет так быстро, что уже на глубине колена сбивает с ног. Тут то, с правой стороны острого языка, и поставили загату.

Бешено бросается Кубань на загату, трясет огромными толстыми сваями, пенится, бурлит, рокочет, заплескивает волнами и быстро быстро оббежав ее левый бок, усталая, тихо крутится на правой, подводной стороне.

Андрей и Нюрка стоят на самом краю загаты. Молча смотрят в воду, что мчится под ними... И кажется им, что Кубань крепко ухватила за берег, за лес и загату вдруг стала, а они сами сперва поплыли, потом отделились от поверхности воды и полетели... Летит вверх над Кубанью. Далеко, далеко... До самого ее сердца что кроется в льдистой груди Эльбруса.

— Голова закружилась, Андрюша, пойдем...

— Вот видишь, Нюра, больше не будет обваливаться наш берег... Видишь, как режет в тот берег?

Наполнили баклаги. По буграм и перелескам вывели карые до сада с южной стороны. Распрягли коней. Вышли на бугор, что на середине сада зеленеет высокой беседкой от буйно заплетшейся «Изабеллы». Вокруг беседки покачиваются подвязанные к высоким колыям широколиственные лозы. Андрей взял одною рукою за длинную жирную лозу, другою держит за руку Нюрку.

— Ты мне скоро родишь казаченка... А вот эта лоза через год тоже родит...

— А когда она вышла замуж? Смеется счастливым смехом Нюрка.

— Сколько раз я каждую из них в руках держал? К почкам присматривался... На зиму землей по-

крывал... Откапывал... Теперь вместе будем работать...

— Я к саду привычная... Осенью вокруг сада абрикосы посадим. И персиков. Люблю я персики! Особенно вот те, у которых сока много и холодный он, холодный...

Внизу за яром поднялась струйка дыма.

— Борис полднюет... Захватил и он десятины четыре... Корчует...

Уже задирикали южные кузнечики. Заголосили сычи. Кубань покрылась легкими белыми простынями. На закубанской стороне там и сям зажглись огни. На западном спуске поднялась пыль... То казаки возвращаются с водопоя.

Андрей затворил ворота сада. Подошел Борис с двумя братьями.

— Ну, как идет корчевка?..

— Хорошо!... К осени будем готовы... Смотри, чубуки не раздай...

— Оставляю... Еще 5-6 лет — самой виноград будет... Покажем мы, что значит «неудобная земля»!...

Въ мглистом воздухе плавают паутины. Над пыреевой закубанскою степью играет в жмурки марево. Золото пылью покрылся лес, а в лесу серебряной чешуей поблескивает угомонившаяся Кубань. Неудобная чернеет десятками выкорчеванных, перекопанных плешин. Над горой бесконечной вереницей летят огромные орлы — коршуны. Черными пачками покажутся над крепостными валами и величаво, неторопясь, не двигая крыльями, пролетают к восточному пикету. Закружатся стайей, подымаясь все выше и выше, точно степной вихрь, и не станут во мгле осеннего дня... А над крепостью появляются новые черные точки.

Над Корчагиным садом вкусно пахнет полевой кашей. Андрей с помогальщиками и помогальщицами (поденщиков уже не брали) сажают абрикосы. Персики уже выстроились длинными рядами около северной канавы. Нюрка со свежью стряпала обед...

Присъла Нюрка на короточки около горнов огонь непробойными рядами выстроился по обоим сторонам... Ухватила за живот, покачнулась...

— Мама!...

Прибежал Андрей. Бабы... Отнесли Нюрку в балаган... А пока верховой разыскивал повитуху, пока она кувыркотом скатилась с горы до балагана, — на руках у Фоминишны уже барахтался казаченок...

— Нюра, дюже больно было? Спрашивает совершенно растерявшийся Андрей, не зная, на кого ему смотреть: на жену или сына.

— Дуралей ты мой, слабо улыбнулась Нюрка, что спрашиваешь?

— А што я знаю... Испужался дюже...

К вечеру помогальщики и без Андрея посадили все, что было оставлено на завтра, а вечером, идя около хода, в котором лежала Нюра с сыном, пели на всю станицу:

«Я сына качаю,

Сына качаю:

Перемены себе чаю...

Перемены себе чаю...»

Много раз Кубань, надувшись как старый сыч на вербе, набрасывалась на Корчагину загату. Много раз, подражая станичным мальчишкам, что каждую осень крадут тыквы по огородам и пускают их под гору — пускала и она под воду огромные сапетки с голышами. А станичники опять забивали сваи. Покрепче. А в новые сапетки опять бросали голыши. Поувесистее.

В конце концов надоело легкомысленной красавице возиться с загатою. На самый Петров день, когда около нее ни живой души не было, Кубань изловчи-

лась, оперлась о загату, рванулась к левому берегу и пересекла перешеек...

Напрасно дубы своими жилистыми руками цеплялись за обмякшую землю. Как перьями закружила ими красавица — непоседа. Вытолкнула их в широкое русло пониже «пристаней»... И поплыли они в Черное море, ворочаясь с бока на бок, как перекатиполое по широкой осенней степи...

Утром зачернела гора станичниками.

— Глядь, чуда! Против Вострого — остров настал?!

— Ну и Кубань!...

— Одно слово — Вольная! Куда схочет, там и скочит!...

— А погляди, какие корчаги несет!

— Да от Корчагиной загаты и выскочила!...

Так новый остров и прозвали «Корчагин остров», а большую дугу отрезанной Кубани: «Старой Кубанью»...

— Вот рыбы будет?!

— А сомов!...

— Не будет нам больше землю красть.

— Ну и чудеса!...

Из года в год рос и ширился Корчагинов сад. Из года в год на «неудобной» земле появлялись все новые и новые «займища». Засыпались яры, выкапывались канавы. Выкорчевывались пни. Выжигались терны... И — засаживались «чубуками». Гнилая вода из балок отводилась в Рогатое озеро или просто в Кубань. Выростали сады, стройными рядами выстраивались виноградники, зазеленели огороды...

Комары, от которых прежде житья не было, сбились в лес, ближе к Кубани. Дикие свиньи перевелись, перекочевали волки. Только самодум — барсук задержался. Но и их уже было немного.

В корчагинском саду уже спеет янтарный «паршак», донской «пухляк», «простой» белый, «крутой», черный. А в котловине, около копани с высоким журавлем, сбитый, пухлый, как детские кулачки, винный — бургундский. — Длинная «тунель» ведет серединою сада к белой хатке с двумя комнатами. А из зеленой листвы «тунеля» свешиваются и дреют на солнце тяжелые «разбродистые» кисти кишмиша.

У другого колодца обручами — один шире другого — разметалась клубника, вцепившись в землю своими жилами — помпами. По дороге, около канавы, пасут коней два казаченка: Николай и Григорий, а маленькая Маруся помогает матери варить борщ и поет:

«Девуска клапивуску блала»...

Сам Андрей уже давно не Андрей, а Андрей Прохоровичъ, т. к. Прохор, после недолгой болезни, переселился на станичное кладбище, густо заросшее сиренями и акацией.

Он так и не научился работать. Ни в степи, ни в саду.

— Двадцать пять годов по трущобам шалался!... Это не 4 года!... Мы не служили, а — **во-евали!**... Державы брали!...

А оставшись с приятелями, идучи от кабака до дома, пели:

«Отбить государство

Посылают, братцы, нас...

Не успели, братцы, к расчету —

Под арест сейчас!...»

Его Фоминишна, вынянчив двух внучат и поигравшись два года с внучкой, пошла за своим стариком.

В старой, «рубленой» хате жили турки — булочки, а сам Андрей Прохоровичъ — первый в станице — переселился в новый дом под железною крышею.

Марей Алексеевич держался дольше, но после разгрома скита как-то вдруг захирел и умер, оставивши свой огромный образцовый сад зятю Андрею. Работы было много, но Корчагины с ней управлялись

легко. И в садах и в степи. Да и легче было теперь работать. Появились букаря и первые лобогрейки. Работали «спрягаясь» по 3-4, а то и 5 семей. Мужикам, которые теперь назывались «иногородние», не давали силы и К. станица дольше других сохранила свой казачий склад. Иногородние в станице были: торговцы, портные, сапожники, печники, колодезники и т. д. Но не земледельцы и, особенно, не садовники. В садах они ничего не понимали.

Весной 18... года, когда поморцы похоронили своего старого начетчика Савостьяныча, в «обвалы» приехали русские православные монахи и — эскадрон «полевых жандармов»... Молебно развалили, золотой крест, евангелие и пр. церковную утварь «под конвоем» отправили в Ставрополь. Всю обвальскую землю «отмежевали» под православный св. Никольский монастырь.

Казак жаловались всем своим и русским властям — вплоть до царя. Несколько раз разгоняли монахов, но их опять туда водворяли. Угрозами и водкой старались убедить станичников дать на «обвалы» приговор. Но ни один збор такого приговора не дал...

Станица богатела. Ширилась. Обстраивалась новыми домами и амбарами. Посылала свою молодежь по российским училищам и упорно, шаг за шагом отвоевывала степь от тернов, а неудобную — от яров, водомоин и — Кубани. Сама Кубань, увидав на своем правом боку цветущие сады и виноградники, немало образумилась. И если по своей привычке еще и разливалась, то шкоды большой уже не делала.

По степным шляхам и лентам цокотят хода, по загонам и покосам машут крыльями новые птицы-косилки. На гумнах, между высокими скирдами снопов, пыhtят, отдуваясь от жары и пыли и пронзительно свистя, молотилки... А из-под горы с неудобной когда-то земли, с ранней весны до глубокой осени неслышно поднимаются в станицу сотни ресорных линейек с корзинами. По утрам линейки с корзинами катятся на станцию. Выстраиваются рядами на базаре. К корзинам хищными стаями слетаются армяне, персы, греки, русские и — развозят по широкой России все, что родила удобная и неудобная кубанская земля: крупную, как воловье око, черешню; сладкую вишню; сливы и черносливы; абрикосы, жерделу, персики, айву, мушмулу, клубнику, малину, лычу, помидоры, груши, яблоки... Но больше всего винограда. Десятки сортов винограда. От «простого» белого до твердых мускатов, что легко пробираются даже до Москвы и Петербурга.

Андрей Прохоровичъ побывал и в Екатеринодаде и в Новороссийске и в Анапе. Даже в Крыму. И отовсюду привозил на Кубань новые знания и новые чубуки. Его сад сделался рассадником для всей станицы. Его советами пользовались даже агрономы.

Работал он и в степи. Но в то время, как в степи только работал, в саду, работаючи, отдыхал. И прищепы удавались ему не хуже, чем Мареею. Но настоящей его страстью был виноград. И то, главным образом, культивирование твердых столовых сортов. Мягкие винные сорта давил на вино. Умел делать шипучие вина (шампанское). Но продавал вина мало, обычно церквям и на свадьбы. Зато из своего дома почти совсем изгнал водку. В его погребке всегда было до 100 ведер различных вин и потому нет ничего мудреного в том, что у Андрея Прохоровича было много друзей станичников и «хороших знакомых» среди интеллигенции, в особенности офицерства.

Много воды унесла Кубань в Черное море. А много и в Азовское. Много капель горячего зноя пало с казачьих лбов на широкую степь от Кубани до Челбас. А много и на буераки «неудобной» земли.

Сотни землянок и рубленых хат, обнесенных валом с частоколом, давно сравнялись с землей, а на их месте выросли высокие и светлые дома с широкими окнами, за которыми так приветливо белеют

кружевные занавески. Около станицы и в самой станице разрослись буйные сады, которые так ошеломляюще действуют на каждого, кто первый раз въезжает в станицу. Ибо он не видит «станицы». Той «станицы», которую ожидал найти: правильные ряды грязных мазанок с «плацдармом» посередине. Он видит образцовый огромный сад, а в том саду опрятные, веселые казаки дома.

Около станицы прошла железная дорога. Говорят (как анекдот, конечно), что на другой уже год, телеграфные столбы расцвели. А осенью с них заморские инженеры — путейцы рвали черешни, сливы, персики... И удивлялись плодородности кубанской земли. Но эта плодородность объясняется просто:

Много лет земля удобрялась казачьей кровью... А на кровь лег пот. Получилось такое химическое соединение, от которого и телеграфные столбы могли расцвести...

Андрей Прохорович был уж очень похож на св. Николая. Только волевой орлиный нос да черные острые глаза говорили о том, что он еще далеко не святой старик. Ни один раз еще не был болен. Не потерял ни одного зуба, а о головной боли понятия не имел. И когда, бывало, Нюра жаловалась, что у нее болит голова, он искренне удивлялся:

Как может болеть голова, когда на всей голове нет никакой болячки?!

Но Нюра его частенько похварывала. И рожала почти каждый год...

Любил свою Нюру Андрей Прохорович, как и в первые дни. И ласков был с нею, как и в первые дни. И каждое почти лето посылал ее то на море, то на воды, то на грязи:

— Отдохни, Нюра, нарабаталась...

Хороша Кубанская земля в августовские дни! Ранним утром умоется росой, принарядится веселою буйною зеленью и разложит свой товар лицом — на выставку: все, что казаки посадили и посеяли, она в своей глубине переработала. Но, как и на выставке, обычную публику больше привлекают предметы приятные на вкус, и на цвет, и на ощупь, так и на Кубанской земле обычную (не торгово — промышленную) публику больше всего привлекают сады и виноградники.

— Ну, тут станем! ткнул атаман отдела кучера в спину.

С двух линеек с громким смехом и писком спорхнули дамы и барышни. С коней соскочили офицеры.

— Ваше Пр-во! Здесь очень крутой спуск! — ругает атаману адъютант, сотник П.

— Ничего... не разобьемся!...

Блестящая компания вышла на Шпиль.

— Ах, какая красота!...

— Прелесть!...

— Какой простор!...

Десяток голосов наперерыв выражали свое восхищение дивной картиною, открывшейся с высокой горы на закубанскую сторону.

— А ну смирно, сороки белоголовые! прикрикнул на своих дочек и их подруг генерал.

— Послушайте!...

Из садов с зеленого, волнистого ската поднималась песня. Скрытые высокими виноградниками и фруктовыми деревьями, пели казаки и казачки. Работая, они не могут не петь. Как цикады в жаркий полдень... В разных по содержанию, мелодии, голосам и исполнению песнях поднималась к небу казачья душа. В этих песнях — вся их жизнь, вся история, все идеалы... В этих песнях — вся любовь к родному краю, вся неразрывность их с родиной, кровью и потом удобренной землей...

Задумался старый атаман. Калмыцкие глаза его, обычно острые, как колочки, теплятся доброй и спокойной гордостью.

— Девочки, дамы и вы, г.г. офицеры, я поведу

вас в сад к одному казаку... Предупреждаю: ведите себя в саду, как в церкви!...

— Я не шучу! осадил он одну захихикавшую барышню.

— Но, но... не так-то уж страшно, — засмеялся он своим толстым животом.

— Не нужно уважением отнестись к тому старому казаку, с которым когда-то я вместе служил. И ко всему, что в его саду увидите... И еще один приказ: самим, без него, ничего не рвать!.. Он добрый, но не любит, когда гости сами шныряют по саду, точно... словом, знаю я Андрея Прохоровича!...

— Папа, а где этот сад?...

— А вот он! Видите вот тот ряд персиковых деревьев?...

— Но, папа... персики-то мы знаем, а персиковые деревья?...

— Э, тогда смотри сюда. Видишь?...

Видим, видим!...

— Так вот от тех персиков и до вон тех тополей... Там у него мелкий колодезь есть, копань, как они говорят... А около того колодезя... Пальчики оближете!.. А впрочем, у него и «Дамские пальчики» есть.

— А знаете-ли вы, господа, что было на этой земле 25-30 лет тому назад? Ничего!.. Или, как это в св. Писании сказано:

«А земля бияше пуста и празна...» Вот такая «пустая и праздная» земля была здесь не так давно... А вместо песен — волки завывали...

— Кто-же это все сделал?...

— Казаки!.. Но, но, уважаемая Дарья Петровна, обратился он к жене есаула Л. — и казачки!...

А в это время, когда толстяк атаман, генерал Г-ов объяснял молодежи историю «Неудобной» земли, в саду Андрея Прохоровича «резали» виноград. Девки весело и шустро носили полные корзины винограда к хате, на дорогу, где под высокими жерделами Андрей Прохорович взвешивал корзины на безмене и передавал их армянам.

— Папаша, а посмотри — сколько на горе народу! Закричала Настя, младшая дочурка.

— И то... кабыть и сам атаман отдела...

— Вот тот, толстый?.. А барышни помогут нам виноград резать...

Андрей Прохорович вымыл руки, т. к. от сладкого винограда слиплись пальцы, разгладил бороду и пошел вверх к воротам.

— Добро пожаловать, ваше пр-во... отворил он плетневые ворота.

— Ни, ни... какой я тебе превосходительство?.. Здраваясь за руку с Андреем Прохоровичем, говорит атаман.

— Можешь-ли пустить нас в свое святая святых?.. Ведь эта вот молодежь — дикая!...

— Не бойтесь, дедушка!.. Мы будем паиньки... добренькие!.. затрещали барышни, обступив Андрея Прохоровича.

— И еще одно, отстраняя лозу, перекинувшуюся с одного ряда на другой, предупреждает генерал:

— Не обедаться!.. Чтобы не было... нежелательных последствий!

— Ничего, ничего, барышни, смеется Андрей Прохорович, от винограда никаких нежелательных последствий не бывает.

(Окончание следует)

Сергій Савицький.

...Раз нас мати породила

Не двічі вмирати —

Бог поможе — й москалика

Виженем із хати...

И. К. Скубани

Моя любовь

(ИЗ ЦИКЛА: «ТЕНИ БЫЛОГО»)

*Посвящаю с глубокой любовью подру-
ге моей скитальческой жизни Ж...ке.*

Сон-ли это, реальность, — не знаю я сам, —
Жизнь загадкой полна непонятной,
Но я верен моим лучезарным мечтам
И любви, как весь мир, необъятной.
Прилетела она вместе с запахом роз
И сроднилась с моею душою...
Сколько чудных минут, юных радужных грез
Пережито минувшей весной!...
Сколько было тревог, что грядущие дни
Нас разлучат, быть может на веки...
Как, бывало, вдруг меркли надежды огни
И слезой обжигались веки...
А шипящую, злую змею-клевету
Разве можно отметить границей?
Не щадя, нас толпа пригвождала к кресту,
В сердце сплетней вонзая многолицей...
Но минула пора и молва улеглась —

Перед силой любви горделивой
Вся плеяда лжецов, пораженья стыдась,
Стушевалась с улыбкой трусливой.
Ты, родная, со мной. Что-ж печален твой взор
И как будто в речах недомолвки, —
Видно снова в душе наболевшей укор
Породили нелепые толки?
О, не верь ничему, веселее гляди
И живи лишь восторгом свиданья, —
Мы не знаем, что рок нам сулит впереди
Торжество или горечь страданья...
Сон-ли это реальность, не ведаю я, —
Так запутана жизнь непонятно,
Но я песню пою о блаженстве ея
О любви, как весь мир, необъятной...

1925 год.

Иван Назаров

„Парад“

Сегодня на парад и я попал случайно.
Чужой народ, парад в чужой стране, —
Но как отрадно все, и как необычайно,
Как радостно и как все близко мне...
Весь город тут — и девушки, и франты,
И дамы, и ряды суровых ветеран...
Идут войска, играют музыканты
И бьет под такт огромный барабан.
И все горды, что есть у них солдаты,
Что их родит свободная земля,
А в черный день — они оденут латы
И в бой пойдут по слову Короля.
Толпа живет: глаза сияют страстно,
Народ приветствует свою родную рать
И вижу я, — всем хочется ужасно
Схватить ружье и с ним маршировать...
А мой народ?!... разбросанный в чужбине
Иль «там» страдающий под игом палачей?!..
Нет у него солдат, нет музыки,
Ни воли дедовской по ширине степей.
Что думает еще?!.. Одни столпились стадом
Вокруг вождей, забывших долг страны,
Без мысли о борьбе, с тупым потухшим
взглядом
Слепого рабства верные сыны.
Другие «там», страдая под Драконом,
Наперекор их мести и злобы,
Все ж черезчур послушные законам,

Все ж черезчур бессильны для борьбы...
Когда ж придем мы к общему сознанию,
Что все должны мы стать на поле в ряд,
Зажечь свой дух святой кровавой бранью
И выйти в бой, как сербы на парад?
Иль никогда?! — Иль даром наши деды
По ширине воинственных степей
Разбрасывали смерть и сеяли победы
Для жизни в вольности, в пиру богатырей?..
Иль даром в страшный год, под гнетом дикой
силы
Бесчисленных, в их множестве, врагов
В степях легли кровавые могилы?
Без счета и на них весной алеет кровь...
Нет, верю я: напрасны укоризны —
Народ в бреду, но мой народ поймет:
—Нет чести жить с вождами без отчизны,
Ни «там» страдать за цену голой жизни,
Но — встанет и пойдет...
И будет этот день началом искуплений,
Началом общего восстания за честь.
Блеснут огни меж вражеских селений
И поползет змеей кровавой месть...
Тогда настанет пир. Там из свободных грудей
Рванется крик — восторгам воли рад...
Там будет смерть и музыка орудий —
Там будет наш парад...
.....

О. Ходькевич-Сапсай**Гей, козаки, до гурту!**

Гей, козаки, хто живий, озивайтесь!
 Годі ховатись, а нуте, збирайтесь!
 Хто з вас козацького доброго роду,
 Хай він лаштує себе до походу.
 Годі лежати!
 Годі нам спати!
 Підемо в бій ми усі, хоч загинемо,
 А хоч ярмо ми гуртом з себе скинемо!

*

Чуєте, Батько-Отаман гукає:
 Всіх козаків він до гурту скликає...
 В кого ще серце козацькеє б'ється,
 Хай він на гук той мерщій одгукнеться.
 Нуте ж, не гайтесь,
 Швидче збирайтесь!
 Підемо в бій ми усі, хоч загинемо,
 А хоч ярмо ми гуртом з себе скинемо!

Гей ви, козаченьки, добре ви дбайте,
 Всі в хутори, у станиці вступаєте;
 Треба всю силу козацьку зібрати,
 Щоб коло Батька-Отамана стати.
 Нуте ж, єднайтесь,
 В купи збирайтесь!
 Підемо в бій ми усі, хоч загинемо,
 А хоч ярмо ми гуртом з себе скинемо!

*

Треба нам рідну Кубань рятувати,
 Треба з неволі братів визволяти.
 Маємо Батька, що знає дорогу,
 Маєм братів, що ідуть на підмогу.
 Годі ж ховатись!
 Час нам збиратись!
 Підемо в бій ми усі, хоч загинемо,
 А хоч ярмо ми гуртом з себе скинемо!

25 липня 1935 р.

Приговор

Сбора хутора Вольных Казаков в Бельгии, состоявшегося под председательством хуторского атамана есаула В. В. Донского, казака станицы Митякинской, Георгия Каллиниковича *Рудакова* и секретаря — казака Кубанского Войска Григория Елисеевича *Постола*.

Крайне сожалел, что назначенный на 19-ое мая сего года созыв Большого В. К. Круга, по независящим от нас и Центра нашего обстоятельствам, не мог быть собран и что наисущественное желание наше — личное присутствие на Большом Круге избранного нами депутата (имевшего к тому полную возможность) не могло быть осуществлено, мы, нижеподписавшиеся все члены хутора, примирившись с горечью эмигрантского нашего положения, решили положиться на волю большинства депутатов других стран, имевших возможность собраться вместе, для решения намеченных вопросов программы ВК Большого Круга, с каковыми были достаточно ознакомлены в свое время.

Ныне получив официальную информацию о решениях ВК Кругов и Съездов, опубликованные в №№ 177, 178-179 «ВК» за июнь и июль месяцы с. г., нашли все решения вполне удовлетворяющими и полностью приемлемыми нами.

Приветствуя избрание нашего Походного Атамана ВК, инженера *И. А. Билого*, и всех братьев вольных казаков, принявших деятельное участие в благополучном разрешении давно намеченной задачи, присовокупляем наше клятвенное обещание честию своей неподкупной служить по крайнему разумению нашему, верно и нелицемер-

но, на пользу осуществления идеи ВК: освобождения Краев наших от поработителей и создания государства нашего Казакии, славе Его и процветанию.

Призывая в помощь Бога Единого, готовы и жизнь свою положить за воскресение и счастье Казачества.

Созная всю тяжесть принятой на себя задачи, мы не можем не учитывать и того обстоятельства, что для скорейшего продвижения вперед в успешности стремлений наших, помимо моральных качеств и средств, необходимо иметь и средства материальные, а посему ставим себе в обязанность заботиться о собирании таковых по мере наших сил и возможностей.

Теперь же, считая необходимым поддерживать материально Центр ВК, т. е. возглавление наше, постановляем принять самообложение каждого члена хутора ежемесячным взносом в два франка. Взносы эти должны поступать в кассу хуторского казначея, а последним периодически отсылаться в Центр ВК.

Настоящий приговор утверждается нашими собственноручными подписями, скрепляется подписью атамана и хуторской печатью.

Подписали: председатель хуторской атаман *Г. К. Рудаков*. Помощники атамана: *В. М. Ерохин* и *Н. К. Боровлев*. Секретарь *Г. Е. Постола*.

Казаки: *Г. Бурьба*, *Т. Е. Дереха*, *С. С. Псарев*, *А. Шевляков*, *М. О. Адамов*, *А. Сысоев*, *Г. Павличенко*, *И. Брежнев*, *А. Размеров* и *И. Е. Михайленко*.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Укрепление государственной самостоятельности Кубани.

История учит, что даже самые могущественные и внутренне сконсолидированные государства могут вести внешнюю войну только до известного предела напряжения своих сил. Если государственная власть ставит для своей армии, для своего населения такие задания, достижение которых явно превосходит силы и возможности страны, наступает, обыкновенно, крах или же необходимость выхода державы из состояния войны путем тех или иных уступок и жертв в виде уплаты контрибуции, срытия укреплений, сокращения или даже полного уничтожения армии и т. д. Все это так общеизвестно и так очевидно, что нет нужды приводить конкретные исторические примеры для подтверждения.

Русское правительство, вступив в 1914 г. в войну с Центральными державами, возложило на русское государство явно непосильную задачу. Казачеству эта война не была нужна. Несмотря на это, казаки доблестно дрались на Западном и Турецком фронтах, неся большие потери.

Казачество не было подготовлено к наступившей в 1917 г. революции и сопровождавшей ее политической, экономической, национальной и социальной борьбе и неслыханной разрухе.

Все обстоятельства этой борьбы принудили Казачество задуматься над своим положением и при весьма трудных условиях искать дорогу к лучшему будущему. Перед Казачеством стали большие и сложные вопросы: как наилучше устроить внутреннюю жизнь населения в каждом Казачьем Крае, как организовать защиту своих экономических, политических и культурных интересов и своих Земель.

Ход событий на всей территории бывшей России определил тактику Казачества. Когда весной и летом 1917 г. во всех слоях общественности, почти у всех народов бывшей России не иссякла еще вера в возможность устройства огромного государства на таких началах, которые в полной мере обеспечивали бы возможность экономического, культурного и политического развития всех народов, племен и краев единого государства; когда все народы бывшей России, за исключением поляков и финнов, говорили только об автономных правах, тогда и Казачество, как на Кругах и Съездах по отдельным казачьим территориям, так и на двух Общеказачьих съездах в Петрограде, выдвигало тот же принцип автономии и создало в Петрограде Общеказачий Совет Союза Казачьих Войск для защиты общеказачьих интересов в будущей «свободной России».

Необходимо подчеркнуть, что даже в этот первый период революции и национальной борьбы Казачество фактически возродило свою бывшую государственность, возглавлявшуюся выборными Атаманами.

Когда в следующий период все нарастающих событий, от июня до октября 1917 г., политика русского Временного Правительства и всех русских партий, повсеместно захвативших в своих руки новую форму местной власти — советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, — все с большей очевидностью убеждала все нерусские народы бывшей России в том, что и новая русская власть и вновь пришедшие к власти в государстве русские классы — интеллигенция, рабочие и крестьяне — в сущности продолжают централистическую и захватническую политику старого царского правительства и потерявших власть всероссийских помещиков, всероссийской буржуазии и

всероссийской бюрократии, — все народы, входившие в состав бывшей России, начали отказываться от провозглашенного в первые месяцы революции принципа построения государства на автономных началах и все настойчивее и энергичнее выдвигали принцип федерации.

Эти стремления нашли свое выражение и оформление на Съезде Народов в Киеве, в конце сентября 1917 г. Не было, конечно, случайностью присутствие на этом Съезде и казачьих представителей, как не было случайностью и то, что этот Съезд и за казаками признал право на самоопределение.

К этому же, второму периоду революции относится конфликт между Казачеством и Россией, при чем в этом столкновении выступило наиболее сильное и географически ближе всего к России расположенное Войско Донское. И знаменательно, что к этому же периоду относятся и первые серьезные попытки организовать объединение Казачьих Войск, территориально связанных между собою. Тогда из глубин казачьей жизни, как известно, вырос Юго-Восточный Союз.

И, наконец, когда к власти в России пришли крайние и наиболее энергичные выразители стремлений и чаяний русских народных масс — большевики и левые соц. - революционеры, Казачьи Войска объявили свою самостоятельность, однако, не навсегда, а до построения всероссийской, признанной казаками, власти.

Колебавшаяся и постепенно в своем политическом развитии прогрессивно выростающая казачья масса, в этот период не поддержала оружием возрожденную казачью государственность, и поэтому в первые месяцы 1919 г. советская власть завладела Казачьими Краями.

Тем не менее, вскоре наступившие повсеместные вооруженные казачьи восстания показали, что казачья масса не потерпит властвования на своей земле русской большевицкой партии.

Первая половина 1918 г. была знаменательна не только этими восстаниями. Не менее важным было и решение вопросов: кто возьмет в свои руки политическое водительство Казачеством; кто возглавит государственное строительство казачьей толщи, не только пробудившейся к самостоятельной государственной жизни, но и взявшей в руки оружие для защиты своих очагов; кто наилучше сформулирует, кто наиболее успешно воплотит в жизнь казачьи чаяния и казачьи стремления?

Так было всегда у других народов, так оно произошло и у казаков — к власти пришла гражданская и военная интеллигенция, она возглавила казачье движение. Вот тут то и произошло наиболее трагическое по своим последствиям явление: большая часть казачьих верхов потянула казаков на общерусские пути, постаралась втянуть Казачество в общерусскую внутреннюю борьбу.

Русские рабочие и крестьяне восстали против экономического гнета и политической власти «помещиков и капиталистов». Революционные и контр-революционные силы России схватились в жестокой борьбе за власть, за землю, за права.

Казачество возродило на своих землях свои исторические учреждения. Поэтому казакам одинаково были чужды, по сути, и русские принципы монархической власти, и русские принципы власти советской. Казачество советы изгоняло, а монархизма не допускало.

Казачество не принимало большевицкой земельной программы, но зато на своей Земле казаки отобрали земли у помещиков, у монастырей и т. д. и,

вместе с казенными землями, обратили их на наделенные малоземельных и безземельных хлеборобов.

Казачи категорически были против диктатуры пролетариата, но не принимали и диктатуры буржуазной.

Казачи отрицали русскую «красную» и «белую» политику насилия над национальностями и признавали полное равноправие национальностей.

Словом, по всем основным и жгучим в то время вопросам государственного строительства, Казачество резко отличалось, как от большевицкой, так и от антибольшевицкой России.

При всех этих условиях казаков могла спасти только борьба за свою полную государственную самостоятельность. Следовательно, нельзя было ограничиваться только вооруженной борьбой с русским большевизмом, надо было решительно отмежеваться от русских помещиков и капиталистов, от русских и казачьих политиков, втягивавших Казачество в абсолютно излишнюю и явно непосильную для казаков борьбу за какую бы то ни было Россию, предоставив самим русским решать свои дела.

Дон имел свое государство и свою самостоятельную армию. Часть донских верхов тянула казаков в Россию, другая же часть отстаивала самостоятельность Дона и даже требовала ликвидации русского «Освага» на Донской Земле. Эта внутренняя борьба, вне сомнения, ослабляла Донскую Землю.

Но особенно острые формы приняла внутренняя борьба на Кубани, а также борьба самостийнической части Кубани против всяких посягательств со стороны «белых» русских.

Известно, что Кубанские вооруженные силы имели большие успехи в открытой борьбе против красных армий, как на самой Кубани, так и в Черноморской и Ставропольской губерниях в 1918 г., как на Северном Кавказе, так в Донском бассейне, на путях к Царицыну и Камышину, и на путях к Полтаве и Екатеринославу и по всему среднему Днепру в 1919 г. Кубанцы взяли Пятихатку, Знаменку, Користовку, Бобринскую... Кубанцы заняли Кременчуг и Черкассы. Кубанцы же успешно дрались, спасая Харьков, в августе 1919 г. и, вместе с Терской дивизией и донцами, ликвидируя прорыв ударной группы красных войск генерала Селивачева.

К глубокому сожалению, в военном и политическом водителстве на Кубани не только не обозначилось ясности позиций, но часто проявлялись большие шатания вообще и упорная борьба между самостийническими и русскими течениями политической мысли на Кубани.

В наши задачи не входит желание обелить или очернить какую-либо казачью группировку или же отдельных лиц. Анализируя события прошлого, мы ищем объективной правды, и потому мы одинаково относимся, как к своим противникам, так и к своим собственным ошибкам и промахам. Только путем вскрытия фактов проявления казачьими политиками или казачьими массами непонимания политической и военной обстановки, проявления халатности, малодушия, трусости, предательства, клятвпреступления, а рядом с этим, фактов героизма, жертвенности, доблести, глубокого понимания основных исторических процессов, мы можем раскрыть действительные, а не мнимые, решающие, а не второстепенные причины рокового проигрыша Казачеством титанической борьбы 1917-1920 годовъ.

Как было уже сказано выше, 15 июля 1919 г. Кубанская Законодательная Рада обсуждала вопрос о дальнейшем участии Кубани в работах Южно-русской конференции и решила этот вопрос положительно: надо было в практическом и органическом сотрудничестве с представителями казаков Дона и Терека попросить вытянуть казачий воз из той политической трясины, в которую он попал. Ясно было, что разрозненная и несогласованная военная и экономическая политика казачьих государств ослабляет силы казаков и не может привести к окончательной победе над сильным своей массой и вооружением противником.

В тот же день — 15 июля Кубанский Атаман А. П.

Филимонов, председатель Кубанского Правительства П. И. Курганский и член того же Правительства по военным делам ген. В. Г. Науменко — подписали и, 17 июля, в органе Куб. Краевого Пр-ва — «Вольной Кубани» — опубликовали, нижеследующий приказ по Кубанскому Краю:

«Родные Кубанцы, верные сыны Края и Великой России!

Крепко спаянные единым фронтом, вы победоносно продолжаете доблестный путь освобождения Великой Родины. На ваших боевых знаменах развеваются начертанные Краевой Радой лозунги — «борьба до победного конца с насильниками и грабителями за возрождение истинно свободной Великой России»... Вы, движимые чувством беззаветной любви и преданности к поруганной Великой Родине, нанося поражение за поражением большевицким ордам, вышли уже из пределов Казачьих Земель и направились в глубь России, в широкие степи страдальца — русского народа...

Благословение пережившего ужас Кубанского, Донского и Терского народов сопровождало ваши доблести, боевые знамена на дальнейшие подвиги к окончательному сокрушению большевиков, погубивших нашу общую Великую Родину — Россию...

...Бог в помощь Вам, родные Кубанцы, в последнем героическом походе на Москву, к сердцу новой, свободной возрождающейся нашей общей Родины — Единой Великой России!» («Вольная Кубань» 17 июля 1919 г. № 156).

Смысл этого приказа ясен: кубанская исполнительная власть призывала кубанских бойцов к борьбе не за казачью государственность, а за Россию. В этом приказе мы не видим осуждения национальной и земельной политики Деникина и Особого Совещания, нет отмежевания от русского «белого» движения вообще.

Что могли сказать русские крестьяне и русские рабочие, узнав об этом приказе? Они могли сказать только одно: казаки хотят взять у них власть и передать ее царскому генералу Деникину; казаки помогают помещикам отбирать земли у крестьян; казаки своим оружием помогают укреплению власти Деникина и всех его приспешников...

Получалась ужасная картина: Законодательная Рада внимательно и горячо обсуждала вопрос об установлении союзных или федеративных отношений с соседями, а в тот же день кубанская исполнительная власть «провозглашала последний героический поход на Москву к сердцу новой свободной... единой великой России».

Если Россия должна быть единая и неделимая, то зачем же тогда велись переговоры на Конференции? Зачем же тогда Кубанская делегация посылалась на эту Конференцию?!

Если на кубанских политических верхах было такое шатание, такая неразбериха и путаница, что можно было требовать от массы кубанского населения, что можно было требовать от кубанских боевых частей?

Обратимся к дальнейшим фактам, характеризующим политический хаос на Кубани. Хотя Куб. Законодательная Рада в день убийства Н. С. Рябова и постановила предложить Кубанскому Правительству закрыть на Кубани пресловутый добровольческий «Осваг», но Кубанское Правительство не провело в жизнь этого важного постановления Рады, и «Осваг» продолжал и далее вносить деморализацию и разложение в ряды населения Кубанского Края. Отдельские и станичные власти на Кубани, хорошо зная об этом постановлении Рады, но не дождавшись прямого и ясного распоряжения со стороны Куб. Правительства, находились в большом смятении. В отдельных станицах станичные атаманы сами прекращали деятельность отделений «Освага». Были случаи арестов в станицах осажженных агентов и конфискации осажженных материалов по приказанию станичных атаманов. Но Кубанское Правительство упорно молчало далее, хотя не только Законодательная Рада, но и многие станицы пригово-

рами требовали ликвидации «Освага». Постановление Рады оставалось на бумаге, а «осважники» развращали народную душу.

Рядом с этим Кубанское Правительство занялось организацией Кубанского Отдела Пропаганды — «Копя», призвав для этого подходящих людей и ассигновав необходимые суммы для этого нужного дела. И выходило, что на Кубани, как и на Дону, русская пропаганда действовала параллельно с казачьей пропагандой. Кубанское Правительство не закрыло «Осваг» на Кубани, а председатель Донского Круга изо всех сил боролся против ликвидации «Освага» на Дону. Так делалась казачья политика в вопросе, где дело шло о душе народной, об организации массы населения вокруг определенных идей, непосредственно касавшихся важнейших вопросов государственного строительства...

Кубанская Законодательная Рада затратила целых три месяца на ликвидацию Правительства Сушкова. Всецело поддерживавшего политику Деникина, а пришедшее на его место Правительство П. И. Курганского — К. Я. Безкровного — В. Г. Науменка — В. Н. Иваниса издавало приказы, подобные выше приведенному, призывая казаков к походу «на Москву», хотя некоторые из членов этого Правительства формально принадлежали к группе самостийников Кубани...

Внутреннее положение в самой Законодательной Раде не позволяло тогда идти на весьма рискованный шаг отставки этого нового Куб. Пр-ва. Поэтому кубанский политический корабль был в незавидном положении неустойчивого равновесия.

Рядом с «осважной» и кубанской правительственной пропагандой велась весьма интенсивная пропаганда, осуществляемая членами Кубанской Законодательной Рады. Для этого было использовано празднование первой годовщины освобождения кубанских станиц от большевической власти. Так как это освобождение Кубани в 1918 г. шло с севера на юг и на юго-восток, в том же направлении шла в 1919 г. волна этих всенародных празднеств, а вместе с тем проходила и волна пропаганды со стороны членов Рады, в июле-сентябре 1919 г. посетивших все районы Кубанского Края.

Русские круги так же обратили весьма серьезное внимание на использование тех же кубанских торжеств в своих целях. Фактическим возглавителем их пропаганды в то время был Кубанский Атаман ген. А. Филимонов. Это новое публичное столкновение двух политических направлений непосредственно перед глазами населения, вне сомнения, показало, что кубанская народная стихия в своем явном большинстве идет за своими самостийниками, а не за русскими идеями.

Те кубанцы, которые стремились к укреплению государственной самостоятельности Кубани, прекрасно понимали, что невозможно было проводить на Кубани радикальные реформы без объединения большинства населения вокруг известных идей; без той же внутренней консолидации Кубани невозможно надеяться на успех во внешней борьбе, как против русских красных, так и против русских белых сил.

Известно, что до 1860 г. в северо-западной половине Кубани существовало отдельное Черноморское Войско, состоявшее из прямых потомков Сичи Запорожской и казаков — переселенцев из Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний. Юго — восточную часть Кубани до 1860 г. занимало Войско Линейное, растянувшееся по равнинам и предгорьям Кавказа до самого Каспийского моря. В 1860 г. Черноморское войско было соединено с частью войска Линейного и из этих двух Войск тогда было организовано одно Войско Кубанское. Из остальной части Линейного Войска было образовано Войско Терское.

Сравнительно недавняя организация Войска Кубанского, известного рода различия, существовавшие между Линией и Черноморией на Кубани, с 1917 г. были широко использованы русскими для внесения розни в политическую жизнь Кубани (см. ч. I-ю «Траг. Каз»). Эта же рознь была перенесена в Кубанскую Краевую и Законодательную Рады. Без ликвидации ее в самой Раде, как показал долгий и тяжелый опыт работы Законодательной Рады в первой поло-

вине 1919 г., совершенно невозможно было надеяться на успех в работе Рады, на ликвидацию шатаний в политике Кубани.

Другим злом кубанской жизни было существование двух основных, почти равных по численности, групп населения Кубани — казаков и иногородних. Известно, что разумные кубанские политики с 1917 г. стремились к тому, чтобы примирить между собою все основные группы населения Кубани. Нужда в этом примирении и объединении чувствовалась всегда и особенно с лета 1919 г., когда, параллельно с успехами казачьего оружия на фронте, росли претензии и бесцеремонность обращения с населением представителей русского «белого» движения.

Как мы знаем, в августе 1919 г. две весьма сильные численно группы русских советских войск Шорина и Селивачева повели успешное продвижение вперед в двух направлениях — между Воронежем и Белгородом и вдоль реки Волги. Казачьи армии отступали. На фронте создавалось весьма грозное положение.

В это же время, 12 августа 1919 г., Деникин издал свое известное «Обращение к населению Малороссии», ликвидировавшее все национальные украинские школы и организации, и объявлявшее открытую борьбу всему украинскому.

12 и 15 августа состоялось свидание председателей Донской, Кубанской и Терской делегаций Южно-русской конференции с ген. Деникиным и последний, как известно, категорически заявил казакам, что он, Деникин, уже является диктатором и что от власти диктатора он не откажется, что не может быть и речи о построении «общегосударственной власти, так как она (уже) есть и он ее никому не уступит» и т. д.

За несколько дней перед этим командующий Кавказской армией барон ген. Врангель, прибыв в столицу Кубани, выступил на заседании Кубанского Правительства с длинным докладом, в котором в самых мрачных красках изобразил действительно тяжелое положение Кавказской (Кубанской) армии на р. Волге; свой доклад Врангель пересыпал явными угрозами Кубанскому Правительству и Кубанской Зак. Раде, мешавшим русским вести их политику. Тогда же Врангель пытался с подобным докладом выступить и в Законодательной Раде, но на это не получил разрешения. Здесь не мешает припомнить телеграмму, которую Врангель, в начале августа 1919 г., послал военному министру Кубани из гор. Царицына. Эта телеграмма заканчивалась такими словами: «Ежели так будет продолжаться, то не только войска откажутся воевать, но и повернут в тыл против тех, кто заставляет их голодать».

В дополнение ко всему этому, 17 августа 1919 г. Кубанский Войсковой Атаман ген. Филимонов выступил с весьма обширным докладом в закрытом заседании Кубанской Законод. Рады и, между прочим, сообщил впервые, что, из 14-ти запрошенных старших начальников кубанских войсковых частей о желательности и своевременности организации Кубанской армии, **тринадцать** ответило отрицательно.

Таким образом, в августе 1919 г. обозначился весьма сильный, угрожающий натиск на Казачество русских красных армий на огромном протяжении фронта от Волги до гор. Харькова; а рядом с этим обозначилось откровенное наступление представителей «белой» Руси в тылу от Днепра до Каспийского моря, внешним выявлением чего было поведение русских на Украине, на Кубани и на землях Горских народов.

Ко всему тому и поведение и намерения выборных казачьих Войсковых Атаманов у наблюдательных людей не вызывали уже сомнений: Донской, Кубанский и Терский Атаманы были всецело на стороне Деникина.

Все эти грозные для Казачества события **принудили** кубанских самостийников — членов Кубанской Законодательной Рады пойти на известные **уступки** депутатам «линейских» отделов с целью объединения в Раде **всеплюго и подавляющего** большинства для осуществления так неотложных мероприятий. То, что исполноть подготавливалось в течение нескольких месяцев, надо было **немедленно провести в жизнь**. Поэтому была **наспех написана** и 17 августа 1919 г. подписана

«Программа и тактика Об'единения группы федералистов — республиканцев».

Представители целых шести отделов Кубани (из семи) об'единились в практической работе, направленной к укреплению государственной самостоятельности Кубани. Только казаки — представители Лабинского отдела, из которого происходил Атаман А. Филимонов, и иногородние — представители городов — не вошли в это об'единение.

Самый факт возникновения этого политического Об'единения на Кубани в период наибольших внешних успехов русского «белого» движения на Юге был показателен, ибо он свидетельствовал о том, что подавляющее большинство населения Кубани относится отрицательно к политике «белого» движения.

Если до возникновения этого Об'единения открытая и планомерная устная самостийническая пропаганда ограничивалась только четырьмя отделами Кубани: — Ейским, Таманским, Екатеринодарским и Кавказским, то это Об'единение дало возможность перебросить эту пропаганду и на отделы Майкопский, Лабинский и Баталпашинский. Кубанская «Линия», на которую столько надежд возлагали русские, на территории которой велась интенсивная работа «Казачьего Круга», проповедывавшего необходимость поддержки России и Деникина, как и следовало ожидать, оказалась тоже в значительной мере защитницей кубанской самостоятельности.

Еще перед возникновением этого Об'единения было много сделано для внутреннего примирения между собою двух враждующих групп населения Кубани — казаков и иногородних: 2 августа 1919 г. Кубанская Законодательная Рада приняла единодушно Закон о широкой амнистии осужденных или подлежащих осуждению за участие в большевицком движении. В том же августе во всех городах Кубани были произведены выборы в органы городского самоуправления на основании весьма демократического закона, подготовленного Кубанским правительством и одобренного Зак. Радой. В августе 1919 г. Законодательная Рада закончила весьма интенсивную работу над рассмотрением Закона о земле в Кубанском Крае и 2 сентября этот закон был опубликован (следует отметить, что Войсковой Атаман Филимонов уклонился от подписания этого Закона, и этот Закон за Атамана подписал Председатель Правительства Курганский).

Первая статья этого Закона гласила: «Все находящиеся в пределах Кубанского Края земли, воды, леса и недра без всякого исключения, в силу Закона Кубанской Краевой Радой от 7 декабря 1918 г., составляют достояние Края». Статья вторая: «Ведение и распоряжение всеми землями, лесами и недрами принадлежит Кубанскому Краю в лице центральных органов краевой власти и органов местного самоуправления», и т. д.

Если вспомнить, что в то время на землях, народившихся под управлением Деникина, помещики возвращались в бывшие свои имения, накладывали на крестьян налоги, занимались поркой их; что такая политика русских бар поддерживалась органами деникинской власти, а в то же время на Кубани земли отбирались у частных собственников. — можно себе представить, какое раздражение и какую ненависть у всех земельных собственников вызвало опубликование Закона о земле в Кубанском Крае.

В начале сентября Зак. Рада также приняла особый Закон об обеспечении образованием детей лиц, погибших или искалеченных в гражданской и Европейской войнах.

В то же время велась весьма интенсивная и ускоренная разработка Закона о выборах в Краевую и Законодательную Рады; при чем было принято, что правом выбора пользуется, наряду с коренным населением — казаками, горцами и коренными иногородними, — и все пришлое население при условии пятилетнего ценза пребывания на Кубани.

Все эти мероприятия кубанских властей вносили успокоение и примирение в среду всего трудового населения Края, и в то же время вызывали большое недовольство и крайнее раздражение среди кубанских

земельных собственников, среди монархистов и сторонников единой и неделимой России, видевших свое спасение только в победе русского белого движения, возглавляемого Деникиным. Кубанские помещики под осень 1919 г. совершенно ясно почувствовали, что работа органов демократической власти на Кубани весьма серьезно бьет по их интересам.

Организовавшееся в Кубанской Зак. Раде Об'единение депутатов 6-ти отделов Кубани, не только значительно ускорило так необходимую для Кубанского Края законодательную работу, но то же Об'единение оказало большое давление на Кубанское Правительство, в смысле чистки административного аппарата на Кубани. Во время быстрого укомплектования в 1918-1919 г. личным составом органов управления на Кубани, в правительственные учреждения просочилось весьма значительное количество людей, для которых дело белой России Деникина было ближе и дороже дела государственного строительства Кубанской Республики. Русские люди вообще и деникинское Особое Совещание в частности, прилагали большие усилия в том направлении, чтобы путем насыщения русскими людьми административного аппарата в Казачьих Республиках приобрести максимум влияния на управление в Казачьих Краях. Особенно опасным для молодых Казачьих Республик было то, что некоторые высшие должностные лица и даже министры этих республик сами, потихоньку, но настойчиво и активно, содействовали успеху этой русской политики.

Поэтому одним из заданий Об'единения депутатов 6-ти отделов Кубани в Законодательной Раде явилась чистка, как состава самого Кубанского Правительства, так и высших органов управления Краем. Принужден был уйти министр Продовольствия и снабжения Верещака; 30 августа Рада принудила уйти министра финансов Трусовского, при чем необходимость удаления этого последнего была уже настолько очевидной, что недоверие ему было принято всеми голосами Законодательной Радой при 5-ти воздержавшихся; было уволено значительное число различных чиновников.

Так как лица, уходившие или увольняемые из административного аппарата на Кубани, перед этим, в меру сил своих и фактической возможности, поддерживали политику Деникинского правительства — «Особого Совещания», — это последнее принимало теперь перебежчиков с распростертыми объятиями, назначая их на различные должности в Добрармии. До чего доходила эта «бескровная» борьба между Казачеством и белой Россией показывает работа даже такого совершенно, казалось, аполитичного управления, каким должно было бы быть кубанское ведомство продовольствия и снабжения и соответствующих органов «Особого Совещания»: 1) в августе 1919 г. ушел помощник начальника кубанского управления снабжения Г. Разутов и поступил в ведомство торговли и промышленности «Особого Совещания»; 2) ушел помощник начальника управления кубанского «Маслопродукта» Шукин, привлеченный к ответственности за злоупотребления вместе с С. Ф. Назаровым и др., и этот Шукин получил назначение в «Особом Совещании» в один из уездов Курской губ.; 3) ушел начальник отделения «Маслопродукта» и появился на Кубани из «Особого Совещания» в это кубанское ведомство, в погонах статского советника и с назначением — «Управляющим Кубанско-Черноморскими государственными имуществами», хотя Кубань ни в каком отношении не была подчинена этому самому «Особому Совещанию»; 4) уволен был Шустов — секретарь отдела по говарообмену и получил в «Особом Совещании» новое назначение — представителем на Кубани отдела продовольствия и снабжения «Особого Совещания»; и т. д. и т. д. («Вольная Кубань» 3. 9. 1919 г.).

Можно бы привести множество фактов, характеризующих никогда не прекращавшуюся и упорную борьбу между Кубанью и Добрармией, борьбу, вносящую дезорганизацию и серьезные перебои в работу аппарата управления, политически и морально разлагавшую население.

Но самым большим несчастьем для Казачества бы-

ло, конечно, то, что его вооруженными силами распряжались русские генералы. Выше мы уже неоднократно останавливались на описании фактов борьбы между Кубанью и Деникиным из-за Кубанской армии. Несмотря на все усилия кубанских самостийников, все же, Кубань оставалась без своей армии и во главе кубанских, действующих на фронте сил, стоял наиболее крайний русский монархист барон Врангель. Поэтому, понятно, что одной из самых важных причин организации Об'единения членов Зак. Рады было стремление добиться, в конце концов, организации самостоятельной Кубанской армии и обеспечить ее всем необходимым.

После подписания соглашения об Об'единении действий депутатов 6-ти отделов, немедленно были приняты соответствующие меры и в этом вопросе. Член Военной Комиссии Зак. Рады, пожилой и опытный полк. Феськов, путем личного осмотра складов обмундирования и обуви для Кубанских войсковых частей установил, что эти склады почти пусты, что никаких серьезных и действительных мер для обеспечения обмундированием и обувью кубанских казаков на фронте, собственно, и не предпринималось... В то же время, уже в августе 1919 г. с казачьего фронта поступали сообщения о том, что казаки, особенно пластуны, весьма плохо одеты, вследствие чего в войсках сильно распространена простуда (см. выше телеграмму ген. Покровского от 3 августа).

Члены Рады с ужасом вспоминали страшные картины из жизни войск прошлой зимы, имевшие место вследствие плохого обмундирования и кричащего недостатка медикаментов. Военные действия затягивались. Приближалась новая зима со всеми ужасами зимней кампании. Рада, по долгу присяги перед Краем, должна была принять необходимые меры к устранению всех недостатков в деле снабжения и снаряжения кубанских войсковых частей. Кубанская Рада должна была позаботиться и о том, чтобы Кубанские вооруженные силы не использовались для тех целей, которые противоречили желаниям населения Кубани, выраженным в постановлениях Кубанской Краевой Рады. Ясно было, что затеянная Деникиным война на Кавказе и на Украине ведет к неизбежному провалу всей антибольшевицкой войны. Ясно было и другое, что насаждение помещиков на Украине и антиукраинская политика «белых» вообще, не только является недопустимой и нетерпимой, но и ведет к гибели казачье освободительное движение. Поэтому снова весьма остро стал вопрос об организации Кубанской армии.

Идя законным и парламентарным путем, Законодательная Рада в закрытом заседании 30 августа 1919 г. поставила военному министру Кубани ген. В. Науменко вопрос, как обстоит дело со снабжением армии обмундированием и обувью? На подготовку к документальному и обстоятельному ответу на этот запрос Рады было дано две недели. 14 сентября ген. В. Науменко дал объяснения в закрытом заседании Зак. Рады. Сообщение ген. Науменка встретило весьма резкую критику и осуждение со стороны депутатов целых шести отделов Кубани. Депутаты с негодованием упрекали ген. В. Науменка в том, что он не исполняет основной, принятой под присягой, своей обязанности — организовать Кубанскую армию, о существовании которой уже не раз официально объявлялось. Выступив с новыми объяснениями в том же заседании Зак. Рады, ген. В. Науменко с раздражением заявил Раде, что он Кубанской армии не организовывал до сих пор и организовывать **не будет**.

Так как ген. Науменко был военным министром на Кубани без перерыва с декабря 1918 г., т. е. около 9-ти месяцев, и ничего не сделал для организации Кубанской армии, на чем настаивала Краевая Рада; так как 14 сентября, давая объяснения в Раде, ген. Науменко вызывающе сделал выше приведенное заявление о нежелании организовывать Куб. армию, Законодательная Рада, подавляющим большинством голосов, в том же заседании, 14 сентября, выразила ему свое недоверие, принудив его выйти в отставку.

Так как ген. Науменко, занимая 9 месяцев пост

военного министра на Кубани и всячески не допуская организации Кубанской армии, осуществлял, собственно, политику не только свою собственную, но и политику Атамана А. П. Филимонова, этот последний постарался продемонстрировать свое единодушие с ген. Науменком после того, как последний оставил пост военного министра Кубани. Атаман Филимонов устроил весьма торжественный прощальный обед для Науменка, произносились торжественные речи, в которых прославлялись несуществующие заслуги ген. Науменка перед Кубанью, и позванные на этот обед многочисленные офицеры демонстративно покрывали громким «ура» эти хвалы в адрес человека, который мог «похвалиться» только тем, что действительно много поработал с целью недопущения осуществления постановления Кубанской Краевой Рады о Кубанской армии.

Так в атаманском дворце была хорошо организована демонстрация против политики Законодательной Рады, стремившейся к проведению в жизнь постановления Краевой Рады. Пропать между Зак. Радой — выразительницей чаяний народных, и Куб. Атаманом — защитником России и Деникина, значительно углубилась.

Все законодательство Рады, осуществляемая ею чистка состава Кубанского Правительства, вся пропаганда членов ее по всей обширной Кубани, единодушная поддержка членов Рады со стороны широких кругов населения Кубани, укрепление самостоятельности Кубани — все это решительно противоречило с законодательством, со всей монархической практикой, со всем единодедельничьем, помещичьим направлением русского «белого» движения.

Это прекрасно понимали в Законодательной Раде, но решали продолжать дело борьбы против большевизма и монархизма до конца, ибо тогда такова была воля всего казачьего и неказачьего населения Кубани. С гор Кавказа явно доносились в Раду стоны народов Кавказа, попавших под власть Добрармии. Начиная с конца июля 1919 г. к некоторым членам Рады приезжали тайно делегаты из Екатеринославской и Херсонской губерний с жалобами на дела деникинцев на Украине, на возвращение помещиков, на порки селян, на преследование всего украинского. Те же делегаты сообщали членам Рады о готовящемся повсеместном восстании против деникинцев, если только их насильническая политика не изменится к лучшему.

Подписав 17 августа 1919 г. соглашение и приступив к его неукоснительному проведению в жизнь, большинство членов Законодательной Рады, хорошо учитывая создавшуюся обстановку, признало необходимым принять особые меры к военной охране Зак. и Краевой Рад. Так как Атаман А. Филимонов и высшие чины кубанского военного управления принадлежали к горячим сторонникам Деникина и вели пока что скрытую борьбу против проведения в жизнь постановлений Кубанской Краевой Рады; так как значительная часть кубанских офицеров тоже принадлежала к определенным сторонникам русского «белого» движения; так как неумолимая логика событий на фронте, в тылу и даже на международной арене с каждым днем вела к дальнейшему обострению отношений между самостийной Кубанью, с одной стороны, и Добрармией, с другой, — пребывание охраны Рады в распоряжении Атамана Филимонова, как главы вооруженных сил Кубани, не давало никаких действительных гарантий для защиты законодательных учреждений Кубани от возможных нападений.

В виду этого было решено особым Законом об охране Рады подчинить эту охрану только председателю Рады, предоставив только ему право назначения и увольнения всех чинов этой охраны. Скоро был составлен и Зак. Радой принят соответствующий законопроект. Войсковой Атаман категорически отказался утвердить этот законопроект. После этого Зак. Рада, 12 сентября, вновь рассмотрела Законопроект об охране Рады и, несмотря на горячие протесты немногочисленных членов Рады — сторонников Филимонова и Деникина, большинством 2/3 голосов Рада утвердила этот законопроект без изменений; в первоначальной его редакции.

Согласно Кубанской Конституции этот законопроект принял силу закона после его опубликования.

Самый факт возникновения этого закона и его принятие в Раде большинством 2/3 членов Рады, среди которых было много офицеров, пожилых и опытных людей, был красноречивым показателем, как происходящей внутри – кубанской борьбы, так и упорнейшего нежелания Казачества идти на поводу у русской реакции и единонеделичества.

Припомним, что 2 сентября 1919 г. Комиссия Законодательных предположений Донского Круга тоже 2/3 голосов приняла постановление об изгнании добровольческого «Освага» из пределов Земли Войска Донского. Дону не приходилось вести борьбу с Деникиным за организацию Донской армии, ибо таковую Дон уже имел и ревниво оберегал ее самостоятельное существование. На Кубани же затянувшаяся борьба за Кубанскую армию, исключительно по вине ген. Филимонова, ген. Науменка и всех их единомышленников, приняла такие болезненные формы. Прямая ответственность за недопущение организации Кубанской армии падает всецело на быв. Атамана Филимонова и на его ближайших помощников — ген. Науменка, ген. Звягинцева, полк Лещенко и др., которые в силу своего чисто служебного положения в Кубанском Крае и Войске, в силу принятой ими присяги, в силу чести и достоинства офицерского имени — были призваны к честному и неукоснительному осуществлению закона об армии, принятого Кубанской Краевой Радой еще в 1918 г.

Кому служили эти кубанские офицеры? Какими мыслями и какими чувствами руководствовались они, когда игнорировали законнейшее и единодушное желание Кубанского Казачества иметь **свою Кубанскую армию?**

Настойчивость и последовательность Кубанской Законодательной Рады в проведении весьма важных законов, в деле очистки правительственного аппарата от неделимцев, в ведении пропаганды по станицам, в заботах о кубанских боевых частях и т. д. находились в полной зависимости и непосредственной связи с событиями в кубанских станицах и на фронте. В то время все яснее и ярче проявлялось явно пренебрежительное и даже презрительное отношение русского «белого» движения к идеалам Казачества; полное игнорирование «белыми» тех лозунгов и идей, на борьбу за которые поголовно восстало Казачество. Если даже такие люди, как окружной атаман Черкасского округа, ген. Янов, с раздражением требовали выкурить русских «осважников» с Дона в «24 часа», очевидно, русская «белая» политика допекала казаков до мозга костей.

Что же могла переживать, что могла чувствовать казачья масса, когда у себя, на Казачьих Землях видела такую русскую политику!...

На фронте в это время происходили ужасные дела: Кавказская (Кубанская) армия, напрягая все свои силы, дралась против советских 11-й и 10-й армий на подступах к Царицыну; Донская армия, после упорнейших полуторамесячных боев с наседающими частями 10-й, 9-й и 8-й советских армий, принуждена была отступить за р. Дон, оставив в руках красных Усть-Медведицкий и Хоперский округа; хотя 17 сентября Кубано – Терский конный корпус и захватил г. Воронеж, но в район этого города спешил сильный конный корпус Буденного, по данным донской разведки, в значительной мере состоявший из донских и кубанских казаков.

Как видим, политика «белых» вождей уже давала свои плоды.

Чтобы иллюстрировать гибельный для успеха борьбы все углубляющийся процесс морального разложения Казачества, вследствие одновременного воздействия на него двух направлений государственного строительства — казачьего и русского, приведем некоторые данные из официального письменного сообщения инструктора Отдела Пропаганды Кубанского Краевого Правительства члену того же Правительства по внутренним делам: ...«С 29 июля по 8 августа сего года мне удалось

объехать населенные пункты Таманского полуострова — ст. Голубинскую, ст. Ахтанизовскую, ст. Вышестеблевскую, ст. Фонталовскую и ст. Запорожскую в целях выяснения политического настроения и создавшейся обстановки. Путем бесед с представителями административных учреждений, общественных организаций и личных моих наблюдений удалось подметить следующие, общие всему населению полуострова, характерные черты: 1) усталость и скрытая озлобленность против непрекращающейся братоубийственной войны и связанными с ней тяжелыми утратами, 2) отсутствие определенного политического настроения вследствие плохой информации и неустойчивости политики часто меняющихся правительств; 3) озлобленность против всех видов недостатков и произвольного хозяйничанья лиц, ничего общего с интересами Края не имеющих и 4) попустительство должностных лиц, часто своими поступками и распоряжениями идущих в разрез интересам и пожеланиям Правительства. Все перечисленные причины убивают у населения не только веру в лучшее будущее, но и всякий интерес к общественно – политической деятельности, почему последнее, чутко прислушиваясь и присматриваясь ко всем поступкам должностных лиц, затаило в себе недоверие и нежелание проявить свое творчество.

Причины, вызывающие негодование и недоверие населения: 1) отсутствие солидарности между начальниками гарнизонов и атаманами станиц, часто непонимающих своих задач и обязанностей, вредит делу общего строительства жизни Кубанского Края. Например: а) приговором станичного сбора ст. Таманской требуется прекращение деятельности «Освага». Начальник же гарнизона ст. Таманской, поручик Бутенко, не только что не контролирует деятельность «Освага», но даже позволяет вывешивать в витринах деморализующие настроение населения сомнительного качества приказы Главнокомандующего, идущие в разрез с постановлениями Кубанского Краевого Правительства, как то видно из приложенной при сем копии приказа; б) беззаветная верность служения Правительству оскорбляется поступками должностных лиц, как то видно из поведения полк. Кривцова, назвавшего Правительство, Законодательную Радю и все изданные последними законы, бандитами и бандитизмом...; поведение местного священника ст. Таманской Колушкина, назвавшего Земельную Комиссию (Рады) большевицкой... г) явное покровительство со стороны начальника гарнизона поручика Бутенко лицам, ведущим и распространяющим противоправительственную деятельность путем распространения в ст. Таманской керченской газеты «Голос Жизни», каковую, как видно из приложенной при сем копии приговора ст. Таманской от 7 июля с. г. за номером 140, общество станицы Таманской, в виду ее пагубного влияния, просит начальствующих лиц Кубанского Края распространение прекратить, в противовес какового ходатайства начальник гарнизона... разрешает таковой и т. д.

Все выше указанные факты заставляют безнадежно смотреть на будущее и халатно относиться к преступным деяниям, явно укрывающихся от службы, как то видно из заявления начальника гарнизона ст. Старотитаровской и представителей общества той же станицы о пребывании в указанной станице дезертиров в количестве 60 человек и отсутствию мер со стороны общества к поимке преступников, укрывающихся в ст. Старотитаровской.

Доводя до сведения о всех выше приведенных фактах, прошу члена Правительства по внутренним делам и Атамана Таманского отдела издать приказ, требующий от всех начальствующих лиц строгого и неуклонного исполнения всех законов и распоряжений Кубанского Краевого Правительства под страхом строгого наказания, виновных же в оскорблении высшей правительственной власти в Кубанском Крае предать суду»...

Как видим, отсутствие совершенно ясной, неизменной и твердой казачьей политики в центре и на местах; деморализующее влияние «сомнительного качества приказов Главнокомандующего, идущих в раз-

рез с постановлениями Кубанского Краевого Пр-ва; русская «работа» и полная безнаказанность русских «осважников» по станицам; агитация лиц, «возмущенных» кубанским законодательством — морально разлагали самые низы казачьего населения, подрывая веру в полезность и успех борьбы, стоившей таких великих жертв. А в результате — появление дезертиров среди казаков... Другая же часть казаков, правда, численно незначительная, в сравнении со всей массой казачьего населения, пополняла ряды корпуса Буденного и с августа 1919 г. сделала этот корпус непобедимым.

Так «белый союзник» Казачества — Добрармия — постепенно, но верно подготовлял поражение Казачества.

Кубанские самостийники, осуществляя определенный план работы для укрепления сопротивляемости населения Кубани в отношении русских большевиков и русских монархистов, решили организовать выпуск ежедневной газеты, которая бы несла в население те идеи, которые защищала Кубанская Краевая Рада. Известно, что Кубанское Правительство Сушкова еще 9 марта 1919 г. закрыло единственную на Кубани самостийническую газету «Кубанский Край». С того времени самостийническая пропаганда печатным словом замолкла на Кубани, представляя единичные случаи в прессе, финансово поддерживаемой со стороны добровольческого «Освага», широкое поле деятельности.

В сентябре ведомство Торговли и Промышленности Куб. Правительства отпустило по твердой цене 5 тысяч пудов саломаса для реализации его в Новороссийске по рыночной цене. Разница между твердой и рыночной ценой на этих 5 тысячах пудов «саломаса» была передана в руки Об'единения членов 6-ти отделов в Куб. Зак Раде. На эти средства, через один из банков в Новороссийске, было закуплено достаточное количество газетной бумаги, а в Екатеринодаре было организовано издание большой ежедневной газеты «Кубанская Воля», явившейся официозом выше названного Об'единения членов Зак. Рады. Эта газета, начав регулярно выходить в свет со второй половины сентября 1919 г., явилась серьезным оружием пропаганды в руках самостийников. Она не только систематически опережала все живые сообщения русской прессы, но и указывала населению пути к лучшему будущему, беспощадно изобличая работу руководителей «белого движения»...

Из предыдущего рассмотрения событий на фронте и в тылу мы убедились в том, что, главным образом, благодаря только героическим усилиям доблестных казачьих конных и пеших частей в июле-августе 1919 г. деникинцы смогли укрепиться на обоих берегах р. Днепра и захватить даже столицу Украины — Киев.

Так же известно, что всю тяжесть упорной борьбы против двух ударных групп русских «красных» войск, под командой Шорина и Селивачева, в августе-сентябре того же года, приняли на себя казаки, Донская и Кавказская (Кубанская), армии и 3-й Кубано-Терский конный корпус. Начиная с конца августа, большевицкое командование делало, как известно, большие усилия, чтобы продвинуть вперед, с р. Волги и с р. Дона, по Казачьей Земле 8-ю, 9-ю, 10-ю и 11-ю красные армии. Вследствие этого, на конец августа и на сентябрь месяца, выпадают встречные бои между казачьими и русскими войсками у Черного Яра и у г. Царицына на р. Волге, на переправах через р. Дон от устья р. Иловли до р. Медведицы, на реке Хопре, и снова на р. Дону в районе Павловска, Лисок, Коротояка и Воронежа. Как мы знаем, огромное значение имел также знаменитый рейд по тылам большевицких армий 4-го Донского корпуса.

Этой второй фазой генерального казачье-русского сражения ловко воспользовались деникинцы и в сентябре ринулись на север на фронте Белгород — р. Десна и 17 сентября захватили Курск.

Когда ген. Деникин, благодаря стечению выше отмеченных обстоятельств борьбы на Украине и на казачье-русском фронте, стал продвигаться уже по русской территории «на Москву», он усилил нажим в

Дагестане, начал открытую уже теперь войну против Украинской армии и посылал самые недопустимые и незаслуженные, глубоко оскорбительные, обвинения в адрес доблестной Донской армии (см. переписку Командующего Донск. армией ген. Сидорина и ген. Деникина осенью 1919 г.).

Тяжелое положение на казачье - большевицком фронте борьбы и несогласованность действий Дона, Кубани и Терека не позволили казачьим самостийникам уже осенью 1919 г. активно выступить против русских насильников справа.

Приблизительно в таком же положении находились и руководители белого движения в сентябре 1919 г. Не решаясь сразу на немедленное применение против Кубани мер чисто военного характера, русское командование 19 сентября 1919 г. по телеграфу объявило экономическую блокаду Кубани, запретив ввоз на Кубань каких бы то ни было товаров без разрешения Управления торговли и промышленности «Особого Совещания», и приказав прекратить приемку грузов на железных дорогах Кубани без разрешения выше названного русского Управления торговли и промышленности.

После этого, хотя обе стороны и не прибегли к применению оружия, но борьба между Добрармией и Кубанью приняла совершенно открытый и упорный характер.

К рассмотрению событий, вызванных блокадой Кубани, мы обратимся несколько позже. Теперь же отметим только некоторые факты, которые дадут возможность еще более рельефно и точно представить взаимоотношения двух центров антибольшевицкой борьбы: Кубанское Краевое Правительство в сентябре отозвало своих представителей из совещания по рабочему вопросу, открывшемуся в Ростове при «Особом Совещании» Деникина, мотивируя этот отзыв тем, что рабочий вопрос на Кубани не подлежит компетенции деникинского «Особого Совещания»; кубанские делегаты на Конференции об организации Южно-русской власти еще с большей последовательностью и упорством повели работу с целью недопущения соглашения между казаками и Деникиным на условиях, неприемлемых для Казачества; после объявления блокады Кубани представители большинства Законодательной Рады обратились к Кубанскому Войсковому Атаману А. Филимонову с весьма настойчивым предложением назначить начальником гарнизона гор. Екатеринодара такое лицо, в преданности которого Кубани в то время не могло быть никакого сомнения, при этом были выдвинуты кандидатуры членов Зак. Рады полк. К. Гончарова и войск старшины Роговца; Атаман категорически отказался дать согласие на подобное назначение, чем в достаточной мере выявил свое действительное отношение к происходящим событиям (к слову сказать, в это же время ген. Филимонов, как сказано выше, в Атаманском дворце организовал торжественный прощальный обед для ген. В. Г. Науменко, удаленного Зак. Радой с поста военного министра Кубани за нежелание осуществить Закон Кубанской Краевой Рады о Кубанской Армии); в силу особого Закона об охране Куб. Краевой и Законодательной Рад, президиум последней в сентябре произвел набор казаков в охрану Рад, доведя численность этой охраны до 180-200 казаков при соответствующем количестве офицеров; несмотря на сопротивление со стороны Атамана ген. Филимонова и военного ведомства Кубани в Законодательную Рад было привезено 15 тысяч винтовочных патронов (охрана Рад помещалась в здании Рад в полном составе); здание Рад стало складом многочисленной литературы, которую издавал правительственный Кубанский отдел пропаганды — «Коп»... Начало деникинской блокады Кубани совпало с началом выхода самостийнической газеты «Кубанская Воля», ведшей ежедневные схватки со всей русской периодической печатью...

Русские всей душой ненавидели самостийную Кубань, а последняя тем же платила им. Сильный общий враг — русские красные армии — заставлял эти оба

центра борьбы держаться пока вместе. По многим причинам Кубань в то время явилась авангардом борьбы Казачества против русской реакции; поэтому вожди «белого» движения главные свои удары направляли против самостийников Кубани. Все же, для полной объективности, следует хорошо помнить, что именно во второй половине сентября 1919 г. между Командующим Донской армией ген. Сидориным и ген. Деники-

ным завязался серьезный закулисный «телеграфный бой».

Все эти события не могли, конечно, содействовать укреплению фронта и успокоению и упорядочению тыла.

«Союз» Казачества с русским «белым движением» трещал по всем швам.

(Продолжение следует).

Николай Посохов

Пути предков

(Продолжение)

Наступили святки, прекратились занятия в школе. Как бы что-то вспомнив, Джигит однажды вечером, оседлав коня и закинув карабин за плечи, направился по дороге в Войсковой лес. Миновав редкодуб и предлесье, он свернул на более узкую дорогу и в'ехал под сень вековых дубов и чинар. Изредка вдаль слышался волчий вой. От снега и от луны было достаточно светло, даже под сенью уходящих к небу высоких безлистных чинар и нависших и склонившихся под тяжестью снега над дорогой безлистных ветвей.

По просеке лесной, которой ехал Джигит, с противоположной стороны навстречу ему ехал всадник. — Це хто тут в цю пору блукає по лісі? — раздался голос приближавшегося всадника.

Коля сразу узнал по голосу отца Гали.

— Здорові були, дядько Петренко. Не пізнали?

— О, як не пізнати, — пан сотник! Я чув, що Ви повернулись до-дому, та й Галя чула от дівчат, що Ви стали вчителем у станиці; я все хотів приїхати в станицю, та з-за служби не мав ідосі часу.

— Так я оце сам приїхав. А що Галя дома?

— А де ж їй бути! Ідїть до хати, вона буде рада, а я піду подивлюсь свій участок, а потім і я повернусь до хати.

— Добре, дядьку, — сказав Джигит и пустил коня рысью.

Под'ехав ко двору, он открыл ворота, которые никогда не запирались на замок, ввел лошадь и, поставив ее под навес, тихо вошел в сени. Подходя неслышно к двери комнаты и приоткрыв ее, он увидел Галю, сидевшую за вышивкой у маленького рабочего столика. Джигит тихо постучал в дверь, чтобы неожиданностью не испугать девушку.

На стук Галя повернула голову и, узнав Джигита, бросила на стол вышивку и побежала ему навстречу, вскричав:

— Мій коханий!...

— Галю! — воскликнул Джигит, схватив ее в объятия и покрывая поцелуями.

После первых приветствий Галя, наконец, опомнилась...

— А знаєшь, мій любий, я вже думала, що ти забув мене. Я чула от дівчат, що ти вже давно приїхав у станицю, учитилюєш, а до мене не їдеш, та я не хотіла перва йти до тебе у станицю.

— Галю, ти така-ж, як і була!

— А то яка-ж, я така, як и ти!

— Ось за це я і кохаю тебе, мое серденько. и приїхав сказати тобі, що війна скінчена і як що ти ще кохаєш мене, то й перевінчаємось цього року.

— А я часто в ночі плакала, коли узнала, що ти вже в станиці, а до мене не їдеш!

— Я щасливий, мое золото! Ось як повернется твій батько, ми йому все й розкажемо, добре?

Так ворковали влюбленные после долгой разлуки, вспоминая скучные дни ожидания и строя планы будущей жизни, как, вдруг, на дворе раздалось ржание коня. Тут только вспомнил Джигит, что он оста-

вил одиноким своего друга коня, не покормив его. Этим ржанием конь решил напомнить сам о себе.

— Я зараз повернуся, тільки торбу з овсом ко-неві дам...

Но выйдя во двор, он увидел, что дядько Петренко уже вернулся домой. Повидимому, ржание коня было вызвано приближением коня об'ездчика...

— Пан сотник ще тут?

— Я тільки зараз оце згадав про коня...

Оба вошли в хату.

— Що-ж, ти угостила чим пана сотника? спросия лесник, входя в хату и видя, что на столе нет ничего.

— Ні, дядьку, мені нічого не треба, я приїхав з Вами побалакати по ділу.

— Та це все-равно. Я що в якій справі, то більш треба угощати. Став, доно, на стіл всі витрибеньки, що ти пекла-варила сьогодні, а я принесу вина, от воно і веселише буде балакати й по справах...

Галя быстро накрыла на стол, поставила на стол блюдо с жаренной дикой козлятиной, пирожки с разной начинкой и другие разные вкусные вещи.

Как только отец Гали вернулся и поставил на стол принесенное вино, Джигит с Галей подошли к отцу и Коля, держа Галю за руку и обращаясь к ее отцу, сказал:

— Ось, дядьку, я хочу, що-б Ви дозволили мені звать Вас батьком, бо я і Галя кохаєм один одного и просимо Вас благословить нашу любов.

— Чи то правда, Галю?

— Правда, тату, я кохаю його вже давно!

— Що-ж, я не проти того, хай Бог благословить ваш союз, а тепер сідайте до столу, выпьем вина та побалакаємо.

Отец Гали открыл вино и налил в стаканы.

— Ну, дай же Боже вам счастья!... А коли-ж будемо гулять свальбу?

— Я думаю, що в цей мясоїд, сказав Джигит.

— Ні, Коля, давай краще повинчаємось на після Пасхи. — до того часу я все приготую...

— Як хочеш, Галю, після Пасхи, так і після Пасхи. Я тепер буду дома, війні вже кінець...

— Е, пан сотник гадає, що війна покінчена? А я гадаю, що вона тільки починається.

— Ну Ви, тату, думаете однаково, як і мій батько, начал Коля, він теж мені казав, що нам ще прийдеться воювать з москалями.

— Що-ж, він каже правду, усе йде до того. Подивись та послухай, як кацапня по станицям, де їх багато, почала забирать в свої руки владу. Сказано, гамсели! Выдумали якісь совіти, комиссарів, та ще й балакають, що пора вже ділити казачу землю; та й на инше добро козаچه позіхають, кажуть, що в кого три парі волів, то щоб оставив собі одну, а дві парі роздав тим гамзелам, у кого нема нічого... А с цим тільки почни, то й будут потім рівнять, поки не буде нічого ні в козаків, ні в москалів...

— Ні, тату, я гадаю, що воїни не буде, москалі побоятся ділити козачу землю. — нехай вони ділять

землю своих панів, а не нашу. На нашу вони не мають ніякого права.

Долго еще разговаривали в доме лесника и далеко за полночь, простившись с Галей и ее отцом, радостный, возбужденный и счастливый Джигит возвращался лесною дорогой к себе домой, унося в своей душе аромат первой любви...

Зимняя жизнь в станице монотонна, но Джигит не имел времени скучать: днем — занятия с детьми в школе не давали ему замечать время. Вечером же, подготовившись к уроку следующего дня и исправив тетради учеников, седлал коня и скрывался по дороге в лес.

В воскресенье, обыкновенно после обеда, седлал двух лошадей и уезжал в том же направлении, ведя другую лошадь в поводу. Галя, одевшись в черкеску, садилась на приведенную лошадь и они беззаботно скакали по лесным тропам и дорогам, уезжая иногда до рубежей станицы. Иногда отправлялись в станицу Махошинскую, к бабушке Гали, или же спускались в свою станицу к Галиным подругам, собиравшимся у кого-либо в обширной горнице для коротания зимних вечеров за рукоделием, песнями, танцами или рассказами стариков...

Только на рассвете возвращался Джигит домой, проводив предвительно Галю. Казалось, отдаваясь мирной личной жизни, Джигит хотел забыть настоящее... Но жизнь и события и надвигавшаяся опасность — нет-нет — да и заставляли его пробудиться от любовного сна и тогда в голове его пробуждалось сознание опасности и чувство долга перед станичниками, которые по своей политической неопытности принимали крикливые фразы приезжавших агитаторов за чистую монету; с меньшей силой просыпалось также и эгоистическое чувство страха за свое счастье, за свой сон, который он готовился воплотить в действительность, женившись на Гале.

В станице стали больше и чаще показываться серые шинели. Из Майкопа стали приезжать грузовые автомобили с солдатами и комиссарами, которые, созвав народ набатным звоном, говорили зажигательные речи. Но казаки слушали, а в душе думали свою думу. Иногда приезжавшие увозили с собой кого-либо из видных казаков станицы в Майкоп и там сажали в тюрьму, обвиняя их по наговору какого либо иногороднего из станицы в несочувствии и недоброжелательности к новой власти. Так как все эти доносы делались секретно, то казаки, не зная виновников доносов, перестали доверять даже друг другу...

Перед самой масляницей в станице разнесся слух, что шесть молодых казаков станичников, мобилизованных новой властью и несших гарнизонную службу в Майкопе, подверглись самосуду свободных граждан Майкопа и были помещены потом в военный госпиталь до выздоровления, чтобы после судить их еще «революционным» судом. Вина этих молодых казаков была тяжкой в глазах новой власти. Они, как-бы предвидя будущее, пользуясь тем, что все они из одной станицы и часто попадали на пост к арсеналу, отправили несколько подвод оружия и патронов в станицу, где все это спрятали в лесу. Будучи снова в карауле и подговорив казаков станичников, приехавших на базар, нагрузили еще две подводы оружия, но были захвачены дежурным по караулу, хорунжим Довженко, который поднял тревогу, а в результате всего этого шесть молодых казачьих тел без чувств, после зверского самосуда, были свезены в госпиталь.

Услышав об этом, Джигит уехал в город, чтобы подробно узнать обо всем. В военном госпитале он встретил других своих однополчан офицеров, которые были сюда привезены из тюрьмы для лечения. От них он узнал многое. Много офицеров сидело в тюрьме. Несколько его однополчан, принявших участие в первом походе, попали в плен и тоже сидели в тюрьме.

На обратном пути, проезжая мимо лагерей, Джигит встретился с сотником Кравцовым, командиром полка, который прямо поставил вопрос Джигиту:

— Почему ты не у нас в бригаде? — Это измена Казачеству!...

— Нет, дорогой, я не изменяю, но хочу быть полезен казакам на другом поприще.

Джигит рассказал, что он стал учителем.

— Нет, брат, ответил ему Кравцов, это твои отговорки. Твое место с нами. Ты не имеешь права дезертировать в такое время. Твой брат, с которым у меня была тесная дружба в училище, тоже осудил бы тебя.

— Хорошо, я подумаю и дам ответ позже.

Много мыслей сменилось у Джигита на обратном пути. Вернувшись домой, он приготовил свой походный выюк и оружие и перевез все в лес к Гале. От матерей казаков, избитых в городе, он узнал, что молодость взяла свое и они стали постепенно поправляться.

Растаяли снега, поля и леса зазеленели. Жизнь оживилась и начались обычные работы в поле. В станице же нормальное течение жизни часто нарушалось приезжавшими автомобилями с солдатами, набатным звоном и безпричинными обысками. Но теперь мало сходилась народу слушать приезжавших «ораторов», все были заняты в поле. Старики же, старухи и дети, заслушав набат и думая, что пожар, плелись на площадь, но узнав причину, плевали и с досадой возвращались домой.

Однажды, в солнечный день, закончив занятия в школе, Джигит возвращался домой, и проходя мимо двора своей сестры, увидел ее мужа на скамейке у забора против солнышка. Он зашел к нему посидеть и поговорить. Шурин был неизлечимо болен и угасал с каждым днем; во время войны, будучи на турецком фронте, он простудился, переболел воспалением легких, которое перешло потом в скоротечную чахотку.

Теперь, олеви полушубок, он вышел погреться на солнышке.

Со скамьи, где они сидели, видно было станичное правление, около которого ходили солдаты, приехавшие с комиссаром.

— Эх, Коля, вот посмотрю я на этих хамов в серых шинелях и так мне становится досадно, что уже нет у меня силы, чтобы вымести весь этот навоз из станицы... Знаю, что я скоро умру и жутко становится при мысли, что моим детям придется драться с москалями. Мы за москалей с турками и немцами дрались, а нашим детям придется бороться с москалями, которые хотят выжить нас из станицы... Ты посмотри, не обидно-ли, что эта мразь полноправными хозяевами расхаживает в правлении и приказывает дежурному казаку... Эх, куда смотрит наше правительство и атаман? ! Почему не прикажут всех этих беглых дезертиров разместить по своим местам?

— Что-ж, братка, ведь ты знаешь, что мы сейчас не знаем, где наш атаман и наше правительство! Ведь мы сейчас не имеем с ними никакой связи; слышно было, что они из Екатеринодара со всеми войсками ушли с Корниловым. Вот и наш станичник, атаман отдела, полковник Данилов, никому ничего не сказав, куда-то уехал и как в воду канул. Только потому, что солдаты возвращаются иногда раненные, можно догадаться, что где то идет война. Если бы ты знал, братка, какие у меня сомнения в душе! Да и все казаки сейчас в таком неопределенном смущении: не знают, кого слушать и за кем идти. Тебе, верно, приходилось говорить со сватом Петром, вернувшимся из 3-го полка, который стоял в Финляндии. Вот и он уже разучился думать и рассуждать по казачьи. Он побывал в Петербурге проездом и видел, как там расправляются солдаты со своими офицерами и теперь, при разговоре, о чем бы с ним ни говорил, он всегда сведет к одному: что офицеров не нужно и что нужно делить все поровну. Да и многие из казаков, что служили в 3-ем полку и воевали вместе с русскими солдатами, настолько пропитались русским духом, что готовы идти не за своими атаманами, а за комиссарами и ораторами в серых ши-

нелях, чтобы делить помещичью землю между крестьянами, а свою оставить на произвол судьбы. Да, братка, нужно сознаться, что и казаки не настолько развиты, чтобы разобраться, где правда и где ложь; да кроме того, казаков приучали раньше повиноваться и исполнять приказания, не рассуждая о том, кто приказывает. Раньше ему приказывали приезжавшие офицеры и атаманы; он исполнял; а, вот, теперь приехал Михря в серой шинели и приказал бить набат. И звонят. А если подумать, и спросить, кто виноват, что казаки стали такими? Да, те же русские, конечно, не эти в серых шинелях, а правители, которые приезжали из России командовать казаками. Если бы всегда у казаков были свои атаманы из казаков, которые бы любили свой народ и которые бы жили интересами казаков, то они бы и не дали их в обиду. А то, ведь, все эти атаманы, поставленные от Москвы, куплены были ею, чтобы подвести казачью шею в русское ярмо казачьими же руками. Все они научили Казачество повиноваться слепо и мало заботились о его развитии. А вот эта серая мразь пользуется теперь этим и тоже командует.

— Да, конечно, это так, я понимаю, только удивляюсь, как другие станичники этого не поймут и ловятся на удочку. Если бы все казаки поняли это и, когда комиссары объявили мобилизацию, взяли бы и не пойти никому. Какая мобилизация, когда война окончена! Так, нет, мобилизуют, а казаки идут... Не понимают, кто их мобилизует и для чего! Приказывают и они слушаются и идут воевать за чужие интересы, зыбая про свои казачьи, а если бы могли рассуждать, то поняли бы, что казаков мобилизуют против казаков же. Да, тяжелое время наступило!

Простившись с шурином, Джигит направился домой. Мысль о надвигающейся на казаков опасности заслонила собой в душе всякие планы о личной жизни. В душе поднимались возмущения против векового русского произвола и гнета, придавившего и приоттапавшего свободный казачий народ, независимый когда-то и сведенный теперь на степень безвольного слуги.

На пороге дома Джигита встретил отец со словами:

— Знаешь, Коля, у полковника Налета солдаты из Майкопа делали обыск; искали оружие и взяли даже седло. Нужно и нам спрятать оружие, ведь и к тебе могут притти.

— Да я, папаша, подумал уже обо всем этом. Сегодня же все приведем в порядок.

На страстной неделе в пятницу приехавшие из Майкопа с базара казаки сообщили, что молодые казаки станичники, которых лечили в больнице под караулом, обманули караул и убежали в лес.

Наступившая Пасха как-бы заслонила действительность своим весельем и красочным весенним убором. Природа как-бы рассеяла все нависшие над Казачеством тучи. Для Джигита Пасха была двойным праздником. Свободный от школьных занятий, он все время проводил то у Гали, то с Галей спускались из леса в станицу.

Однажды, гуляя верхом с Галей по лесу, Джигит встретил Петра Мудряка, одного из тех казаков, что убежали из Майкопа. Увидев их, казак хотел скрыться в кустах, но Джигит окликнул его, назвав по имени, а когда тот подошел к нему, Джигит успокоил его и начал расспрашивать о том, как они устроились, как живут и как добывают себе провизию. Казак рассказал, что ночью спускаются по очереди двое в станицу, обходя посты, которые держат местные иногородние. В крайних хатах станицы они получают провизию, которую приносят их родители, чтобы никто не знал.

— А вы знаете, в каких местах гамселя держат свои караулы и секреты? — спросил Джигит.

— Да мы, господин сотник, если бы захотели, то уже бы все секреты их поснимали, но пока не хотим трогать.

— Знаешь, Петр, передай всей остальной компании от меня привет и добавь, что может быть неда-

леко то время, когда и я буду с вами, а если вам будет трудно делать вылазки в станицу за провизией, незаметно держите связь с дядькой Петренко.

— Да мы уже встречались и говорили, — ответил казак.

— То правда, батько і мені вже наказав, що я прийду козаки, так щоб я дала сала та хліба, вмишлась в разговор Галя.

Проводив Галю и вернувшись домой, Джигит собрал все оружие, патроны и ручные гранаты и, навьючив свой походный вьюк на другую лошадь и оседлав свою, все это отвез к Гале и вернулся с заводной лошадей без седла.

В последний день Пасхи неожиданно в станицу приехал автомобиль со взводом солдат. Со станичной колокольни понеслись звуки набата. Джигит сидел, читая, в своей комнате. Вбегает в комнату взволнованный отец со словами:

— Коля, уходи, сейчас я стоял у ворот, а наш станичный трубач, который поскакал трубить тревогу, доскавав до меня, остановился, как-бы для того, чтобы подтянуть подругу у лошади, незаметно от других мне сказал, что приехали за тобой!

Хотя в станице были уже комиссары, и военный и политический, но все они были из казаков и обещали дать знать Джигиту, когда ему будет угрожать опасность.

Захватив наган и полевой бинокль, Джигит пустился в огородами стал пробираться к лесу. И было время. Ко двору с противоположной стороны направлялся взвод солдат из местных иногородних. Не найдя Джигита, недовольные произведенным обыском, ушли.

Между тем, Джигит, войдя в лес, почувствовал себя в безопасности. Забравшись на «Лысую Гору», он долго с дуба наблюдал станицу и движение на станичной площади, которая была видна отсюда очень хорошо. Пробыв там до полной темноты, Джигит осторожно пробрался к Гале. Галя рассказала, что приезжали четыре солдата, сделали обыск и, недовольные, уехали. Ночью Джигит спустился в станицу и узнал от отца, что приказано арестовать всех офицеров в станице и отправить в Армавир в революционный трибунал. Полковник Налет тоже скрылся, неизвестно куда. Отец посоветовал Джигиту уехать в горы к знакомому кунаку черкесу. Джигит и сам думал об этом, но жаль ему было покидать Галю. Пообещав отцу уехать, когда уже нельзя будет долгие оставаться вблизи станицы, Джигит вернулся к Гале.

Пожив две недели, скрываясь в лесу вместе с казаками, Джигит, простившись с Галей и с казаками, уехал в горы к черкесам, пообещав навестить при первой возможности Галю, а казакам дать знать, когда что либо у него будет определенное для улучшения их положения; а чтобы оставшиеся были более уверенны, Джигит взял с собой Петра Мудряка. У Джигита был свой план. За неделю до ухода в лес, возвращаясь из сада домой из-за реки Белой, он на мосту встретил трех путешественников. В одном из них он узнал офицера сотника Филиппа Фендрикова, другие двое были ему незнакомы. Переговорив с сотником Фендриковым и познакомившись с другими, он всех повел к себе обедать. Здесь, дома, сотник Фендриков сообщил ему по секрету, что они идут в горы, где генералом Гейманом организовалось восстание против сов. власти. Секретная организация спасения Кубани снабдила их документами до станицы Даховской, а там нужно только сказать незаметно атаману одно слово «Гейман» и их направят к нему. На этом сторил свои планы и Джигит.

Радушно приняли Джигита кунаки черкесы. Знали они от своих собратьев, живших в степных аулах, о том, как ведет себя новая русская власть; им это очень не нравилось. Знали и чувствовали они, что для казаков и для них эти пришедшие русские, стремившиеся в богатые казачьи края, враги.

Гостя то у одного кунака, то у другого, пасших громадные табуны лошадей и баранты, раз'езжая по обширным пастбищам, у самой вершины горы Ош-

тен, Джигит завел знакомство с имеретинами, пригнавшими сюда через перевал скот и баранту и изготовлявшими сыры и масла, которые на вьюках они переправляли через перевал в Сочи. Один раз он также с караваном отправился в Сочи, надеясь узнать какие либо новости. Но ничего определенного не узнал. Ходили смутные слухи о каких то, не то русских, не то грузинских отрядах. Говорили о каком то полковнике Ефремове, начальнике грузинского отряда, но все это были только слухи.

Однажды, вспомнив о своем товарище по студенчеству, казаке станицы Даховской, Джигит поехал навестить его. В'ехав в станицу и думая, что здесь его никто не знает, он спокойно направился к площадке, но из открытых ворот одного обширного казачьего двора, молодой казак окликнул его:

— Здравия желаю, господин сотник! Вы не узнаете меня? Я урядник Люднов, шестой сотни. Заезжайте к нам, мой отец и я будем рады вам.

— Да я, брат, не на долго, я проездом, — ответил Джигит.

— Ради Бога, хоть на короткое время, господин сотник, — добавил казак, беря повод коня из рук Джигита и вводя его во двор.

Из двери дома на крыльцо вышла молодая казачка.

— А вот и моя женка! Маруся, проводи в горницу господина сотнике к батю, а я пока поставлю коня к сену.

Поздоровавшись с женой казака, Джигит направился в горницу, где навстречу ему встал старик, могучий казак с окладистой седою бородой и большими усами.

— Откуда Бог несет, станичник? Ты, должно быть, друг моего сына?

— Да, отец, вместе с вашим сыном служил в полку и с немцами воевал, — ответил Джигит.

— Так значит — однополчанин. А с какой станицы будешь?

— С Тульской, отец, — ответил Джигит.

— Ну, садись, гостем будешь! Хочешь есть?

— Нет, отец, я на минутку.

— Ну, а что там у вас в станице делается? Вы там ближе к управлению отдела; сказывают полковник Данилов бросил отдел и неизвестно куда уехал, а в управлении отдела теперь русские товарищи распоряжаются?

— Да я, отец, вот уже больше месяца не был в станице, — возразил Джигит.

В это время в горницу вошел казак, сын старика и, обращаясь к Джигиту, сказал:

— Пока вы, господин сотник, отдохнете, я подкормлю вашего коня.

Старик удивленно вскинул глаза на Джигита и приподнялся.

— Так вы, ваше благородие, сотник? А я вас за казака принял, за приятеля моего сына. Простите меня, старика!

— Ну, что за важность, отец! Садитесь, ради Бога, и поговорим, — сказал Джигит. — Скажите мне, что у вас казаки думают? Думают ли они выгонять из станицы всех тех, кто пришел, невесть откуда командовать ими?

— Я вам скажу, ваше благородие, что все мы, как один, готовы взяться за оружие. Лишь бы с нами были наши командиры и офицеры казачьи, которые повели бы нас освободить Кубань. Да не видим мы и не слышим наших атаманов. Атаман отдела куда-то уехал; рассказывают, что и Войсковой Атаман с войсками оставил Екатеринодар и воюет где-то с большевиками, а мы ничего не знаем, как дети без батьки. Раньше этого не было. Мой дед мне рассказывал, что в старину Атаманы никогда не бросали своих казаков, а казаки гуртовались возле своего Атамана. А теперь, вишь, все по иному. Ваше благородие, может быть больше знаете, чем мы. Мы тут в лесу и в горах живем, ничего не знаем. А все чего-то ждем, да ничего хорошего не видится.

— Скажите, — начал старик шопотом, придвига-

ясь к Джигиту, — скоро объявят мобилизацию? Я слышал, что тут где-то в горах живет генерал Гейман?

— А скажите, отец, — начал Джигит, — вы знаете, где живет генерал Гейман? Я бы проехал к нему.

— Не знаю, — ответил уклончиво старик, — говорят, где-то на хуторе, на скале.

Не узнав и здесь ничего определенного и не остав своего товарища студента дома, Джигит вернулся в горы к черкасам. Под'езжая к кошу своего кунака, Джигит увидел выходявшего из коша знакомого сотника Малахуту.

— Здравствуй, дорогой. Каким ветром тебя занесло сюда?

— А ты чего тут летаешь? — возразил Малахута, — я приехал по делу, а ты, как я слышал от кунаков, живешь тут, как-будто на курорте!

— Да, брат, хорош курорт, когда москали из хаты выгнали, — ответил Джигит.

— Ну, вот что, Коля, идем в кош, там уже приготовили плов и хичирь, закусим и поговорим, да и кунаки нас ждут.

Войдя в кош, все разместились вокруг котла прямо на земле, поджав под себя по турецки ноги. Каждому гостю была поставлена чашка, наполненная пивом из риса и мелкой рубленой баранины, и громадная оуля с молодым вином, кавказским чихирем, ходила кругом, передаваемая из рук в руки после того, как каждый отпивал из нее несколько глотков.

Здесь Джигит узнал от сотника Малахуты, что генерал Гейман уже разослал по станицам с надежными казаками приказ станичным атаманам, в котором объявил себя командующим войсками Майкопского отдела и приказывал атаманам мобилизовать оставшихся казаков и войти с ними в состав отряда, целью которого будет освобождение Кубани от большевической власти. Местом ядра отряда назначен обширный фруктовый сад и земля старика старообрядца Ш. в юрте станицы Дагестанской. Сотник Малахута приехал по приказанию ген. Геймана взять из табунов кунаков лошадей для отряда в долг, а когда будут деньги, все будет уплачено.

Джигит, не думая долго, заявил сотнику:

— Я еду с тобой. И, позвав своего казака Петра Мудряка и написав небольшое письмо, передал ему и сказал:

— Ну, брат, настало время, когда мы можем позвать всю нашу компанию; ездай до станицы, передай это письмо Гале, кланяйся дядьке Петренко от меня, заведи с собой ребяг и пробирайся к отряду в сад Ш... — объяснив при этом подробно, как найти дорогу.

Отобрав целый косяк лошадей, а также гурт скота и баранты для отряда, Джигит и Малахута с гремя казаками отправились лесною дорогой в ставку отряда. Через два дня прибыл и станичник Джигита Петр Мудряк, возивший письмо Гале и привезший ответ. Жадными глазами пробежал Джигит милые строки, полные тоски и ожидания, в тревоге и беспокойстве за его судьбу. Безконечное число раз перечитывал Джигит письмо. Вместе с письмом Гале прислала пару белья.

Среди огромного фруктового сада, занимавшего около двадцати десятин, находилось большое озеро-пруд. Выбрав более глубокое место, Джигит выкупался и сменил белье, почувствовав себя очень бодро и весело. Приказ ген. Геймана действовал. Начали прибывать станичные атаманы с казаками. Отряд стал расти, а понемногу стали развиваться и военные действия. В отряде он узнал, что его друг, сотник Фендриков Филипп, который обедал у него, пробираясь в отряд ген. Геймана, пал первой жертвой под станицей Абадзехской, будучи послан с раз'ездом для разведки дороги на Майкоп. Он был предательски убит из засады солдатом, сопровождавшим из Майкопа двух инженеров на лесопильный завод, в юрте станицы Дагестанской. Инженеры должны были рассмотреть и исследовать завод и сделать доклад со-

ветам для целей секвестрации завода. Солдат был сейчас же убит казаками в отместку за сотника, которого похоронили на станичном кладбище, а инженеры были препровождены в отряд. В отряде Джигит принял командование сотней и началась боевая жизнь. Но это не была та позиционная война, с которой он так недавно вернулся. Нет, прежде всего началось очищение станиц от пришедшей русской власти и установление своей казачьей. Все горные станицы, где было мало иногородних, быстро вернулись к своей обычной казачьей жизни и организовали снабжение отряда провиантом. Взятые в плен инженеры тоже оказались полезными для казаков. Их отправляли поочередно то в одну, то в другую станицу, где они исправляли казачье оружие. Казаки отряда были вооружены самым разнообразным оружием, вплоть до старинных кремневых ружей. Казаки расположились в сделанных из хвороста и покрытых ветками и листьями папоротника, шалашах. Ночью все становище горело кострами. Разместившись около костров, казаки долго по вечерам не спали, коротая время песнями или же рассказами и воспоминаниями. Кругом высокий, таинственный, мрачный лес шумел, вторя безхитростным казачьим рассказам.

Была свежая, темная августовская ночь. Лагерь повстанческого отряда ярко горел огнями костров, вокруг которых располагались казаки. Сотня Джигита была в охранении отряда. Еще с вечера Джигит выставил, где полагалось, на подступах к отряду, согласно полученному из штаба плану, сторожевые заставы, посты и секреты, и теперь задумчиво прохаживался по тропинкам сада. Что-то тяжелое, как камень, давило сердце. Одно мгновение, как-бы оторвавшись от своих дум, Джигит окинул глазами всю живописную картину бивака и ему невольно вспомнились стихи Пушкина из поэмы «Братья разбойники». — Да, подумал Джигит, как разбойники, но не во имя наживы и личного обогащения, а во имя защиты своей свободы, во имя борьбы с насилием и гнетом.

Проходя около одного костра, он услышал фамилию сотника Кравцова. Джигит заинтересовался и остановился в полосе мрака, будучи невидим казаками, и стал слушать.

— Да, конечно, продолжал рассказчик, — все испортил есаул Бортник; а еще генерального штаба. И чему его там учили? Правда, он план нападения на Майкоп и захвата власти у большевиков хорошо составил: каждая сотня знала свое назначение, командиры сотен получили каждый свою задачу; одни должны были идти занимать управление отдела, другие казначейство, а третьи атаковать батарею, да только в самую последнюю минуту, когда вся северокавказская бригада стояла в колонне за винным складом, есаул Бортник струсил. Созвав снова для чего-то к себе всех начальников. А большевики тоже не дремали... Вдруг, видим, со всех сторон наступают солдатские цепи и окружают бригаду кольцом. Ну, тут наши офицеры сами поспешили к своим сотням, я сам видел, как сотник Евсюк развернул свой дивизион лавой и пошел на солдатские цепи, которые начали беспорядочно стрелять, прорвал их, кажется, без потерь и пробился к Казенному мосту и скрылся на шоссе по направлению к Туапсе. Другие сотни, до которых не успели добежать их офицеры и взять инициативу командования, растерялись и, видя приближающихся и стреляющих в них солдат, бросились кто куда, забыв даже, что сами они имели винтовки и патроны. Мы почти целым взводом бросились к полю пшеницы, хотя она не могла нас скрыть, и под выстрелами солдат развили ход прямо к лесу, хотя нам и торопились отрезать путь солдатам, выходившие со стороны старого кладбища; что там было, мы уже не видали. Только после казаки, которые были до конца, рассказывали, что окружившие их солдаты и комиссары потребовали выдачи оружия и офицеров. Военный комиссар, армянин Саркисов, обещал, что никому ничего не будет. Многие казаки, которые не попали сразу к лесу и должны были пробегать ули-

цами города, были немилосердно расстреляны из окон майкопскими мужиками, а мой односотенец из станицы Безводной рассказывал, что он убежал с урядником по Георгиевской улице. Урядник от него немного отстал, а когда он оглянулся, то увидел, что у урядника убили лошадь, которая, падая, придавила его. Не успел казак вернуться к нему, как из дворов выскочило человек десять мужиков, подскочили к упавшему уряднику и сперва выстрелили в него в упор, а затем начали его рубить его же шашкой, другие начали стрелять по казаку, а казак, отстреливаясь, убил двух мужиков, а может быть только ранил, и ускакал в лес... После ходили слухи, что есаула Бортника посадили в тюрьму, а сотника Кравцова взяли в Армавир, чтобы судить в революционном трибунале, да только он соскочил с паровоза на всем ходу, когда зазевались солдаты, охранявшие его, и скрылся в лесу. Это может статься. Вот, действительно, боевой и ловкий офицер, мы все были готовы с ним идти хоть в огонь, хоть в воду, потому верили и любили его.

Рассказчик замолчал и на лицо его, освещенное огнем костра, легла тень задумчивости и казалось, что он снова переживал страшные картины только что рассказанного.

— А, слышали, братцы, — начал другой казак, — как расправился, перешедший к большевикам, прапорщик Сорокин с моими станичниками, братьями Труфановыми, полковником и войсковым старшиной? Говорят, он вывез их на автомобиле и где-то по дороге к Армавиру расстрелял. Из тех братьев только сотник, кажется, остался в живых и то потому, что где-то в Петербурге учился летать на аэроплане... И подумать, что этот гад Сорокин погубил таких хороших офицеров только за то, что когда-то один из Труфановых, с которым он вместе был в третьем полку, сделал ему выговор за неисправность.

— А теперь, говорят, он у них командует конной дивизией, — вставил третий казак.

От всех, только что выслушанных из казачьих уст, рассказов о недавней трагедии казачьей бригады тяжело стало на душе Джигита.

Медленно побрел он к главной заставе на более опасном подступе к отряду со стороны более всем известной и доступной дороги, откуда всего чаще приходили к повстанцам казаки из станиц, не выдержав всех надругательств, насилия и произвола «новой власти».

На заставе горел большой костер. Здесь тоже велись разговоры и рассказы вполголоса. Казаки были спокойны. Они знали, что впереди них, в густом лесу, заросшем папоротником, могущем скрыть всадника с лошадью, густо расставлена сеть секретов, а по тропинкам неслышно движутся патрули для связи и наблюдения.

Услышав шаги, начальник заставы насторожился и, увидев Джигита, неожиданно выросшего у костра, вышедшего из мрака в полосу света от костра, урядник вскочил на ноги, встали быстро и остальные при словах отдаваемого рапорта урядником.

Выслушав рапорт, Джигит предложил не стесняться его и сам он тоже занял место у костра. После нескольких минут молчания, между казаками снова завязался разговор, к которому присоединился и Джигит.

(Продолжение следует).

ПОПРАВКА

В прошлом номере журнала следует исправить следующую досадную опечатку: на стр. 21, правый столбец, в 23 строчке, считая снизу, вместо: «и не дают спасть России», следует читать: «и не дают спать России».

Николай Букин

„... Политика - зло...“

Совершенно беспристрастно, ничего субъективно в описании мною виденного, кроме высказанного вкратце моего мнения вообще, о выборах в настоящее время Донского или какою другого Войскового Атамана, предлагаю я познакомиться читателю-казаку с одним из пагубных примеров результата проповедничества — не заниматься политикой и ждать, когда за нас сделают ее другие.

Сколь много зла сделали для Казачества отстранявшие его от политики — как раз и показал день 26 мая 1935 года — день экзамена отставшей от народа старшины на настоящий аттестат зрелости. Пожалуй, при психологическом разборе поступков **известной группы** казачьей старшины можно бы было дать много различных аттестатов, но останавливаться на этой ненужной работе излишне: если они сами не хотят за собой признать определенных способностей, то мы, казаки, живущие прежде всего интересами своего народа, великолепно знаем, кто на что из них способен и учитываем это как сейчас, так и дальше будем учитывать.

В подготовке к этому дню все готовившиеся показали себя во всей полноте «готовности» служить Казачеству. Наблюдая за ходом подготовительных работ разных комиссий — центральных и прочих — не приходилось удивляться ни их разнобою во мнениях о выставляемых кандидатах, ни стремлению некоторых объявить себя «единственно законной центральной комиссией», ни даже появлению на сцене г. г. «самостийников» из «Лиги возрождения Каз-ва» с их фаворитом Граббе. Сколь это комично для них и как это преступно в отношении всего Казачества: граф Граббе и... «Лига **возрождения** Казачества». Да иного и нельзя было ожидать: стоит только вспомнить содержание листка, вложенного в № 1 журнала «Казачье Дело», чтобы полностью охарактеризовать членов «Л. В. К.»... Недомолвки, наконец, раскрылись полностью: решившие «возродить» Казачество так же собираются служить России, как и те, кто к 26 мая **снизошел** и заговорил с казачьей массой.

Не приходится удивляться и той политической отсталости, безграмотности, каковую обнаружила 15 лет молчавшая «старшина». Действительно, ничему не научилась и ничего не забыла. Казачество для нее так и осталось средством для выслуг перед русскими. Приходилось удивляться только их обращению к казакам: «...исполнить в этот день свой гражданский долг»... Народ оказался нужным лишь тогда, когда надо было собрать голоса после долголетней спячки, нарушенной смертью А. П. Богаевского. Зачем? — спрашивается. Сколь фальшивым, гнустным и чужим показался голос воззавших к казакам. Где же они были 15 лет? Почему эти долгие годы они не говорили с Казачеством? И почему не говорили, именно, о казачестве по казачьи, а теперь... заговорили, вдруг, о гражданском долге?

Да готовы-ли вы сами выполнить в настоящее время свой казачий долг, и подготовили-ли вы народ к этому, — напрашивается вполне естественный вопрос с первым же появлением на свет разных избирательных центральных комиссий. Наперед можно было предвидеть ответ на этот вопрос. Уйдя в подчинение чужому для Казачества г. Миллеру, они и не могли готовиться, т. к. должны были в угоду своему «начальнику» провести в атаманы «своего» человека.

И вспомнились слова умершего г. Богаевского, — слова, так убедительно пропагандированные сторонниками обросших паутиной вечных Атаманов: «Казаки, не занимайтесь политикой, она пагубна для вас. Сидите и ждите спокойно. За вас все сделают дру-

гие». И, конечно, нашлось не мало таких, которые пренебрегли политикой, а в результате... политическая слепота собравшихся 26 мая выбрать себе Атамана, т. е., тех, кто пожелал на «других» и был глух и нем к голосу из массы казачьего народа, — тех, кто не хотел кипеть в политике казачьей и оставался слепым орудием в руках различных политика-нов из единоедельнического лагеря.

26 мая с. г. проездом через Новый Сад с **И. М. Назаровым** решили мы на один день остановиться в этом городе с тем, чтобы побывать на выборах Донского Атамана в станице, возглавляемой А. М. Протопоповым (быв. есаул В. В. Д.). Больше всего нас соблазняло узнать количество казаков в станице, — количество, которым так щедро разбрасывался г. Протопопов: «У меня в станице 200 человек — донцов и кубанцев. И все за меня. Особенно кубанцы, они прямо говорят: «Мы, г. есаул, за вами в огонь и в воду...» — «А все потому, что я как выйду перед станичным сбором, погляжу на всех атаманским глазом и скажу: родные братья-казаки, донцы и кубанцы!... Знаете... эдак, как следует... Надо, ведь, уметь действовать»... Так говорил мне лично сам г. Протопопов при второй встрече в Н. Саду после нашего знакомства. Вот, вспомня это, я и предложил моему дорожному сотруднику остановиться на один день в Н. Саду. Предложение было принято.

В городе мы узнаем, что станичный сход назначен в помещении **русского «офицерского собрания»** в 3 ч. дня. До этого времени удалось повидать нескольких донцов.

Ну, что нового, станица, спрашиваю я при встрече, имея в виду получить ответ, касающийся выборов Атамана.

— Да, что-ж, не ладим с Протопоповым. Кроет от нас многое. Из-за этого на-днях и скандал чуть было не разгорелся...

— Что такое, спрашиваю я, удивленный?

— Да, вот, на сборе... Как-то попросили мы, чтобы он показал нам письмо, откуда-то получил там, тоже насчет выборов, ...и еще всякие там, брошюры. Что-ж вы нам показываете только то, что вы хотите, говорим мы ему. Есть, ведь, и другие брошюры... надо-бы все знать. А он нам, вдруг, и выпалил: «Я не обязан вам показывать все. Что мне надо, то и показываю. Мы, донцы, еще до этого сбора накалились, видя как водит он нас за нос, а тут, как услышали такой ответ, то уж не выдержали. А наш донской иногородний Королев схватил сифон содовой, да было по голове ему хотел заехать, но мы, чтобы избежать скандала, сдержали его. Протопопов испугался да за револьвером в карман потянулся. Ну, а мы его сгребли, да и вытолкнули на двор. Он там и стоял с группой кубанцев, у которых он, главным образом, и ищет поддержки. Тепер-то и кубанцы не джоже его поддерживают: «Что-же, — говорят, — мы за него горой стоим, а свои же донцы смотри как его вышибают»...

Побывали мы и у иногороднего. Любезно принял и повел разговоры о предстоящих выборах. В разговоре упомянул о том, что он иногородний, но родился на Дону, служил в донских частях и, конечно, «живу, говорит, казачьими интересами». «В подтверждение» последнего у него стены были украшены разными младоросскими картинками. Приняв это во внимание, мы, конечно, только выслушивали.

Настало время идти на выборы. Идем... По дороге встречаем четырех донцов. Знакомимся.

— Куда же это вы направляетесь, станичники? — спрашиваю я.

— Атамана выбирать, — неловко как-то отвечают.

Тут мы поделились: два донца с И. М. Назаровым и два со мною. Идем разговариваем.

— Ну, кого же, станичники, решили вы выбирать?

— Да кто его знает... Протопопов сказал, чтобы голосовали за Черячукина. Он, говорит, известный генерал.

— Кому же он известный? Вам, например, известный, — спрашивая я.

— Нет, не известный, — последовал ответ.

По имеющимся у меня сведениям я познакомил их с личностью генерала Черячукина. Остались довольны, особенно когда я показал брошюру с портретом генерала. Для чего же вы думаете его выбирать?

— Да чтобы отбыть по обычаю, — отвечали станичники.

Обмен мнений длился до самого входа в «офицерское собрание». По дороге группа казаков выросла в десять человек и все решили вообще не голосовать ни за кого.

Входим в холодный длинный и полумрачный коридор первого этажа каменного дома с окнами на улицу. Вот, думаю, зайдет сейчас майдан. Но шума не слышно... Опоздали, думаю. Наверно атаман держит речь перед станицей. От царящей тишины даже все остановились в коридоре. Я предлагаю не задерживаться и прохожу вперед. За мною остальные. Через раскрытые двери смежных комнат из коридора я увидел г. Протопопова, сидящего за столом и смотревшего с тоскою перед собой. Почти у самого входа в залу г. Пр-ов поворачивает в мою сторону голову и мы встречаемся взглядами: я слегка улыбаюсь, а он растерян — удивленным.

— Слава Казачеству! с спокойной решительностью приветствую я станичного атамана.

— Слава Казачеству, — тихо последовал ответ.

— Надеюсь, можно присутствовать на сборе, — спрашиваю я, упорно глядя на атамана, бегло осматривающего входящих казаков.

— Пожалуйста, только без права участия в выборах, — смущенно проговорил он, стараясь быть больше любезным, чем хладнокровным. — Только... Николай Федорович, пожалуйста, чтобы Петра Ивановича не было здесь, — обращается ко мне совсем растерявшийся г. Пр-ов, увидев полк. Недбаевского, приглашенного казаками при встрече с ним на улице. П. И. Недбаевский и сам не хотел идти, но мы его уговорили и он согласился.

— Да почему же ему не быть, отвечаю я. В выборах он, естественно, участвовать не будет, а как казаку... это даже интересно побыть на сборе и послушать братьев донцов.

Разведя руками, с недовольным лицом, г. Пр-ов отвел глаза в другую сторону. Я считал вопрос о Петре Ивановиче решенным и поспешил представить стан. атаману моего спутника:

— Познакомьтесь... Иван Михайлович Назаров... Полковник Донского Войска... Брат покойного Атамана Анатолия Михайловича Назарова...

Знакомятся. Я обращаю свой взор в залу. Далеко до двухсот человек не хватает. Не просто, думаю, значит, махнул станичник рукой, когда я обрадовался, что попаду на такой шумный майдан. Вдоль стен сидело 12 человек казаков и казачка с сыном.

Поздоровавшись со всеми И. М. Назаров и я сели в глубине залы. Минуты через три г. Протопопов объявляет заседание открытым. Повестку дня не оглашал, — повидимому, постеснялся. А уж больно таки интересная, особенно второй пункт:

1. Выборы Донского Атамана.
2. Провозглашение ген. П. Н. Краснова Вождем.
3. Перевыборы станичного правления.

Повестка была мне передана одним из членов станицы, с просьбой обратить внимание на пункт второй.

В коротком вступительном слове г. Пр-ов сказал:

«Станичники, несмотря на то, что выставленные кандидатуры на пост Донского Атамана ко дню выборов раскритикованы взаимно противоположными симпатизерами, все же наш долг перед Доном и Казачеством (?) — выполним. За П. Н. Краснова мы не можем голосовать, т. к. он категорически отказался, да и не стоит его трогать: ему предстоит более важная роль в эмиграции. Граббе — не казак, так что нам о нем нечего и говорить. П. Х. Попов далеко живет, в Сев. Америке, он не может быть Атаманом. Единственно кто-бы мог отвечать званию Атамана — это ген. Черячукин. Мы за него и проголосуем».

Последняя фраза была произнесена как-то нерешительно, вкрадливо. Дальше следовала краткая биография г. Черячукина — короче, чем печаталась в афишках младороссов.

Кто-то подсказывает атаману, что надо выбрать председателя собрания. Называются имена. Среди них и имя И. М. Назарова, который, по справедливому замечанию некоторых казаков, должен занять место председателя, как старейший из присутствующих. Протопопов, совсем выбитый таковым оборотом дела из колеи, неохотно предлагает И. М. Назарову занять председательское место. И только когда уже выбранный единогласно сходом председатель занял место, г. Пр-ов обращается к нему (тоном полного недоумения) и говорит:

— Так позвольте... как же это Вы... Вы где состоите?... Где Вы голосуете?

— Я нигде не состою и нигде не голосую. Случайно присутствую на сборе и теперь, как получивший честь быть председателем собрания, должен буду голосовать здесь — спокойно ответил председатель.

Вопрос решен. Вполне справедливый ответ дает возможность г. Протопопову не волнуясь занять свое место. Затаив в себе мысль — за пять минут покончить с выборами, дав казакам расписаться за ген. Черячукина, с нескрываемым волнением следил он за председателем сбора. И. М. Назаров, тщательно просмотрев все поданные ему атаманом бумаги, приступил к делу.

— Кто имеет что сказать, станичники, по поводу высказанного вашим станичником атаманом?

Гробовое молчание. Казаки пересматриваются. Я внимательно слежу за г. Протопоповым, не упуская из виду и выжидательного настроения казаков.

— Станичник председатель, разрешите мне сказать несколько слов, — обращаюсь я к И. М. Назарову.

— Нет, нельзя, — поспешил решительным тоном перебить сидевший не у дел г. Протопопов. — Я ваше мнение по поводу выборов знаю, читал, — добавил он, имея ввиду, вероятно, постановление Окр. Правления от 15 янв. с. г.

— Просим, просим сказать, — раздались голоса.

— Да нет, не надо, — уже сконфуженно возражает атаман, делая правой рукой жест — опуститься мне на стул.

— Позвольте, Алексей Михайлович, я в голосовании участия принимать, как вам известно, не намереваюсь, но высказаться по данному вопросу мне, как донцу, я думаю, вы запретить не можете, тем более — этого желает сбор.

— Просим, просим!... Почему же не сказать?!... Пора послушать и других, — зашумели казаки...

Окончательно потерявшийся атаман станицы, видя такое настроение казаков, безнадежно откинулся на спинку стула, заложил в карман руки и, тяжело склонив голову на левое плечо, оставался молча сидеть в неожиданном раздумьи.

Поднявшийся шум развеял председателя своим коротким и категорическим распоряжением: — Говорите, раз просят казаки!...

Я встаю и... в двухчасовом докладе рисую казакам ту обстановку, то ненормальное положение, в котором собралась часть донцов выбирать себе Атамана.

Казачи поняли, что они действительно никого из выставляемых кандидатов на пост Атамана не знают настолько, чтобы спокойно могли вручить ему булаву. На мой вопрос: что дадите вы новому зарубежному Атаману и что он даст вам, никто ничего не мог сказать кроме г. Протопопова, пытавшегося каким-либо образом сделать себя заметным на сборе.

Он глубокомысленно проронил одно только слово:

— Голоса...

— Голые голоса, говорю я, а дальше что? Какова программа избирающих ныне себе Атамана? И какова программа будет того, кого себе выберет часть донцов, — знаете-ли вы?... Ведь помимо обыкновенного, бытового, исполнения гражданского долга, вы же должны думать и о политической судьбе казачьего народа. А такую не могут решить ни граф, затесавшийся в нашу среду, вероятно, только ради еще больших испытаний для нас, ни ген. Черячукин, выставляемый чужой и враждебной своему народу партией — младороссами, затягивающими казаков на пути позора и бесславной в результате смерти на роли восстановителей в России той власти, которую сам русский народ свергнул и вот уже в течении почти двадцати лет не думает восстанавливать. Исключение представляет лишь ничтожная группа стремящихся использовать ту часть казаков, которая болтается на распутье, которая лишена гордой доли личной инициативы, которая не хочет знать борьбы за настоящую свободу своего казачьего народа и лишь способна исполнять приказания, не задумываясь над тем, что полезного и что вредного может быть для Казачества в целом достигнуто отдаением своих сил на выполнение совершенно чуждых нам задач...

Часто приходится слышать имя П. Х. Попова, бывшего Походного Атамана Донских казаков. В нормальных условиях жизни на Дону, при выборе главы государства, я бы голосовал за него, но лишь при условии, если-бы знал, что П. Х. Попов не изменит государственному закону Дона. Хвала и честь ему за уход в Сальские степи и дальнейшую его деятельность до возвращения в Новочеркасск. Но с этого момента мы ничего о нем не слышали. Работы политической на пользу Казачества мы за ним не знаем. В эмиграции 15 лет П. Х. Попов молчал и никакого участия в политической жизни Казачества не принимал. Некоторые называют его даже самостийником — потому, что он не захотел соединиться с Добрармией и остался на Дону в выжидании удобного момента для сполоха. Хотя-бы даже и так, но, станичники, не забывайте, что меняются времена, меняются и люди!... Знаем мы, что единоделимцы становились самостийниками, знаем мы не мало примеров и обратного явления. И если П. Х. Попов был самостийником когда-то, то теперь он не тот, что я смею утверждать после прочитанного мною лично, собственными глазами, его письма к одному старому донцу в Београд, где он, П. Х. Попов, пишет: «...Я рад послужить **родине** и Дону...» Что он считает родиной, сказать не трудно, т. к. он, донец, разделяет понятие родина и Дон. Для нас, для донцов, как и для всех казачьих областей, за исключением Черноморцев, в сущности говоря, родина — Дон, откуда и выходили все остальные казаки Войска. Для П. Х. Попова родиной, повидимому, является Россия, а Дон — ее провинция, которой он рад служить, конечно, только ради интересов своей родины — России. Так мне, как казаку, совершенно безпристрастно дает право объяснить программу служения Казачеству П. Х. Попова его двойственное понятие о родине, его осторожность, а может и намеренная недоговоренность. Последняя никак при настоящей остроте постановки казачьего вопроса недопустима и она, недоговоренность, скорее всего говорит или о незнании истинного стремления казачьего народа или о нежелании знать и идти вместе с народом. Теперь бы можно было голосовать за него, если-бы знать, что в душе своей он бережно хранит казачью идеологию и психологию и, кроме того, что после выбо-

рово его в Атаманы, он без всяких претензий делается одним из главных сотрудников вольно-казачьего Центра, работающего по определенной программе национального возрождения Казачества... Казачи в день выбора останавливаются на известных им всем, или многим, или немногим лицам из рядов казачьей старшины. И нет такого, на котором бы можно было положительно остановиться, т. к. никто себя в годы изгнания не показал таким, чтобы ему можно было вручить атаманский пернач... Нет такого, чтобы жил с нами нашими интересами... Нет такого, которому бы вы, избирающие сегодня себе Атамана, спокойно вручили булаву и сказали: «Да! Вот этот уж в закулисную политику играть не будет, он не допустит насилия над личностью казака и не позволит наше национальное казачье чувство растворять в политике единоделимцев»... И ныне выставляемые кандидаты являются строгими последователями того, кто и казаков отстранял от политики и сам ничего не делал для них. Судьбу Казачества, как и прочие находящиеся за границей Войсковые Атаманы, он вручил русскому общевойсковому союзу, не взирая на то, что решение казачьего вопроса русским воином он прекрасно знал. Вместо политики, он занялся обывательской, частного характера, деятельностью: был он: 1) помощником старосты русской церкви в Париже; 2) казначеем в комитете помощи борцам за Россию; 3) возглавлял организацию русских бой-скаутов; 4) — самое позорное, что можем мы, донцы, да и все Казачество, переживать, это то, что глава суверенной Донской республики позволил русскому генералу Миллеру назначить его членом суда чести для русских генералов. Мало того, что он, глава Дона, уйдя в подчинение чужому для нас человеку, обезличил и без того казаков с их национальными принципами, — он еще допустил такое назначение!... 5) был он и членом общества русских офицеров ген. штаба и т. д.

— Спрашивается, чем же вы гарантированы, что последователи психологии ген. Богаевского также не займутся подобного рода «широкой» деятельностью вместо своего прямого долга перед избравшими его?... Или, уверенны-ли вы, что избранник ваш не захочет подражать ген. Науменко и не задается старостой русского сокола, оставив вас совершенно в стороне? Разве не достаточно вам этих, столь наглядных примеров, чтобы не выбрать никого из намеченных кандидатов, последователей умершего г. Богаевского? Кроме того, из сказанного мною раньше, неужели вам не понятно еще, что в настоящее время не может быть специальных интересов какого-либо казачьего Войска?!... И вы с этим согласны. А раз так, то не может быть разговора ни о каком донском, кубанском, терском и пр. Войсковом Атамане. Достаточно и тех, что имеются... Никакой новый Атаман не сможет заняться тем, чем мог бы он заняться там, у себя дома, а новой политики, и такой, какая бы отвечала чаяниям казачьего народа объявить никто не может, т. к. такая уже объявлена и плодотворная работа ведется.

Мы можем с уверенностью сказать только то, что новый Атаман **части зарубежных донцов** начнет свою деятельность с приказов и распоряжений, каювые, вероятно, никем исполняться не будут, т. к. в них казак ничего существенного, жизненного, для души не найдет, — в них мы ни слова не найдем о Казачестве как о народе, о его истории, о его политической программе на будущее. Кроме того, мы можем ожидать еще и очередей травли на тех, кто за Правду казачью решил бороться до последнего своего издыхания, — кто с гордостью и омерзением сорвал с себя сиюю надетый ярлык «казачков» и стремится миру доказать о Казачестве как о народе, имеющем право на самостоятельное существование и желающем стать наравне с другими народами, в числе прочих государств. Таких Атаманов нам не надо!... Казачеству, в настоящих условиях жизни, надо иметь одного Атамана, одного возглавляющего, но из тех, кто уже показал себя за последние годы способным и искренно служащим интересам всего Казачьего Народа.

Такового Атамана я предлагаю вам поискать в рядах Вольного Казачества, ибо только оно ищет настоящего спасения Казачеству; оно одно объявило свою программу и неуклонно идет к ее осуществлению; оно живет только интересами своего Народа, не зная ни на какие преграды, встающие перед нами по воле злого умысла недругов казачьей государственности...

Так, помню, закончил я свою речь, которую несколько раз пытались прервать г. г. Протопопов, ес. Ротов и полк. Мержанов. Последние двое даже не высидели до конца, вышли в соседнюю комнату и заявили своим знакомым русским, что они «не намерены слушать моложе себя: что он знает?»

Каждая попытка сорвать речь, с большим вниманием выслушиваемую казаками, была категорически отстраняема последними с просьбой: «не мешать говорить казакам».

В заключение мною была прочитана перед сбором статья из нашего журнала «Казачеству необходимо единое возглавление»... Некоторые места в моей речи встречались дружными аплодисментами казаков. Особенно долго аплодировали по окончании речи. Я это подчеркиваю не для того, чтобы обратить чье-то внимание на то, что аплодировали именно мне, а чтобы лишний раз подчеркнуть то приятное впечатление, то глубокое переживание казаками боли душевной за свое имя, за Край Родной, которое они испытывают при беседе с ними о наблевших своих вопросах безхитростно, по-казачьи, а не в угоду кому-то. Этим самым я подчеркиваю ту тоску казаков за родным казачьим словом, которую г. г. Протопоповы стараются рассеять на редких станичных сходках пустыми вопросами благотворительного характера. Не то надо казакам, а жизнь дающее слово о Казачестве, о его истории, о далекой родине, к которой ежедневно обращаются взоры навстречу страдающим братьям. Все это г. Протопопов убивал в казаках угрозами лишить работы и т. п., а в это время в других местах выставлял себя самостийником. Милейший же интерес казаков к познанию своего прошлого отстранял, заменяя хлопотами в русском благотворительном обществе исключительно ради личной славы, ради ничтожной популярности в кругу русских эмигрантов. Не плохое дело — благотворительность, но все это только материальное и не так уже нужно, если еще обратить внимание на то, какая была польза от его хлопот казачеству в общем и казакам его станицы в частности.

Забыли г.г. Протопоповы, что им нужно быть в рядах первых борцов за Казачью свободу, в рядах искренних защитников казачьего национального имени. Забыли они, что надо спешить Казачество облечь в духовную одежду, которую бы все заметили и достойным образом бы оценили.

А так, все благотворительности, самовосхваления, временами ненужный начальнический тон — все пошло на смарку. Услышав мнение о казачьем вопросе по-казачьи, казаки сразу же отвернулись от г. Протопопова... И отвернулись еще больше, когда после моей речи г. Протопопов, в раздумьи поднявшись, сказал:

— Станичники! Мы выслушали сейчас уважаемого нами оратора станичника Букина, который в своем докладе довольно ясно обрисовал, во-первых, положение дел, связанных с выборами Донского Атамана и, во-вторых, г. г. кандидатов, выставляемых на пост Атамана. Я вполне согласен с Николаем Федоровичем, что нам выбрать некого и что у казаков в настоящее время должен быть один возглавитель. (Раздаются голоса одобрения. Станица солидарна с таким решением вопроса о выборах). Так что мы, господа, напишем наше постановление и все по дням подпишемся...

Постановление, с отказом от участия станицы в выборах было подписано присутствовавшими на сборе донцами в количестве... 15 человек, а... через несколько дней Протопопов тайно от станицы привез список казаков Кутырину, сказав: «Приложите и их за гр. Граббе»...

Перед тем, как начать составлять постановление, меня и еще нескольких лиц попросили сесть за председательский стол. Я хотел было остаться на своем месте, но г. Пр-ов просил «не отказать» сесть на предлагаемое место. Сажусь на крайний стул, не думая вмешиваться в дальнейшие дела станицы. Мне были кем-то из сидящих рядом предложены всевозможные станичные бумаги для ознакомления. Я остановился лишь на списке станицы, аккуратно отпечатанном на машинке. В списке числилось... 23 человека; восемь совсем не явились на выборы.

— Алексей Михайлович, обращаюсь я к г. Протопопову: это что — станичный список, несколько удивленно спрашиваю я.

— Да, 23 человека, — спешно ответил он и с видом запутавшегося во множестве сложных дел, зашевелился с какими-то бумагами в руках: делал вид, что о чем-то разсуждает и, мечась туда-сюда на одном месте, искал, вроде: «к кому-бы это обратиться?»

Невольно подумал я: вот один из нашей «старшины» московского толка... один из тех, кто перед казаками выступил сегодня на последний экзамен, пройдя курс несложной программы г. Богаевского: «Казаки, не занимайтесь политикой!»

Вот, думаю, в чем несчастье... вот в чем наша траги-комедия... В том, именно, что не то говорят, что из глубины казачьего сердца диктуется; не то делают, что ищет народ — там и здесь!... Не с народом, а против него!... Вот в чем трагедия!... Вот причина разногласия, доходящего до открытой вражды: не общее благо отыскивается в тоске по прекраснейшему в мире голубом Крае, а личное «благополучие» и дешевая, презренная популярность в кругу близких друзей — русских беженцев... Когда же, наконец, образумится эта заблудившаяся часть «старшины»? Когда она перестанет думать о былом величии России, о внешнем ослепительном блеске мундира, о малиновом звоне шпор, о подхалимстве перед русским барином, — о всем том, что обезличивало и обезличивает русских казаков?

Так, перегоняя, одна за другой, катились мысли, до боли бороздя уставший мозг, пока составлялся и подписывался текст постановления станичного схода...

Казаки благодарили полк. Назарова и меня за казачью беседушку. В промежутке времени, когда казаки подписывали постановление, подходит ко мне г. Протопопов и с видом извиняющегося лъестца тихо произносит: «Ну, вот, видите, Николай Федорович, вы довольны?» — Чем? — спрашиваю я. «Ну как же?... Я все сделал так, как вы находите правильным и, кроме того, я со всеми вашими доводами согласен, о чем и перед казаками заявил... А вы еще говорите, что я не вольный казак... Разве это вам не доказательство, что я самостийник?»

— Ньтъ! — категорически отвечаю я: вы им не были и не можете быть...

Пришибленный неожиданным ответом, г. Протопопов прирос на некоторое время к стулу, глядя стеклянным взглядом на свою надежду.

Обращать внимание на него дальше не было никакого смысла.

Казаки продолжали оставаться на местах. Некоторые из них подходили и заявляли, что «казаки хотят с вами поговорить». На это я сказал: станичники! Я очень рад случаю поговорить, тем более, что и ваш г. атаман не раз говорил мне, что он даже устроит сбор, пригласит меня на него для собеседования с вами и... даже обещал станицу поставить в ряды Вольного Казачества.

Предупреждаю, что мы никого силою никогда в ряды ВК не затягивали и не будем затягивать. В политическую работу силком затягивать нельзя: это опасно для дела. Вступающими в ряды ВК прежде всего должно руководить сознание долга перед своим закабаленным ныне народом. Цель наших политических просветительных докладов — дать материал, познакомить с тем, что так тщательно скрывается от казаков и что так необходимо знать нам, изучить и отыскать себе путь к спасению. Образование воль-

но-каз. организаций приходит само собой, путем естественным, без всякого насилия над чьей-либо волей...

Просаясь с донцами из станицы быв. донского есаула, я получил просьбу описать этот день и его главного героя г. Протопопова, для того, что, может быть, в этом герое узнает себя еще кто-либо из русских казаков и, может быть, проснется у него совесть и истинное казачье самосознание и заставят работать его с казаками за светлого будущего всего Казачества — свободного и объединенного. Не надо только упускать из виду одного, самого маленького, но главного: все мы говорим прежде всего об **освобождении** Казачьих Земель, об **освобождении** территории и **водворении** своего, казачьего, порядка — **управления**.

Выполнение такой задачи может быть достигнуто **только** путем **политической борьбы** Казачьего На-

рода с его порабощателями, но никак не аполитичностью или, хуже того, травлей тех, кто освободительную борьбу уже ведет по строго намеченной и **единолично приемлемой** для нас программе, основанной на всестороннем подробном изучении казачьего вопроса.

Мечтая о возвращении домой, в освобожденную Казачью Землю, можно-ли не заниматься политикой и можно-ли решение казачьего вопроса (казачьей политики) предоставлять другим силам, а свои силы отдавать на унижительное услужение в выполнении чужой нам, а иногда и враждебной программы. Не есть-ли такая «взаимопомощь» пагуба для нашего народа?

Пусть основательно задумаются над этим вопросом те, кто 26 мая снизошел к массе своего народа, из которого он сам произошел, и решил «исполнить свой гражданский долг».

Выбран ли граф Граббе Донским Атаманом?

Нет, не выбран.

Действительно, в выборах участвовало 5123 человека. Из этого числа голосов гр. Граббе получил 2373 голоса, т. е. всего лишь 46 процентов числа голосовавших. Гр. Граббе не получил большинства голосов голосовавших.

В самом деле. Представьте себе, читатели, что собрался Донской Круг в составе 5123 человек и что было названо три кандидата, а после баллотировки оказалось бы, что гр. Граббе получил 2373 голоса, ген. Попов — 2128 голосов, а ген. Черячукин — 622 голоса. — Что в таком случае объявил бы председатель Круга? — он объявил бы, что т. к. ни один из кандидатов не получил большинства голосов (в данном случае не меньше, чем 2562 голоса), то никто из них и не выбран. И предложил бы назвать новых кандидатов или перебаллотировать уже баллотировавшихся двух, получивших наибольшее количество голосов (в данном случае — Граббе и Попова).

Итак, в выборах зарубежного Донского Атамана приняло участие 5123 человека. Всего же в эмиграции около 20.000 донцов. Если эту цифру намеренно уменьшит до 15.000, то и тогда окажется, что две трети донцов участия в выборах не приняли, приняла же участие в выборах только треть, т. е. около 30 процентов донских казаков, пребывающих за границей. Из этих 30 процентов гр. Граббе не получил и половины голосов. Значит, за гр. Граббе высказалось меньше 15 процентов зарубежного Донского Казачества. И хотя он и провозглашен Атаманом, тем не менее вряд ли и после этого большинство донских казаков признают его таковым.

Во всяком случае через три года, в 1938 г., предстоят выборы новые. Учтя опыт выборов только что проведенных, будущие кандидаты в Донские Атаманы могут заранее уже готовить себе «почву» и создавать благоприятные «условия»...

С своей стороны, мы можем уже теперь объявить некоторые из этих условий.

В самом деле, кто хочет в 1938 году вести игру безпроигрышную, тот: 1. совсем не должен гоняться за большинством казачьих голосов. 2. Сам же он должен быть обязательно генералом (еще лучше — и иначе титулованным). 3. Совсем, при этом, не обязательно быть природным казаком. — 4. Совсем не обязательно чтонибудь делать эти три года для Казачества, особенно для его освобождения. Наоборот, лучше уединиться в какомнибудь русском приходе на должности старосты прихода, понамаря церкви, звонаря или еще кого... — 5. Не принимать участия в борьбе с большевиками, если она за это вре-

мя вспыхнет вновь. Наоборот, лучше будет своевременно дезертировать. — 6. Но обязательно следует запастись поддержкой какойнибудь русской заграничной газеты — «Последних Новостей» (может сыграть решающую роль), «Возрождения» или еще какой. — 7. Следует не забыть поздравить П. Н. Миллюкова с 80-летним юбилеем, а его газету с № 6000, «Возрождение» — с № 4000, а «Иллюстрированную Россию» с № 50... — 8. Заранее, конечно, нужно договориться с ген. Миллером о содержании его будущей поздравительной речи...

Дальнейшие условия можно узнать будет непосредственно в «Лиге Возрождения Казачества» или у ген. Оприца.

Что думает сам гр. Граббе по поводу своего избрания, — известно еще мало. Бесспорно одно: избранию этому он очень рад. «Отныне я тесно связан с казаками» («П. Н.» 20-7).

Сотруднику «П. Н.» (см. номер 20 июля) он обещал свои взгляды на зарубежное устройство казаков сказать на торжественном собрании 4 августа. Сотруднику «Возрождения» (см. номер от 27 июля) обещал 4 августа сказать о «политическом положении в Европе и в России в связи с нашей мечтой вернуться на родные места»... — 4 же августа ничего не сказал, т. к. «ныне не желательно касаться политики»...

Более определенно говорил гр. Граббе сотруднику «Иллюстрированной России» (см. № 33 от 10 августа). — «4 августа, сказал он, когда будет официально объявлено о моем избрании, я явлюсь не как военный, а как штатский человек, на которого выпала честь представлять русское донское казачество. В данный момент следует отмежеваться от большой политики. Она делается не нами. Я — надпартиец и все свои заботы посвящаю русскому казачеству»...

Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что сотрудник «Возрождения», присутствуя на торжественном провозглашении, пришел в умиление: «Сидя на торжественном собрании донского казачества, в зале Лютеции, где произошло провозглашение донским атаманом графа М. Н. Граббе, я наслаждался: наконец, что то русским за рубежом удалось. Избрание это надо отнести к счастливым событиям. Оно счастливо уже по одному тому, что казалось невозможным, — русские выборы в мировом масштабе»...

— Правда здесь только одна: гр. Граббе провозглашен Донским Атаманом, но, конечно, он им не избран.

Гаврил Павлов

Провозглашение графа Граббе Донским Атаманом

Я пошел на это «торжество» с целью выслушать текст присяги «нового Донского Атамана», а также послушать, что будут говорить представители тех казаков, которые его выбирали, а именно: каким политическим оттенком будут звучать их речи. Хотелось также услышать и декларацию нового Атамана и его политическое «верую»...

Заняв место у самого входа и стал рассматривать декорацию зала. На стене, посередине — Донской флаг (сине-желто-алый), по правую сторону — французский флаг, а по левую — русский. Внизу Донского флага — Донской герб.

Прислушиваясь к говору собравшихся, сразу заметил, что в зале собралось гораздо больше русских, чем казаков. Я обратился к рядом стоящим со мной двум человекам и одному из них задаю вопрос: станичник! скажите, пожалуйста, какой вы станицы будете? И слышу ответ: я не станичник и не казак, я — Воронежской губ.

А если ты не казак, думаю, то чего тебя нелегкая принесла сюда. Ведь тут твоего дела нет... Мысль прервала раздавшаяся команда: «Под штандарты». Входят два казака в форме своих полков и несут два штандарта: лейб-гвардии казачьего и Атаманского полков. Они останавливаются впереди, где Граббе будет приносить присягу.

Вслед за этим в дверях показывается и граф Граббе, в сопровождении полк. Захарова. Я тут вспомнил слова полк. Захарова, когда он еще вел агитацию за ген. Краснова и хвастался тем, что в 1917 году он арестовывал наказного атамана графа Граббе. Видя последнего в сопровождении полк. Захарова, у меня мелькнула мысль: не арестовал ли его Захаров вторично?

Но нет. Он громким голосом командует: Казаки! Атаман идет...

Все притихло. Начался молебен. Одну мелочь заметил я, которая навела меня на грустные размышления.

Приготавливаясь к молебну, кто то из клира закрыл Донской герб иконой Спасителя. Правда, мелочь? Но не с целью ли это было сделано, чтобы взор представителей русских (духовных и военных) не ослеплялся эмблемой казачьей воли? Ведь русское духовенство тоже было всегда проводником руссификации.

Начался молебен пением «Коль славен». Митрополит Евлогий благословляет графа Граббе иконой, принесенной из Аньера, и в своем слове высказывает пожелание ему послужить Донскому Войску и матери России.

Казаки подносят хлеб-соль графу Граббе и один из подносящих, старик Устюков, говорит такие слова:

У нас, казаков, был единственный граф Платов, который приводил казаков в Париж. Вы, второй граф Войска и вы выведете нас из Парижа...

Потом с приветственной речью выступает И. Н. Ефремов, который излагает кратко историю выборов. «За упокой» прозвучала речь Н. М. Мельникова.

Вновь избранному атаману, начал он, принадлежит власть чисто морального порядка. Все эмигрантское казачество, которого насчитывается около двадцати тысяч, разбилося на партии, чего раньше не наблюдалось. В выборах приняла участие четвертая часть, да и то только половина голосовала за графа

Граббе.*) Нужно, говорит дальше Мельников, ожидать, что половина казаков отколетса в другую сторону. Пока шли выборы, я, по своему положению, не мог вмешиваться в процедуру выборов, но теперь, когда выборы состоялись, я совсем отойду в сторону и не буду мешать вновь избранному атаману. Обращаясь к казакам, он говорит: Казаки! больше терпения!...

Идя на собрание, как уже сказано выше, я больше всего интересовался какую присягу будут приносить граф Граббе. Оказывается, что он присягал текстом той присяги, которая была когда то выработана Большим Кругом еще на Дону.

После присяги был спет Донской гимн, тоже утвержденный еще на Дону Большим Кругом.

Как будет выполнять граф Граббе присягу, покажет будущее, но думается, что так же точно, как и его предшественник.

После присяги Граббе обратился к присутствующим с речью, начав с того, что вспомнил ген. Богачевского и просил почтить его память вставанием.

Донцы, говорит Граббе, в вашем лице земно кланяюсь Донскому Войску. Я первый слуга Войска. Шлю привет донцам, которых здесь нет. Всем сердцем желаю освобождения от безбожников, разрушающих нашу родину (какую родину казачью или русскую, граф не сказал). Приношу горячую благодарность за оказанное мне всеми казаками доверие и за великую честь — избрание меня Донским Атаманом. Теперь Атаман, больше чем когда либо является символом и пусть казаки помогут мне держать крепко знамя в руках. (Какое знамя: казачье или русское — опять не сказано). Надвигаются грозные события и мы все, как один, должны быть наготове. Когда пробьет час и можно будет перейти от слов к делу, я вас позову и буду продолжать служить Казачеству, как я это делал всю свою жизнь. Проблема российская остается для меня неизменной, как и прежде. (Этим, видимо, граф хочет сказать, что сначала — служба России).

Продолжая дальше, он говорит, что находит необходимым созыв общеказачьего с'езда, что постарается привлечь к работе генералов: П. Н. Краснова, П. Х. Попова, Абрамова, Черячукина и др., т. е. всех тех, которые, несомненно, будут служить в первую голову России. Так, судя по шопоту, пронесшемся по рядам казаков, было это понято казаками. Понял это и граф Граббе, а именно понял, что не попал в точку.

Он сразу меняет тон речи и говорит, что «многие ждут сегодня от меня политической декларации, но сегодня не такой день, чтобы касаться политики».

Выходит, что, мол, казаки, не занимайтесь политикой... Песня старая, только новый певец... Свою речь граф закончил тем, что благодарил Ефремова, комиссию и всех, принесших ему поздравления.

Ген. Малышенко приветствовал графа Граббе от имени Кубанского Войска, говоря: поздравляю Вас с избранием и желаю Вам вести казаков по широкой столбовой дороге в матушку Россию.

Точно электрический ток пробежал среди казаков. Кто то тихонько говорит: «в куль тебя да в воду», а потом уже несколько громче: «довольно, долой»...

*) От Редакции. В голосовании принимало участие 5123 казаков. Из них за графа Граббе подано 2373 голосов, за ген. Попова 2128 голосов и за ген. Черячукина 622 голоса. Так что о подавляющем большинстве и говорит не приходится.

Затем кто то из терских казаков поздравляет Граббе и тоже желает ему послужить Казачеству и России.

Опять по рядам казаков проносится невнятный, но неодобрительный шопот...

Дальше выступает ген. Миллер, который так же приносит поздравления и пожелания послужить Донскому Войску и матери России.

Читались затем поздравления от разных организаций и отдельных лиц и все в тех же фразах: послужить Каачеству и России...

Видно было, что присутствовавшим казакам все это было не по нутру и если бы это была не церемония провозглашения, а, к примеру сказать, доклад, то наверное казаки бы не утерпели...

Председатель комиссии И. Н. Ефремов оглашает «грамоту» от «всего Войска».

Как видно, что г. Ефремова не смущает то, что далеко не все донские казаки, находящиеся за границей, желают видеть во главе Войска графа Граббе.

Из разговоров и шопота казаков понял я, что они ждут от ген. Граббе его политической программы, ясной и определенной. Если же будет кланяться двум

богам, как его предшественник, то толку из его атаманства будет мало. Заметно было разочарование казаков, которые ожидали чего либо более существенного, а не русских речей, восхваляющих то, чего бы не следовало восхвалять. Русская пресса по своему оценивает это собрание и говорит, что казаки прямо сияли...

Тяжелое осталось впечатление от этой церемонии. Казачьей ее нельзя назвать, а скорее демонстрацией в пользу России. (Да и не мудрено, ведь там половина была русских людей).

Не будет дела с новым атаманом, настоящего казачьего дела. Опять будет обман. Опять казачьим именем будут делать чужое дело. А когда же свое? Подумайте, казаки, нам нет надобности заниматься чужими делами. Нам нужно работать для себя, для своей казачьей родины, залитой ныне полчищами тех русских, о благе которых так много говорили на этой церемонии. И ни у кого не хватило мужества сказать во всеуслышние: бросьте заниматься русскими делами и думать о спасении России. Пусть этим занимаются русские люди, это их долг, а наш долг — только наше казачье дело!...

И. Билый

Ко всем вольным казакам в Болгарии

Окружное правление в Софии и правление вольно-казачьей станицы в Софии (всего 16 человек!) выпустили 5-VI с. г. «Обращение ко всем вольным казакам в Болгарии и к вольным казакам прочих стран». «Обращение» это «кроет» и меня и атамана ВК хутора в Лесковце станичника Н. Е. Ковалева.

По своему содержанию «обращение» настолько гнусно, настолько намеренно лживо, что не заслуживает вообще внимания порядочных людей. Не буду отвечать на него и я, ограничившись всего лишь следующими:

Есть там такое место:

«Вчерашнее подозрение в его сомнительной честности, подозрение в его разрушительной работе, ныне подтверждается его же собственными письмами, как неоспоримый факт. Вот что пишет Билый станичнику Ковалеву: «средства дам, в средствах не стесняйтесь. Разыщите казаков, недовольных окружным с'ездом, и то в тех организациях, которые не посылали своих делегатов на с'езд, не считаясь с числом организаций и количеством присутствующих делегатов. Если таковой с'езд создастся, то мы разрушим болгарский округ».

— Настоящим заявляю: таких писем я никогда и никому не писал. Этот «неоспоримый факт» — выдумка авторов «обращения».

Обращаюсь и я к совести и чести вольных казаков в Болгарии, от имени которых говорят подписавшие «обращение»: не позволяйте им так бесцеремонно, так безбожно, так нагло лгать. Надо же знать границы и в борьбе.

Вольные казаки! Потребуйте от г. Кудинова и др. подписавшихся, чтобы они показали вам то мое письмо, тот «неоспоримый факт»:

— А вам, глущим, заявляю тоже:

чем больше вы лжете, тем меньше вы мне вредите. — Кто так широко, так без зазрения совести пользуется ложью, тот в конце концов сам в ней тонет.

Что же я писал в действительности станичнику Ковалеву? — В действительности писал я следующее:

1. В письме от 11 мая с. г. писал так: «Я еще

ничего не знаю о том, что было на с'езде в Софии 5-6-7 мая. Я поджидаю: если там были приняты такие решения, что можно будет найти общий язык, то, с своей стороны, я сделаю все возможное, чтобы найти примирение»...

2. В письме от 16 того же мая писал: «Не знаю, как сложатся наши взаимоотношения с Вашим округом, но правду говоря, существование самостоятельных округов делу нашему не поможет... Организация с отдельными самостоятельными округами силы никакой представлять не будет»... — «В трудном положении теперь я сь Болгарией: назначить окр. с'езд — значит «рассердить» окр. правление... Я решил выждать событий».

3. В письме от 27 мая писал: «Прочитав бюллетень, прихожу к убеждению, что с'езд наш в Болгарии надо немного отодвинуть, чтобы дать возможность окр. правлению выявиться еще больше. Я больше никого не хочу уговаривать, — кто настоящий вольный казак, тот свое место найдет».

— Должен точно также подтвердить, что и станичник Ковалев в своих письмах ко мне занимал всегда примиренческую позицию. Уже после опубликования «обращения», в письме своем ко мне от 22 июня, он все еще писал: «Давайте попробуем во имя казачьего единства совместно найти общий язык; я, с своей стороны, сделаю все возможное, чтобы изгладить до сих пор существовавшее расхождение между Вами и нашим Округом»...

— Думаю, что в действительности подписавшие «обращение» как раз и заинтересованы в том, чтобы никакого соглашения между нами не состоялось. В этом и следует искать секрет их теперешнего поведения.

Я не думал, чтобы все 16 человек, давшие свои подписи под «обращение», делали это с большой охотой или целиком отдавали себе отчет в том, что делают. Тем более думаю это после получения письма от одного из подписавших «обращение» станичника Г. Ф. Николенко (письмо писано 22 июля с. г.), которого благодарю за поздравления и пожелания, но которому советую другой раз лучше смотреть, когда придется что подписывать, и еще раз можно влезть в подобную грязную историю.

М. Ковалев

Господину Кудинову и его правлению

Считаю, что «Обращение ко всем вольным казакам в Болгарии...» получено на местах и каждый ознакомился с его содержанием. Должен и я сказать в ответ на него несколько слов.

Когда ко мне в Лесковец приезжал г. Косоротов (17-6-35 г.) для осведомления, то я настаивал, чтобы это обращение было пущено в ход, а не лежало бы под сукном, как этого хотел г. Косоротов.

Если бы подобное обращение касалось только меня, то, правду говоря, я не взялся бы за перо, но т. к. авторы обращения коснулись главным образом личности **И. А. Билого**, а в лице его и всего ВК, то я и хочу внести в это дело долю правды.

У меня нет самого обращения на руках. Несмотря на мою просьбу, станичник Косоротов мне не оставил ни одного экземпляра. Но я знаю со слов других, что там есть такое место: «Вот что пишет Билый станичнику Ковалеву: средства дам, в средствах не стесняйтесь. Разыщите казаков, недовольных окр. С'ездом и то в тех организациях, которые не посылали своих делегатов на с'езд, и соберите из них с'езд не считаясь с числом организаций и количеством присутствующих делегатов. Если таковой с'езд создастся, то мы разрушим Болгарский округ».

Дорогие станичини, руку свою приложившие под подобным обращением, о чем вы думали, когда это писали? Да и думали ли вы вообще? А Вы, г. атаман, подумали, какую услугу Вы сделали своим единомышленникам? — Какая гадость! Сколько лжи! И откуда Вам на ум пришло писать подобные вещи и оставлять краснеть за Вас Ваших помощников? — Вот уже скоро год как мы ведем спор за Вашу милую «оппозицию». Разве у Вас нет под рукой моих писем? А разве посещение станичника Косоротова не могло Вас убедить в том, что все Ваши утверждения — сплошная ложь? А письма которые присланы Вам (в Окр. Правление) другими организациями, разве они не говорят о том же?

Мне хочется спросить Вас, станичник Косоротов, почему Вы не сняли своей подписи, зная, что все, написанное в «обращении», сплошная ложь? Ведь я Вам показывал письма И. Билого. Есть ли что либо подобное в них? Зачем Вы запятали свое имя казака-патриота? Не только свое имя, но Вы заставили подписаться и других, неосведомленных казаков под всей этой ложью, как напр. Николенко и др. Ведь он чуть ли не со слезами на глазах рассказывал мне, как ему больно слушать и читать всю эту чушь, все эти нападки на Билого, с которым он был еще на Кубани во время Кулабуховских дней и знает, чему подвергалась Куб. Рада, где был и Билый.

Чтобы было ясней, должен сказать, что на наш с'езд приглашались следующие старые организации: 1) Лесковец, 2) В. Тырново, 3) Ески-Джумая, 4) Варна, 5) Бургас, 6) Сливен, 7) Кочериново, 8) Лом. Зачем же Вам понадобилось лгать, что я разыскивал те организации, которые не посылали своих делегатов на окр. с'езд? Не приглашал только Вас с Софийской станицей и Казанлыка. Вас потому, что Вы заявили раньше, что не желаете никакого Б. Круга без оппозиции, а Казанлык потому, что еще на окр. с'езде г. Панкин, как честный казак, заявил, что Борисов не атаман станицы и что у него в станице все мужики, а он (Панкин) явился на с'езд только в качестве наблюдателя от казаков националистов, фактически не вошедших в округ, хотя и имел на руках постановление, подписанное 30-ю с лишним казаками.

Ложь и то, что Билый писал о разрушении округа. Наоборот, во всех своих письмах Билый напоминал о единстве и примирении, о чем я и сообщал в окр. Правление.

Я понимаю, что Вам не нравилась кандидатура Билого. Но почему же вы не захотели выставить другого, более подходящего вашему вкусу?

Вы вообще на окр. с'езде не захотели разбирать подобных вопросов, несмотря на то, что у нас был наказ окр. с'езду, где выражалась воля народа, но вы, как ярые сторонники народоправства, сочли излишним прислушиваться к голосу массы. Единственное ваше желание было получить широкие полномочия и образовать здесь центр, а потом присоединить все остальные округа к вашему центру...

Я верил в искренность ваших слов и принял на себя посредничество переговоров с Билым о примирении, о чем свидетельствуют и мои письма к вам и к нему. Теперь я вижу, что я жестоко ошибался и что слова у вас расходятся с делом. Все это вами делалось для того, чтобы выиграть время для вашей разрушительной работы.

Несмотря на то, что я неоднократно заявлял вам, что до тех пор, покамест вы связываете себя с оппозицией, наш хутор не разделяет вашей работы, вы продолжаете предлагать нам сотрудничать с вами, требуете заявлений, анкет и пр., пишете об этом и другим в частном порядке и тем расстраиваете ВК ряды.

Это на нашем языке называется «вымогательством». Подобная работа имела успех в некоторых организациях, как напр. в Ески-Джумая, где, благодаря станичнику Кузнецову, станица разделилась на 2 лагеря. То же самое вы сделали с группами В. Тырново, в Сливен.

Вы пишете, что все новые организации выслали вам списки и анкеты, а мы, как кадровая организация почему то еще не посылали. Должен вам сказать, что когда мы здесь собирали хутор, то мы не равнялись по вашим новым организациям и по вас, а равнялись на ВК Центр, где была и есть законность и правда.

Да, нам так и неизвестно до сих пор о существовании ваших новых организаций. Или вы хотите преподнести нам сюрприз, выставив сразу боевой полк? И такие чудеса могут быть. Ведь было же у вас 39 организаций, после стало 26, а к следующему году будет и того «больше». А самое главное, что все они единодушны...

В своем письме от 9-7-35 г., а значит уже после того, как обращение было разослано, Вы, г., атаман, писали мне так: «Еще раз говорю Вам, что Вас я ценю и желателью, чтобы между нами был мир и согласие». А я еще раз говорю Вам, что я согласен на всякий мир, но мир честный, казачий мир. Мириться не искренно не стоит.

Ваш помощник г. Косоротов того же числа, 9-7-35 г., пишет так: «К моему большому сожалению, то обращение, которое я вам показывал, пущено в обращение, но для вас это не будет большим ударом, т. к. за границей никто не обратит внимания на Вашу фамилию, как на работу Игната Архиповича... Здесь Вы, г. Косоротов, отчасти правы, но Вы, мне кажется, плохо рассчитали: как раз это будет удар, направленный прежде всего по Вас самих и довольно чувствительный. Неужели Вы думаете, что за границей живут люди, которые верят всякой лжи?»

Спрашивается, можно ли дальше говорить о каком либо сотрудничестве с Вами? Ведь у меня на руках целые серии писем Ваших и, основываясь на документальных данных, я могу громить Вас с большим успехом, но у меня все-же теплится надежда на то, что тот сегодняшний мрак, под влиянием которого Вы теперь работаете, рассеется и мы подадим братски друг другу руки для совместной плодотворной работы вокруг одного возглавления.

Так должно быть и только к тому мы и должны стремиться. В противном случае нам придется расстаться навсегда.

Слава Казачеству!

24-7-35 г. Лесковец.

КТО УЗНАЕТ?

В одном из старых французских журналов найдена была фотография кубанских пластунов на турецком фронте, которую мы здесь воспроизводим. Интересно будет порасспросить самих пластунов: не узнает ли ктонибудь из них, где и когда это было снято, какого именно батальона пластуны и кто командир их (судя по поганам — войсковой старшина или полковник)?

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

П. АТАМАН В ПОЛЬШЕ.

Большой интерес среди казаков в Польше вызвал приезд сюда Походного Атамана ВК.

Нужно сказать, что до сего времени организация вольно-казачьих сил здесь как-то не налаживалась. Да и наладить ее было некому. Те, кто, казалось бы, были к тому призваны, или не делали для дела ВК ничего (г. Фесенко) или делали противное тому, что должны были бы делать (М. Фролов). Во всяком случае, до сих пор мы были разединены и для общего освободительного казачьего дела сделали меньше всего.

Недавно в Варшаве образовалась первая Вольно-казачья группа (старший группы — донской казак Г. С. Бородин). Приезд П. А. инж. Билого немного расшевелил казаков и усилил у них интерес как к самому ВК движению, так и к необходимости скорейшей организации вольноказачьих сил, что особенно заметно было на казачьем собрании 6 августа, созванном по инициативе П. А. Искренно благодарили потом казаки П. А. за его инициативу. Несомненно, что вольноказачья группа скоро вырастет в хорошую станицу.

П. А. побывал на Волыни и в Августовском районе. Слышно уже, что рады были видеть в своей среде П. Атамана станичники в Августове, что не менее радушно встречали его и на Волыни.

ВК идея привлекает все больше к себе казаков. Отзываются казаки уже из Кошар, из Влодавы, из Красностава...

Дай Бог, чтобы толчек, данный приездом сюда П. Атамана, послужил началом действительного сбора и организации вольноказачьих сил в Польше. И без того мы опоздали.

(Соб. кор.)

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ В ЛУЦКЕ

И к нам, живущим на окраине Польского государства, докатилась радостная весть. Недавно в Луцке стало известно о приезде давно нами ожидаемого Походного Атамана ВК **И. А. Билого**. Изъ-за полевых работ не все желающие могли собраться в назначенный день, но казаки, проживающие в самом Луцке или от него близко, собрались в условленный час. В гостинице «Европа» заняли зал, куда через своего представителя и пригласили дорогого гостя. Казаки уселись за круглым столом в ожидании Атамана.

Дверь распахнулась и в ней появляется фигура Атамана в сопровождении инж. **Ф. Штовханя**. Все встали и свои взоры обратили в сторону вошедших, а в глазах каждого было написано: «да, мы Вас давно ожидаем здесь». Гость наш приветствовал нас, на что мы дружно ответили: «здравия желаем». Атаман крепко пожал всем руку, а мы его пригласили занять место за нашим столом.

Выпили по бокалу за здоровье Походного Атамана и выразили ему благодарность за приезд в наш дальний уголок...

После общей беседы и трапезы перешли в залу «Рідна Хата», где был разговор по существу. Атаман сделал доклад о цели своего приезда и о необходимости организации вольных казаков нашего района. Все казаки единодушно отозвались на это предложение. В живом обмене мнений чувствовалось, что казаки нашли, наконец, свой путь.

Заключительное слово инж. Штовханя сводилось к следующему: мы, вольные казаки, собрались здесь принять Вас, г. Атаман и Ваши предложения о нашей здесь вольноказачьей станице. Нас давно уже не удовлетворяет наша неорганизованность, а теперь мы видим, что только в этом наша сила. Отсюда мы смело выступим на борьбу с порабителами нашей родины за наши казачьи идеалы...

Дальнейшие слова станичника Штовханя пробудили в каждом казаке картину тех кровавых ужасов, в которых находятся наши Края — Ныне мы клянемся стать во единую семью вольных казаков и выступить единым фронтом за наше вольноказачье дело.

В заключение казаки прокричали громкое ура Вольному Казачеству и его Походному Атаману, обещаясь мужественно вести начатое дело, не останавливаясь ни перед какими трудностями.

Окончив деловую часть и распрощавшись с Атаманом, казаки вошли в один из первых попавшихся ресторанов и позволили себе «отвести душу»... Не обошлось и без песни. Когда же казак не пел? Пел он всегда — и в горе и в радости. Поились и здесь казачьи песни. Встретились казаки разных Войск, но дух у всех один. Звуки казачьей песни привлекли внимание и посторонних и скоро ресторан был похож на осаждаемую крепость. Давно не слышали местные жители такой казачьей песни.

Были еще речи — короткие, но полные веры. За казачье дело! — вот о чем говорили все... И опять песня... Серебристый тенор, поддерживаемый мощным басом, уносит в ту обстановку, в какой мы были 18 лет тому назад...

Но настало время расходиться. Казаки еще раз, заочно благодарили своего гостя за то, что он зажег сердца казаков надеждой на лучшее казачье будущее.

Крепкие взаимные рукопожатия и — до скорого свидания!...

Н. Алифанов

2-8-1935 г.

В. К. в Румынии

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК ИНЖЕНЕРУ И. А. БИЛОМУ

Станица ВК в Бухаресте с вольно-казачьими хуторами в провинции Румынии поздравляет Вас с избранием на важный и ответственный пост Походного Атамана ВК.

Верим, что под Вашим предводительством, ВК достигнет известной цели, создания казачьего государства — Казакии.

В Вашей трудной и ответственной работе, мы, вольные казаки в Румынии, по первому Вашему зову выступим на защиту Вас и проповедываемой Вами нашей вольно казачьей Идеи.

Слава Казачеству! Да здравствует Казакия!

Атаман станицы **С. Маргушин**. Главный писарь **В. Дремачев**.

7 августа 1935.

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

Станичным, хуторским и куренным атаманам

Довожу до вашего сведения, что 13 сего августа я вступил в исполнение обязанностей окружного атамана. Окружному атаману А. К. Ленинову того же числа произведена операция аппендицита. Дляправления здоровья, если не будет осложнений, потребуются не менее полтора месяца.

Всю деловую переписку прошу направлять по моему адресу:

М-г Nastoyastcheff, 125, rue Paul Bert, Lyon.
Помощник окр. атамана **С. Настоящев**.

В ТУРКУАНЕ.

Приговор № 8.

1935 года, июня 30 дня, гор. Туркуан. Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки Туркуанской вольноказачьей имени Атамана Кондратия Булавина станицы на станичном сборе, под председательством станичного атамана сотника А. Г. Дронова, в присутствии помощника станичного атамана сотника И. В. Федотова, станичного казначея М. Е. Красноплахова, станичного писаря С. М. Антипова и вольных казаков: В. Чекина, А. Кошевого, В. Т. Богданова, И. А. Лаштабега, В. Гадючка, И. Зубко, И. Кривоносова.

1. Слушали: Отчет наших делегатов: станичного атамана **А. Г. Дронова** и **В. Т. Богданова** о выполненной ими работе на В. К. Круге в г. Париже 8, 9 и 10 июня 1935 года.

Постановили: Отчет наших делегатов признаем вполне для нас удовлетворительным, действия и работу их одобряем и от имени станицы выражаем им благодарность.

Все постановления В. К. Круга по вопросам: 1, 2, 3 и 4 признаем и одобряем, как соответствующие вполне интересам В. К. Все действия И. А. Билого, как в прошлом, так и в настоящем, всецело одобряем и обещаем поддержать его и в будущем.

2. Слушали: Вынесенное В. К. Кругом решение по 5-му вопросу о возглавлении вольно казачьего движения.

Постановили: Вынесенное В. К. Кругом решение о том, что единоличное возглавление вольно-казачьего движения есть самое лучшее, т. к. больше всего соответствует духу казачества, — считать правильным. Избрание на пост Походного Атамана В. К. инженера И. А. Билого, природного казака Ольгинской станицы, бывшего члена Верховного Круга: Дона Кубани и Терека, ныне редактора журнала «В. К.», считаем вполне желательным, ибо своей долголетней работой на благо В. К. он вполне доказал свою преданность интересам В. К. движения, и выражая по этому поводу наше глубокое удовлетворение. Ему же постановили послать наш вольноказачий привет: Станичник, Атаман вольных казаков, Игнат Архипыч!

Шлем тебе, станичник Атаман, наш вольно-казачий привет и наилучшие пожелания на твоём новом посту Атамана В. К. Мы, вольные казаки, избрав тебя на этот высший пост, выразили тебе этим нашу благодарность за твою честную и великую работу на благо Вольного Казачества и за твою преданность вольно-казачьей освободительной идее. Вручая тебе наши чаяния и желания, мы верим, что и в будущем ты, наш Атаман, оправдаешь наше доверие к тебе и с честью приведешь вольное казачество в его родную землю, освобожденную Казакию! Тяжел будет твой путь, не менее тяжелой будет и твоя работа. Но мы верим в тебя и будем молить Покровительницу Казачества, чтобы Она дала тебе силы и здоровья довести до конца начатое тобою великое дело освобождения многострадального Казачества и его Родины. Бог тебе в помощь! Вперед же, Батько Атаман! Не склоняй своей головы перед врагами, мы, вольные казаки, с тобою.

Слава Атаману вольных казаков!

Слава Казакии!

3. Слушали: Отчет о единогласном переизбрании Окружного Атамана в. к. во Франции станичника А. К. Ленинова, а так же его помощника станичника С. С. Настоящева и всего окружного правления.

Постановили: Переизбрание Окружного Атамана в. к. во Франции станичника А. К. Ленинова, его помощника станичника С. С. Настоящева и все окружное управление, — считаем вполне желательным и удовлетворяющим наше желание. Переизбирая их вновь, вольные казаки выразили этим свою благодарность и доверие за их высокую и полезную работу за Долю и Волгу вольного казачества. Посылаем окружному атаману наше приветствие:

Станичник Окружной Атаман, Александр Константинович!

Мы, вольные казаки в гор. Туркуане, уверены в том, что не только мы, но и все вольные казаки во Франции, входящие в возглавляемый Вами округ, с большим удовлетворением узнали о переизбрании Вашем. Желание вольных казаков было одно — это иметь Вас Окружным Атаманом и желание свое в. к. выполнили, вновь переизбрав Вас. Вольные казаки видели Вашу работу и знают, на сколько эта работа ценная и полезная им и, избирая Вас, в. к. выразили этим их благодарность Вам за Ваши труды за казачье дело. Мы верим Вам, будьте и Вы уверены в нас, ибо в. к. знали, кого выбирать, и знают, кому вручать свои чаяния и желания.

Мы, вольные казаки в гор. Туркуане, шлем Вам наш вольно-казачий привет и наилучшие пожелания. Покорнейше просим Вас, станичник Атаман, передать такой же привет и пожелания и Вашему помощнику станичнику С. С. Настоящеву и всему окружному правлению.

Бог Вам в помощь, станичник Атаман! Пошли Бог Вам и всем Вашим ближайшим помощникам крепких сил и здоровья на Вашем тернистом пути к достижению намеченной цели — освобождению вольного казачества.

Вам, станичнику Атаман, Вашему помощнику и всему окружному управлению — Слава!

Слава Казакии!

4. **Слушали:** Доклад наших делегатов о приеме, оказанном им и всем остальным делегатам Парижской в. к. имени А. Кулабухова станицей.

Постановили: Выражаем нашу благодарность атаману Парижской в. к. имени А. Кулабухова станицы станичнику С. Н. Федосееву и станичному казначею станичнику Е. Черткову, а в лице их и всем вольным казакам Парижской станицы. Обычай братского гостеприимства свойственен вольным казакам, ибо эта черта характера завещана им по наследству от их предков, ярых борцов за Волю Казачью! Пример Парижской вольно-казачьей станицы — достойный подражания.

Вольным казакм Парижской в. к. станицы и их станичному атаману — Слава!

Слава Казакии!

5. **Слушали:** Текст воззвания В. К. Круга во Францию к вольным казакам, перешедшим в оппозиции.

Постановили: Текст воззвания одобряем и мы, вольные казаки станицы имени Атамана Кондратия Булавина, от себя добавляем:

Братья вольные казаки!

Если казачья земля, ваша родина, для вас не призрак, а реальность; если слово казак для вас не пустой звук, а ваша гордость; если ваше желание жить в своем казачьем свободном государстве не есть лишь только ваша фантазия, а насущная потребность; если вы действительно вольные казаки душою и телом, а не на словах только, то идите, братья, к нам, вашим же братьям, к вольным казакам, имеющим ту же цель, те же чаяния, что и вы, ибо мы составляем большинство. Знайте раз и навсегда, что один в поле не воин! Разбив наше вольно-казачье единство на отдельные маленькие группы и бросить их в бой — это равносильно тому, как маленькая Моська будет лаять на слона. Полное единение — залог победы и осуществление наших чаяний и желаний. Разъединение же — полное поражение и бесславное исчезновение казачьего имени с лица земли. В данный момент Казачество переживает девятый и последний вал, или казачество обретет свою Волю, или оно должно рассеяться как дым, похоронив память о себе навсегда под камнем вечного забвения. Если в 1920 году наше поражение и уход за пределы родной казачьей земли мы приписываем русским, пришедшим в казачьи земли спасти свою жизнь от своих же красных соотечественников, которых доверчиво приняло и приютило казачество, то в данное время, если мы потерпим опять поражение и уже окончательное, то обвинять мы должны будем только самих же себя, ибо своими же собственными казачьими руками, своими личными ссорами — мы роим могилу Казачеству... Да не будет этого нашего самоубийства! Жизнь на-

ша еще нужна нашей родине. Наши братья, томящиеся в красном плену, ждут своего избавления через нас. Они зывают к нам и мы должны ответить им, что слышим и чуем! Но наш ответ будет услышан ими, если мы будем едины, в противном же случае, наши братья сами отвергнут нас и заклеят позором и скажут: «что раз мы не способны быть едиными в момент опасности, то какие же могут быть из нас спасители?»

Братья вольные казаки! Не верьте лицам, претендующим на роль спасителей Казачества, которые вместо того, чтобы искать пути освобождения, в действительности ничего не делают, кроме того, как все время занимаются одним и тем же — обвиняют Билого. Эти лица все время твердят вам, что возглавитель В. К. Билый изменяет В. К. идее и своими диктаторскими действиями губит движение. Говорить можно все, но сказать только — это не является достаточным для обвинения: чтобы обвинить, надо доказать. Но лица, обвиняющие Билого, как раз доказательства виновности Билого то и не дают, да и дать они не могут, т. к. таковых и нет у них. Попросите у этих лиц полного доказательства их утверждений и попросите доказательств не словесных, а документальных, ибо обвинению только на словах — грош цена. Спросите у этих лиц, «ревнителей вольного казачества», что и кто они за люди сами и что они собою представляют? Так уж они честны и такие ли уж они «казачьи патриоты», как они об этом сами говорят? По их манере вести политическую борьбу и по их фарисейским выкрикам, что вот «мы и только мы» — заставляя нас не только сомневаться, а вообще не верить ни в их честность, ни в их патриотичность. Эти новые «казачьи патриоты» преследуют цель не честного служения вольно-казачьему движению, а их личным желаниям, они хотят, чтобы о них говорили и писали. Честолюбием и властолюбием — вот чем они богаты. Если бы они в действительности были честными вольными казакми, то они никогда не стали бы разбивать вольно-казачье единство в момент, когда вольное казачество нуждается в этом единстве, как никогда раньше.

Разъединение, которое продельывают на ваших глазах лица, желающие тоже быть «атаманами», вы, братья вольные казаки, можете сами заметить, если посмотрите прямо в глаза этим «новым атаманам» и потом легко можете разгадать смысл этого разъединения и его результаты в будущем... О! эти результаты очень легко предугадать.

Мы хорошо разгадали уже этих будущих атаманов и знаем, чего они хотят, а посему зывать к ним мы ничуть не намерены, да нам они и не нужны, ибо в служении вольному казачеству они не искренны. Мы зываем к вам, братья рядовые вольные казаки, такие же рядовые, как и мы. Жизнь Казачества поставлена на карту — быть ему или не быть! Ни один народ не в силах себя защитить или освободить, если таковой не имеет своего национального патриотического единения. Такой народ всегда подвержен поражению и постепенному исчезновению. Мы, вольные казаки, семь лет тому назад заявили во всеулышание перед всем миром, что Казачество есть отдельный народ. Пока на наше заявление нам никто не возразил. Ну, а вдруг, какая нибудь держава возьмет да и задаст нам такой вопрос: «вы, казаки, говорите, что вы отдельный народ, что цель вашего существования в эмиграции — это неуклонное стремление обрести независимость всего Казачества, по праву вашего исторического прошлого, не так ли? Хорошо. Но чем можно объяснить то, что у вас есть такое количество отдельных группировок? Каждый отдельный народ в своей среде имеет разного рода группировки и течения разного политического характера, но в большинстве своем он всегда объединен национально, а у вас, казаков, мы этого не видим, что заставляет нас сомневаться в вашем праве на самостоятельность. К тому же, как вы, казаки, можете достигнуть вашей цели, если вы и в политическом и во внутреннем отношении дезорганизованы?» — А ведь может случиться, что возьмут да и зададут та-

кой каверзный вопрос. Ну что мы, вольные казаки, можем возразить на это? Ответить иностранцам, показав им наше единение? Но какое единение? Единение ли по группировкам, или единение в целом? На единение по группировкам — нас попросту поднимут на смех, а единения в целом, которое придавало бы нам силу и вес — мы показать не можем, т. к. у нас его нет, а в таком случае на нас просто смотреть не станут и никто не поверит, что Казачество имеет право на свою самостоятельность.

Так вот, братья вольные казаки, чтобы не затмить старую былую славу наших предков, чтобы не умалить нашего казачьего достоинства, чтобы нас не рассматривали как какое-то африканское племя, а чтобы на нас смотрели как на народ более или менее культурный, объединенный своим национальным духом, способный постоять за себя, — **мы должны быть едины и предстать перед миром в одном целом, а не разбитыми на дробь.**

Если вы поймете нас, вы придете к нам, чтобы в полном единении и в одном братском порыве честно служить делу освобождения Казачества. Если же вы останетесь глухими к призыву не сворачивать с казачьего шляха, и слепыми, стараясь не видеть, что делается с Казачеством, благодаря не честности и не лояльности некоторых лиц, то заявляем, что мы будем сомневаться в том, что вы действительно вольные казаки, будем остерегаться вас, никогда мы к вам не пойдем, ибо ваш путь пагубный для Казачества и никакой ответственности за гибель, которую вы готовите вольному казачьему движению, став на ложный путь, — мы не возьмем.

Пока еще непоздно, отложите в сторону ваши личные споры и сбросьте с себя пагубный гипноз, навеянный на вас лицами, преследующими цель погубить вольно-казачье движение, а вместе с ним и наше и ваше желание и чаяние видеть нашу казачью родину освобожденной, а Казачество свободным и равноправным, — как другие, — народом. Торопитесь, пока не поздно, вернуться в лоно единой вольно-казачьей семьи. Лишний день отсрочки — лишний год пыткам и страданиям наших братьев, а надежду на их спасение имеем только мы, т. к. мы хотя и находимся в эмиграции, но мы свободны, можем свободно говорить, свободно мыслить, о том, что только может интересовать казачество, а это уже одно приближает нас к нашей цели. Подумайте, братья вольные казаки, над этим вопросом, над будущим Казачества, т. к. его будущее есть и ваше будущее!...

Все под знамя вольного казачества и в единую вольно-казачью семью! Да здравствует вольное казачество! Да здравствует наш выборный Атаман И. А. Билый! Да здравствует Казакия!

6. **Слушали:** Ввиду тяжелого материального положения вольных казаков из-за безработицы, предложение об изменении взносов в станичную кассу, в центр В. К., в распоряжение Окружного Атамана и Окружное правление.

Постановили: Взнос разграничить следующим образом: пятьдесят сантимов (50) с. в станичную кассу, пятьдесят сантимов (50) с. в центр В. К., один франк (1 фр.), в распоряжение окружного атамана и один фр. (1 фр.) Окружному Правлению. Последние два пункта — согласно постановления В. К. Круга во Франции. Всего взнос с каждого вольного казака считать по три франка (3 фр.).

Атаман в. к. имени Атамана К. Булавина станицы сотник **А. Дронов.** Помощник станичн. Атамана, сотник **И. Федотов.** Станичный казначей **М. Красноглазов.** Станичный писарь **С. Антипов.**

Казаки: **В. Богданов, В. Гадючка, В. Чекин, И. Кривонос, И. Лаштабега, А. Кошевой, И. Зубков.**

В БЕЛЬФОРЕ

30 июня с. г. состоялся общий сбор Бельфорского вольно-казачьего куреня, на котором **И. А. Тищенко**, делегат куреня на ВК Круг во Франции, сделал

доклад о работах Круга. На сборе присутствовали и казаки, не состоящие в курене.

Когда слово было предоставлено **И. А. Тищенко**, он заранее извинился, что может быть он не будет последователен и не сможет так подробно изложить всего того, что решалось на Круге, и просил, поэтому, по окончании доклада задавать ему вопросы.

Во вступительном слове докладчик предлагает присутствующим почтить память погибших и умученных за волю и славу казачью патриотов казаков, а также и умерших в ссылках, в Родных Краях и на чужбине — минутным молчанием.

Все встают и, склонив головы, молчат одну минуту.

После этого докладчик описал обстановку, в какой происходил Круг и приступил к самому докладу.

Все с напряженным вниманием прислушиваются к каждому его слову. Невольно появляются слезы у некоторых, когда докладчик говорит об открытии Круга **И. А. Билым**, произнесшим краткое слово, посвященное памяти погибших казачьих патриотов.

Так как доклад занял довольно много времени, то пришлось сделать перерыв на обед. Большинство казаков осталось обедать тут же, делясь впечатлениями от доклада.

Продолжая свой доклад после обеда, докладчик разъяснил те места постановлений Круга, которые расходятся с данным ему наказом.

В 3 часа дня доклад закончился. Не успел докладчик сказать «вот на этом Круг закончил свою работу», как поднимается один старый казак и жмет руку докладчику. За ним встают все присутствующие и тожежимают руку докладчику и благодарят его за доклад и работу на Круге.

Все это делается от чистого казачьего сердца. Казаки искренно рады тому, что Круг был создан не даром и открыл некоторые истины, о которых до Круга не знали.

После доклада четыре казака заявляют о своем вступлении в курень и вносят тут же членский взнос.

Атаман куреня предложил выпить бокал за здоровье Походного Атамана ВК **И. А. Билого**. Все встают и пьют бокал до дна...

Время приближается к 4 часам дня и приедем надо идти к поезду. Неохотно казаки потянулись, кому куда надо. Такие встречи бывают редко, а потому и неохотно казаки расходились со сбора.

Ф. Жуков

30-6-1935.

В то же день сбор куреня вынес следующее постановление:

1. Доклад делегата куреня **И. А. Тищенко**, сделанный им довольно подробно, поднял дух казаков, еще теснее объединил их и придал энергии для будущей работы.

2. Сбор благодарит окружного атамана Лениова и все окружное правление за их бескорыстную, неутомимую работу на пользу Казачества и поздравляет их с переизбранием на следующий срок.

3. Сбор благодарит **И. А. Тищенко** за его доклад и работу на Круге.

4. Сбор посылает приветствие и благодарность Походному Атаману ВК за его труды на пользу Казачества и желает ему здоровья, сил и бодрости духа в дальнейшей работе по освобождению Казачьих Краев от красного ига и созданию независимого Казачьего государства.

5. Сбор обращается к братьям вольным казакам оппозиционерам с горячим призывом оставить всякие споры и раздоры в такой грозный для Казачества час и слиться в одну ВК семью, ибо цель у нас одна: приложить все свои силы и знания для создания независимой Казакии.

Слава Казакии, Слава нашему Атаману!

Атаман Куриня: **Х. Высоцкий**

ПРИГОВОР ВК СТАНИЦЫ В ЮЖИНЕ.

23 июня, с. г. состоялся станичный сбор, на котором станичник **Бочаров** сделал доклад о ВК Круге во Франции, куда он был послан делегатом от станицы. Сбор с большим вниманием выслушал доклад своего делегата и благодарил его за работу во имя идеи ВК.

Так как полномочия станичной администрации кончились, то она предложила избрать председателя и секретаря. Председателем был избран **Бочаров**, а секретарем **А. Ивановск.**

Старое правление сделало доклад о своей деятельности, а ревизионная комиссия сделала доклад о состоянии денежных сумм станицы.

Затем сбор постановил: послать приветствие Походному Атаману ВК **И. А. Билому**, выразив ему нашу радость и пожелав ему сил и бодрости продолжать начатое им великое дело возрождения Казачества, заверив его, что мы всегда с ним.

Приветствовать окружного атамана **А. К. Ленинова** и все окружное правление с переизбранием.

Потом сбор приступил к выбору станичной администрации. Закрытой баллотировкой атаманом станицы избран станичник **К. Грошев**; помощником атамана (он же казначей и писарь) избран станичник **С. Разливаев**.

Выборы ревизионной комиссии отложены до следующего сбора.

Станичный писарь **С. Разливаев**

23 июня 1935 г.

14 июля с. г. вольноказачья Южинская станица отслужила в местной православной церкви (Свято-Николаевской) панихиду по безвременно ушедшему в лучший мир от руки злодея **Н. С. Рябоволе**.

Вечером того же дня вольные казаки собрались в квартире станичного атамана **К. У. Грошева**, где и вели собеседование о трагической смерти славного борца за вольность и независимость казачью.

В этом собеседовании и воспоминаниях выразилась твердая решительность вольных казаков неуклонно по заветам Николая Степановича продолжать святое дело его: освобождение Казачьих Земель от московских оккупантов и единодушное стремление всеми средствами будить всех станичников от спячки и возродить Казачество для привольной и счастливой жизни в независимом ни от кого своем государстве Казакии.

Слава же вольным казакам, помнящим священный завет предательски убитого Рябовола и страдающим сердцем в изгнании за свою порабощенную родину Казаккию.

Станичный атаман **К. Грошев**

П. С. Казакам рекомендуется при случае прочесть в книге «Мысли и Тревоги» О. С. Трахтерева статью: Дело об убийстве Н. С. Рябовола. Приведенные полностью в этой книжке: обвинительный акт, речи полк. Калинина (прокурора временного военно-окружного суда в г. Ростове), защитника Трахтерева и обвиняемого А. Кобрижинина кое что казачьему сердцу подскажут и несомненно поведут мысли в том направлении, что суд был не свободен в своих решениях.

К. Г.

1 августа 1935 г. Южин.

В ОШЕ.

1 августа с. г. станичное правление Вольно-казачей Атамана Некрасова станицы в гор. Оше устроило собрание казаков, на котором станичник **Ив. Хрипушин** прочитал доклад на тему «**Степан Тимофеевич Разин**».

Раньше чем читать, докладчик ознакомил собравшихся казаков с теми историческими и современными источниками, на основании которых составлен доклад о Степане Разине, а так-же указал, что автором доклада является есаул **Трифимов**.

Несмотря на сильную жару, казаки в течении че-

терых часов чтения доклада с большим интересом слушали правду про матереого Донского казака, бывшего славного казачьего Атамана **Степана Разина**.

Доклад не был прочитан до конца, а только первая его часть, так как весь доклад занимает 120 писанных страниц. Казаки очень сожалеют, что не дослушали до конца, и остановились на самом интересном месте, — когда **Степан Тимофеевич** начал расправляться с русскими боярами, готовясь тряхнуть и самой Москвой.

Атаман станицы высказал желание чтобы станичник **Хрипушин** вторично посетил Ошских вольных казаков и дочитал вторую часть доклада.

Казак **Мухоедов** (донец), обращаясь к собравшимся, говорит: если **Разин** начал свое движение со 150-200 казаками, то и нам, казакам националистам, бояться нечего, нас больше, чем 200 чел., нам только нужно крепче объединиться и сплотиться около той идеи, которую преследовал **Степан** и ради которой жизнь отдал свою. Нам нужно всеми доступными нам средствами поддержать тех казачьих патриотов, которые и в настоящее время продолжают давно начатое дело освобождения Казачьих Краев от русской опеки и создания своего казачьего государства.

(Соб. кор.)

В. К. в Чехословакии

КАЗАЧИЙ ВОПРОС И УКРАИНЦЫ

По приглашению «Украинской Громады в Чехословацкой Республике», 13-го июля с. г., в Праге, в ресторане «Столета», состоялась лекция **П. Л. Макаренко** на тему «Казачий вопрос». Несмотря на то, что в тот день стояла невыносимая жара, на лекцию пришло значительное число слушателей, что лишний раз свидетельствует о том, с каким большим интересом относятся здесь украинцы к Казачьему вопросу.

Лекция носила информационный характер. Лектор коснулся следующих вопросов:

1. ДОН. Историческое прошлое: до 1614 г. полная государственная независимость Донской Казачьей Республики и ее тесное сотрудничество с Войском Запорожским. 1614-1671 годы — вассальная зависимость от Москвы. Восстание **Стеньки Разина**. 1671-1721 — государственная автономия. Восстание **Булавина**. Стрелитель России **Петр I**-ый залил Дон кровью. 1721 - 1917 — в Московской неволе. Восстание **Пугачева**. Восстание 1820 года. 1917-1920 — самостоятельность Донской Республики. Договоры с Украиной. Заграничная делегация. Сотрудничество с **Деникиным**. Два основных политических течения на Дону: русское и самостийническое - казачье. Иногородние на Дону: Съезд 1917 г., декабрьское соглашение: самостоятельность и паритет. Иногородние и большевики; **Буденный**, **Думенко** и т. д.

Донцы в эмиграции: Атаман и Правительство — за Россию. Казачьи станицы. Общеказачий Сельскохозяйственный Союз в Турции, потом в Чехословакии. Казачий Союз в Париже. Казачья пресса: «Казачьи Думы», «Казачий Путь - Путь казачества», «Родимый Край» и т. д. Донской Атаман **Богаевский** и «Русский Общевоинский Союз». Выборы Донского Атамана в 1935 году: все три кандидата — За Россию. Два течения — русское и самостийническое.

2. КУБАНЬ. Историческое прошлое: Сич Запорожская. Войско Черноморское. 1917-1920 годы: самостоятельное и русское течения. Сотрудничество с **Деникиным**. Таманский переворот. Сочинская трагедия.

Кубанцы в эмиграции. Борьба двух начал: Пражская конференция 1920 года — самостийническая, выборы «атамана» на Лемносе — за Россию; Конференция в Праге в 1921 г. — самостийническая, а Кубанская «Рада» в Сербии — за Россию и т. д. Самостийная культурно-помощная акция «Общества Кубанцев в Чехословацкой Республике»; соглашение этого Общества с «Украинским Громадским Комитетом» в

1924 г. Совещание в Праге в 1925 г. «Наш Край». Письмо быв. председателя Кубанского Правительства «К кубанцам - эмигрантам» в 1930 г. «Кубанский Край». «Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека». «Кавказский Казак»...

3. **ВОЛЬНО - КАЗАЧЬЕ ДВИЖЕНИЕ.** Казачьи республики в прошлом: Донская, Запорожская, Терская, Яицкая и др. Иногороднее население на Казачьих Землях: годы 1763 - 1915. Данные переписи 1897 и переписи 1926 годов. Роль Казачества среди населения. Предшественники Казакии — Юго-Восточный Союз, Доно - Кавказский Союз, Южно - Русский Союз, Верховный Круг Дона, Кубани и Терека.

Внутреннее устройство будущей Казакии: национальное и хозяйственное равноправие всего населения, жившего здесь до 1919 г.

Внешние сношения — полное государственное равноправие и независимость.

Оппозиция в вольно - казачьем движении: идеологи ее и их отношение к генералу Науменко, страх перед соглашением с Украиной...

Схема вольно-казачьей организации за границей: станицы, округа, Походный Атаман...

Как отнеслись украинцы к вольно-казачьему движению.

Слушатели весьма внимательно выслушали докладчика, в виду обилия материала говорившего без перерыва около двух с половиною часов.

После лекции хотели взять слово «оппозиционеры» г. г. Глазков и Васюк, но собрание отказало им в этом, решив допустить только вопросы докладчику. Между прочим, были поставлены такие вопросы: почему в журнале «ВК» за последнее время материалы помещаются почти исключительно на русском языке, тогда как в первые годы выхода этого журнала печатались статьи и на украинском языке; как казаки смотрят на польско-украинские отношения; почему казаки хотят создать самостоятельное государство, а не присоединяются к Украине; казаки — отдельная нация; сколько казаков присоединилось к вольно-казачьему движению и т. д.

В виду того, что «оппозиционеры» Глазков и Васюк весьма настойчиво просили слова, при чем первый доказывал, что он займет не более 7-ми минут, собрание дало им слово. Первым говорил г. Глазков: вся его речь была переполнена извращением фактов, открытой неправдой, несоответствующими действительности утверждениями, известными из журнала «Казакия» и «Бюлетень» — издаваемых в Братиславе... На вопрос, сколько же душ насчитывает «оппозиция», г. Глазков ответил: «800».

Когда истекли 10 минут, предоставленные для «речи» г. Глазкова, председатель «Украинской Громады» д-р Н. Галаган указал г. Глазкову на то, что последний втягивает собрание «на мінівці», что украинцы совершенно не желают заниматься внутренними ссорами среди казаков, что украинцев интересует **общая постановка вопроса и пути, которыми Казачество идет к своей основной цели — построению самостоятельного государства.**

Далее д-р Н. Галаган обратился к председателю собрания с просьбой и советом, не давать слова ораторам, подобным г. Глазкову, пришедшему на собрание сводить какие-то личные счеты...

Несмотря на это предупреждение, г. Васюк, причисливший себя к северо-кавказской украинской организации, повторил приемы г. Глазкова, чем вызвал большое недовольство среди собравшихся... Все 10 минут г. Васюк говорил какие-то несвязные и непонятные фразы...

После него выступил с весьма продуманной речью д-р Н. Галаган. Сначала он обратился к г. Васюку с указанием на недопустимость таких его выступлений на собрании украинцев. «Ми запросили людину, яку поважаємо за поінформовану в козачому питанню, от і все. А п. Васюк шось говорить, але я нічого не зрозумів з того, що він говорив... Може б п. Васюк

в своєму докладі сказав шось ясніше», заявил д-р Н. Галаган. Далее он обратил внимание на то, что украинцы в действительности мало знают казачий вопрос, что для украинцев весьма важно знать, как к ним относятся казаки Кубанцы, Донцы и т. д.

После речи д-ра Н. Галагана докладчик ответил на поставленные вопросы. Собрание благодарило докладчика.

Перед самым закрытием собрания было высказано пожелание, чтобы на такие собрания, которые имеют целью **объективное изучение вопроса**, совсем не допускались бы люди, подобные г. г. Глазкову и Васюку, которые ходят на них исключительно ради сведения своих личных мелких счетов, совершенно не интересующих украинскую аудиторию.

(Соб. кор.)

В. К. в Болгарии

ЯЗЫК «ДЕМОКРАТОВ»

Атаман ВК станицы в Ески-Джумая получил следующее грозное предписание:

«Г. Атаману В.-каз. станицы г. Туроверову.

В подтверждение моего распоряжения от 10-6-35 г. приказываю Вам собрать на 16-7-1935 г. станичный сбор и переизбрать правление станицы. Выполнение настоящего распоряжения не подлежит никаким отсрочкам.

В случае же невыполнения Вами настоящего приказания, вр. исп. дол. ст. атамана возлагаю на помощь атамана Максима Н. Гусакова, которому вменяю в обязанность собрать сбор на то же 16-6-1935 г. и переизбрать правление станицы. Станичный атаман в таком случае теряет право претензий на должность атаманского достоинства.

Об исполнении настоящего приказания донести немедленно.

Окружной атаман есаул П. Кудинов.

13 июня 1935. № 227. София».

— И все это лишь только потому, что атаман Туроверов не разделяет оппозиционных увлечений г. Кудинова.

Интересно, что г. Кудинов сам не хочет подчиняться ВК Центру, но от вольных казаков требует подчинения себе безоговорочного. Но почему вольные казаки должны ему подчиняться?

Беда с такими народоправцами...

ДОРОГИЕ БРАТЯ КАЗАКИ!

Хочется крикнуть на весь свет: объединяйтесь, казаки всех Войск и все поработенные народы России, красной или белой, — разницы нет, а то топчемся на одном месте и ничего не делаем. Знайте, что последнее может быть хуже первого.

Давайте хорошо присмотримся к лаптям. Красные и белые объединяются, а мы попрежнему разбрелись по партиям и тратим свои силы совершенно напрасно.

Мы все занимаемся критикой... Вот выбрали не того, кого мне хотелось:

Бог знает, может быть недалек тот час, когда нужно будет взяться за оружие, а мы все — врознь...

А то, если возьмут русаки снова до рук все, то и тут, за границей, не спасешься, как не спаслись наши братья дома, и не только «вершкам» достанется, но не миновать беды и «корешкам». Уничтожат и память о нас. Поздно тогда будет каяться.

Я не раз слышал, как генералы, именитые русские эмигранты и просто рядовые сошки говорили: коммунисты — русский народ и рано или поздно примирение состоится, тогда будем жить вместе и вместе будем бить врагов...

Они правы. Русские, конечно, помирятся между собою. А что же делать нам?

— Нужно бросить разлад и объединиться, ибо никто, кроме нас самих, о нас не побеспокоится. О

нашем благополучии мы сами должны подумать.

Будем же думать, пока не поздно.

А раньше всего — перестанем грызться.

Григорий Николенко (София)

В. К. в Швеции

УСЛЫШАТ ЛИ?

Глубокоуважаемый, Игнат Архипович!

Счастливи поздравить с избранием Вас на пост Походного Атамана ВК.

На нашем пути было много невзгод, много преград; было много всего того, чем хотели разрушить нас — умертвить... Но крепких духом, не сломили, и мы сейчас стоим перед лицом совершившегося факта. Мы оформлены, как внутренне, так и внешне.

Это есть наш первый этап, он пройден — закончен. Далее нам нужно неуклонно идти к последующим, более тяжелым этапам — успех которых: будет зависеть от нашей внутренней в. к. дисциплины, а при наличии таковой — все преодолимо.

Здравый в. к. смысл в своем абсолютном большинстве избрал главу казачьего национального движения — Походного Атамана. Неужели-же и теперь лидеры оппозиции (меньшинства) не посчитаются с этим и прекратят свою пагубную работу. И если нет, то не по неведению, а потому, что, прикрываясь идеей, они сознательно работают на разрушение в. к. движения в угоду врагов наших. Создается впечатление, что эти люди не могут служить идее, ибо служат личности (как правы те в. казаки, которые высказывают это мнение!). Но если у них есть еще хоть кусочек совести, в чем я не сомневаюсь, то должны же в конце концов понять, что, оскорбляя избранника, они оскорбляют в его лице и всех избравших его, оскорбляют в. к. движение, его идею — с чем неразрывна и мать Казакья.

Хочется спросить, что Вы, господа, дальше хотите: свой съезд, своего Походного Атамана, комитет? И если это так, то ясно, Вы хотите разгнать В. К., а это значит: сознательное вредительство той идее, которую, по словам Вашим, Вы и мы исповедуем.

Вас не раз звали вернуться и работать во имя все той же идеи, но Вы продолжали свое нехорошее...

Во имя чего Вы в глазах наших стараетесь терять свою ценность? Если мы до этого не знали чистоты Ваших риз, то теперь узнали... И это не делает Вам чести...

Как жаль, что некоторые из нас, рядовых, по недоразумению, захватили бациллы этой вашей болезни. Но в данный момент есть рецепт, это избранный Походный Атаман, его нужно с открытой душой принять и — последует оздоровление...

Бросьте г.г., бросьте ненужную игру, игру вредную, — ведь Вы без нас все равно ничего путного для Казачества не сделаете... Вне всякого сомнения, у многих из Вас бунтует пламя служения нашей идее, так давайте же во имя ее, во имя нашего светлого будущего, отбросим свои личные, — извне навешанные — счеты, забудем их, сплотимся вокруг уже избранного Походного Атамана и, вооружившись в. к. дисциплиной, с новым напряжением сил будем пробивать себе тернистую дорогу к нашей казачьей государственности и будем служить не личностям, а нашему идеалу, т. е. девизу и цели.

Какой мы оставим горький осадок, как мы усугубим душевные страдания тех, кто в Родных Краях, измученный и истерзанный, ждет нас, — кто возлагает все свои надежды на вольных казаков, как единственных патриотов, что мы, сплотившись здесь, — принесем им скорейшее избавление. А мы? Как и русские, не можем достигнуть единства действий, не можем поступиться своим личным «я» ради спасения Казачества. Как страдания наших братьев в русском ком-

мунистическом аде, так и история нам не простят за наши нелепые, мелочные и в то же время пагубные интриги...

Братцы, давайте оставим все эти образовавшиеся «параллели» и все эти побочные издания и понесем весь свой труд туда, где мы именуемся **Вольным Казачеством** — в журнал «В. К.», который первый бросил гордый вызов врагам Казачества и зарекомендовал себя борцом за абсолютную казачью независимость. Он заслуживает того, чтобы в. казаки все свои силы сосредоточили именно здесь, а не действовали в разброд, ослабляя себя.

Станичники, обращаюсь к вам, как рядовой в. казак, во имя нашего общего интереса, с братским призывом: вернитесь туда, откуда вы ушли, пусть в будущем не будет вам **искариотского** упрека. Ведь факт совершился... Вы ошиблись... Походным Атаманом ВК оказался избранным инженер И. А. Билый.

Господи, неужели вы настолько злые, что ваша душа не чувствует протянутой вам руки не только отдельных в. казаков, но и целых округов?

Но, если она останется гласом вопиющего в пустыне, то как тогда будут правдивы сильные слова станичника Вл. Куртина ...«Какое же проклятие тяготеет над нами! По какому то злomu предопределению, мы умеем ценить только мертвых и — никогда живых»... (журн. «В. К.» № 178-9). Это значит — собственными руками губить самих себя.

А. С. Тырин (Швеция)

24-7-1935.

В. К. в Германии

ВОЛЬНО - КАЗАЧЬЯ ПРОПАГАНДА

Станичное правление В. К. станицы имени Ермака в Ганновере постановило разыскать всех казаков, проживающих в провинции Ганноверской. Атаман станицы поручил это дело мне, своему помощнику, т. к. я знаю многих казаков, проживающих в Германии. Вести розыски путем переписки — способ не очень практичный и я решил лично объехать район, разыскать казаков и лично познакомиться с ними. Живая связь всегда бывает более ощутима, чем письменная.

Под праздник св. Троицы я отправился в дорогу. Ехать нужно было километров сто до тех мест, где, по моим сведениям, должны были проживать казаки.

Приехал в деревню Ерки, где живет казак Я. А. Колабухов (донец). На квартире его не оказалось. Из распросов узнал, что он пошел в поле смотреть свой хлеб, т. к. имеет посев. Отправился и я туда. По дороге встретил человека. Смотрю, будто казак. Так оно и оказалось. Оказалось, что это донец второго Лонского округа Г. Д. Полнов. Присмотрелись друг к другу ближе, оказывается — мы были знакомы двенадцать лет тому назад. Были вместе в лагерях. Время меняет людей. Разговор зашел о нашей казачьей жизни тут, в изгнании. Я объяснил ему, что приехал установить связь с казаками и вот хочу еще найти казака Колабухова.

Оказывается, что встреченный мною казак тоже пришел повидать того же Колабухова, с которым я тоже вместе был в лагерях. Когда встретились с ним, и уже узнали друг друга, то испытали большую радость.

Пришли к нему домой. Там, оказывается, гости. Он оставил гостей и мы начали разговор о наших казачьих делах. Казаки, с которыми я встретился, много лет не встречали ни одного казака и были рады хоть целый день говорить со мной. Поговорили о нашем заграничном житье и потом я познакомил их с Вольно-Казачьей идеей. Все подробно осветил им. Сказал им, что ВК движение преследует только казачьи цели, что оно борется за казачье счастье, что его цель — освободить Казачьи Земли из под власти русских и создать свое независимое казачье государство Казакию.

Внимательно и с интересом слушают они мой простой рассказ.

— Кто же стоит во главе этого движения и кто редактирует журнал?

Объяснил им, что во главе движения стоит Кубанский казак Билый и что мы ему сейчас подчиняемся. В настоящее время идет подготовка к созыву Большого Круга для избрания Походного Атамана, который и довершит дело спасения Казачества (Дело было весною этого года).

Все это, видно, понравилось моим собеседникам, но они говорят, что «мы, казаки, так много видели обмана и предательства, что теперь трудно кому либо верить»...

Вспомнили мы заграничные мытарства, когда нас через границу вел г. Щукин, обещая, что он всех нас в Германии устроит. А как он устроил, все мы знаем. Вспомнили мы и тот период, когда по поручению ген. Краснова к нам приезжал полк. Карташев, который надул нас, забрав и те гроши, которые мы зарабатывали тяжелым трудом. Он нам советовал создавать кассы, а когда мы вложили в кассу по триста марок, то он забрал их и был таков. Вот, наученные горькими опытами, мы и подходим ко всему с большой осторожностью...

Да, не один раз казаков обманывали, говорю им, но сейчас обманывать нас никто не собирается. ВК работает только для казаков, для создания казачьей родины. Читайте этот журнал и вы поймете, что работа, которую делает журнал и его редактор И. А. Билый, не направлена к обману казаков, а исключительно на благо Казачества. Когда вы ознакомитесь ближе, то сами поймете, кто показывает нам путь к нашему благополучию, путь к нашей казачьей родине Казакии. А когда поймете, то и сами будете помогать ему в его трудной работе. Но, не нужно забывать, что и врагов у казаков больше чем достаточно. Это все те, кто по прежнему хочет свернуть нас на московскую дорогу...

Понравилась моя информация казакам Колабухову и Полнову. Они понимают, что мы, казаки, способны сами защищать свои Земли. Тут же они выразили свое удовлетворение тем, что пробудилась у казаков мысль думать о своем. Они согласны вести борьбу и защищать только свое казачье, но только чтобы тут не было обмана. Просили поддерживать с ними связь, а пока просят дать им возможность ближе познакомиться с ВК движением.

Проводили они меня далеко за село. Тепло и с возгласами: да здравствует Казакия! и слава нашему Казачеству! мы и расстались...

П. Д. Чипликов

10-7-1935.

В. К. в Югославии

ПРОТИВ КЛЕВЕТЫ
Станичник редактор!

Прошу в издаваемом Вами журнале напечатать нижеследующее:

В газете «Единство и Независимость» за подписью трех оппозиционеров имеется, кроме всего прочего, и утверждение, будто бы я, будучи кадетом и состоя в «тайном самостоятельном кадетском дивизионе», доносил по начальству все решения дивизионцев.

По поводу сего, для сведения вольных казаков, сообщаю:

1. Никакого «самостоятельного» дивизиона в Донском кадетском корпусе не было. Существовавший действительно дивизион ничего общего с самостоятельностью не имел и я в нем вообще не состоял.

2. Когда же «дивизион» реформировался в «Кош», я туда вошел, состоял и был в нем вплоть до окончания корпуса.

3. Никогда, нигде ни при каких обстоятельствах на кадет начальству не доносил. Кроме прочих г. г. офицеров, моих воспитателей, во Франции живет и в «Единстве и Независимости» сотрудничает один из воспитателей 1-й сотни. Г. г. клеветники могли бы справиться у него, каким казаком был я в корпусе.

4. Из подписавших клевету в Югославии, в Лонском корпусе никто не был, следовательно это они или выдумали или, услышав ее от достойного их информатора, за своими подписями, ничто-же сумняшеся, отпечатали.

5. Со своей стороны всех г. г. оппозиционеров за приемы их борьбы почитаю людьми двух категорий:

- а) Подлецов, сознательно разрушающих ВК дело,
- б) Глупцов, неведающих, что творят.

Как они сами по этим категориям себя распределяют, дело их, хозяйское. Я же впредь ни разговаривать с ними, ни отвечать на их писания не намереваюсь.

Слава Казачеству!

П. Поляков

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК

Инж. Игнату Архиповичу Билому.

Вольно - казачий хутор имени К. Л. Бардижа с большой радостью приветствует своего избранника, Походного Атамана И. А. Билого. Дай Бог нашему национальному Атаману сил и здоровья, а так-же и скорейшего успеха — довести казачье дело, дело освобождения Казачьей Родины и создания своего государства Казакии — до желательного конца.

Мы же, вольные казаки националисты, плотно сомкнем свои вольно-казачьи ряды вокруг нами избранного Походного Атамана. Будем честно выполнять наш казачий долг перед нашей Родиной и нашим Атаманом.

Предатели же казачьей Родины нам не нужны.

Слава Казачеству!

Хуторской атаман Р. Евсюков, казначей Н. Климов, писарь М. Махно. Члены хутора: Андрей Зотов (куб.), Иван Чернов (куб.), Евтихий Косточенко (куб.), Николай Енин (куб.), Василий Енин, (куб.), Аристарх Климов (дон.), Александр Ломсков (дон.), Петр Донсков (дон.), Григорий Рудаков (куб.), Др. Николай Яковлев (куб.), Федор Сидоренко (куб.), Г. Панчево. 7-7-35 г.

ПРИГОВОР ВОЛЬНОКАЗАЧЬЕГО ХУТОРА В УЖИЦЕ

Мы, вольные казаки Пугачевцы, собравшись на хуторской сбор 28 июля 1935 г., выслушали доклад хуторского атамана П. С. Терещенко об избрании на пост Походного Атамана инженера И. А. Билого.

Приветствуем это избрание и даем свое полное доверие ему, нашему Походному Атаману и твердо верим, что он в скором будущем выведет нас из этой безпокойной эмигрантской жизни и поведет нас, вольных казаков, прямым казачьим шляхом туда, где ждут нас родной наш Тихий Дон, многоводная наша Кубань и бурный Терек.

Да здравствует наша казачья республика Казакия! Да здравствует наш первый ВК Походный Атаман!

Слава Казачеству!

Подписали: хуторской атаман П. С. Терещенко, писарь есаул Черемухин и казаки хутора: Даниил Яковлев, Петр Козлов, Евдоким Чабанец, Иван Ермаков, Андрей Красуков, Петр Березлев, Василий Валадцев и Иван Александров.

КО ВСЕМ КАЗАКАМ ПАТРИОТАМ, ПОЧЕМУ ЛИБО НЕ СТАВШИМ ЕЩЕ ПОДЪ ВК ЗНАМЯ.

Братья казаки! Неужели вы до сих пор еще не уверились в том, что хочет русский лапоть с нами, казаками, сделать? До каких пор вы будете верить единоеделемцам, всему тому, что они вам поют? Они вам говорят, что Россия нам, казакам, мать и что мы не должны отделяться от нею и что мы, казаки, сами не можем жить без нее. В этом они глубоко ошибаются и берут большой грех на свою душу. За их обманы они будут иметь проклятие от будущего казачьего поколения. Оно заклеймит их имена, как уничтожителей Казачества.

Братья казаки! я думаю, что вы и сами видите и понимаете, какая нам Россия мать. Мы сыты от ее «материнской любви»... Какая она нам мать, если она выгнала нас, «своих сынов», с нашей родной хаты. А тех «своих сынов» — наших братьев, которые остались там, до сих пор не оставляет своими «милостями», своей материнской «любовью» и награждает их Соловками и тюрьмами.

Братья казаки! не мать она нам, а мачеха. Так не будем же и мы ей сынами, а будем пасынками.

Мы, казаки, видели еще в 1917 году ее «любовь» к нам. Она устанавливала у нас свою власть, она оккупировала наши богатые Края и уничтожала нас, казаков.

Я помню еще в начале 1918 года, когда уже во всем Баталпашинском отделе были комиссары, только не сдавались станицы Баталпашинская и Удобная, где были еще атаманы и был порядок. К нам, в станицу Удобную, прибыл карательный отряд. Его начальник, сапожник Чередниченко, на митинге говорил: на штыках красных солдат мы несем уничтожение Казачества. Нет больше Казачества, ибо нет больше тех вольных степей, где рыскал казак на своем личном коне.

Эти слова может подтвердить каждый мой станичник, кто еще жив и кому удалось избежать «ласки» матери России.

Так вот, братья казаки, без дальнейших размышлений — чем скорее, тем лучше, дружно сомкнем свои ВК ряды и твердо станем под наше ВК знамя и крепко сплотимся вокруг нашего Походного Атамана, в которого тверд верим, что он в скором будущем поведет нас прямым казачьим шляхом туда, где необходима наша помощь и наши силы. Туда, откуда мы слышим последний задыхающийся голос наших милых и дорогих, зовущих нас избавить их и вырвать из объятий мачехи — красного лаптя.

Так вперед же с твердой верой в Бога и нашего Батяка — Походного Атамана.

Т. С. Терещенко.

В БЕЛГРАДЕ

11 августа с. г. в 6 ч. 30 м. вечера в вольно-казачьей станице имени М. Ф. Фролова состоялся годичный сбор, на котором, после отчета старого правления, были произведены перевыборы станичной администрации.

Атаманом станицы подавляющим большинством голосов был избран **Н. М. Дмитренко** (станция Староминской); помощн. атамана (он же и казначей) **П. А. Резников**; ст. писарем **В. А. Борисенко**. В состав ревизионной комиссии вошли: **А. В. Борисенко**, **П. М. Тимошек** и **В. Ф. Трихлебов**.

По приглашению станицы на сборе присутствовал и Окружной Атаман, который в своей короткой речи коснулся внутренней работы Округа и станицы.

Новый станичный атаман, заняв после выборов председательское место, приступил к разбору текущих дел и наметил программу дальнейшей работы станицы.

По закрытии заседания, станица была приветствуема новым и старым атаманами стаканом вина. Особенным вниманием станица отметила присутствие Окружного Атамана, провозгласив за его здоровье тост и пожелав ему успеха в дальнейшей работе на процветании Округа.

А. П. Черный сыграл на бандуре несколько но-

вых казачьих песен, доставив тем самым собравшимся огромное удовольствие. Много было пропето казачьих национальных песен. Прекрасно, с особой виртуозностью, присущей только сынам вольных степей и аулов, станичником **Г. Д. Кузнецовым** были исполнены казачок и лезгинка.

Так, в оживленной беседе, песнях и танцах провела станица вечер до 11 часов.

(Соб. кор.)

СЛЫШИМ!

Глубокоуважаемый станичник редактор!

Просим Вас поместить на страницах нашего уважаемого журнала наш ответ на призыв станичника нашего Демьяна Я. Самыско.

Дорогой станичник! на Ваше обращение к нам, Чамлычанам, отвечаем Вам в нескольких словах. Прежде всего, подаем Вам свой казачий голос: «слышим!» Слышим, ибо истрадалась и измучилась казачья душа в изгнании, истосковалась по родной земле и утрянной воле. Еще свежо в памяти восстание 1918 г. Те жертвы, которые мы, Чамлычане, понесли во время восстания, являются лишним доказательством того, что мы умеем любить славное имя казака и сейчас готовы бороться за свои казачьи идеалы. Жертвы? — Да, жертвы, и было их не мало. Не мало осталось вдов и сирот, не мало пролилось слез на родную землю казачьих жен и матерей. Все это помним. Помним так-же и то, как разнужданная банда красноармейцев вершила свою кровавую расправу над нашими отцами и братьями. Поэтому мы всецело присоединяемся к Вашему призыву, а с своей стороны добавляем:

Дорогие станичники!

Будьте казаками. Выбросьте из головы те мысли, какие рекомендуют вам некоторые наши противники, что казаки для того только и существуют, чтобы служить русскому царю и охранять русские границы.

Противники казачьего возрождения также часто говорят, что Казачество это есть сословие и поэтому не имеет никакого права жить самостоятельно. Нет, братцы, не так. Мы — казаки и от казаков ведемся, а поэтому и мы можем и имеем право жить так, как живут и другие народы.

Чамлычане! Если вам дорого имя казака, если вы слышите стон родных, живущих там, в советском раю, если вы чувствуете их невыносимые муки, то должны очнуться от спячки и стать в ряды вольных казаков, ибо Вольное Казачество есть тот единственный путь, который даст казаку возможность жить самостоятельно и быть хозяином в своем доме.

Станичники! поскорее становитесь в ряды ВК. Не слушайте старых, обанкротившихся вождей, ибо мы за ними уже ходили. Много крови пролили. Казачьи кости разбросаны по всему российскому простору. Все эти жертвы были принесены за чужие и не нужные нам дела и стремления.

Итак, братцы, вперед, дружной лавой за Казачью родную, за Казачество! Наш девиз — казачья воля! — Казакия — наша цель.

Слава Каачеству!

Захар Кобазев, Михаил Кобазев, Иван Павлов и Константин Ачмизов.

14 июля 1915 г. В. Бечкерек.

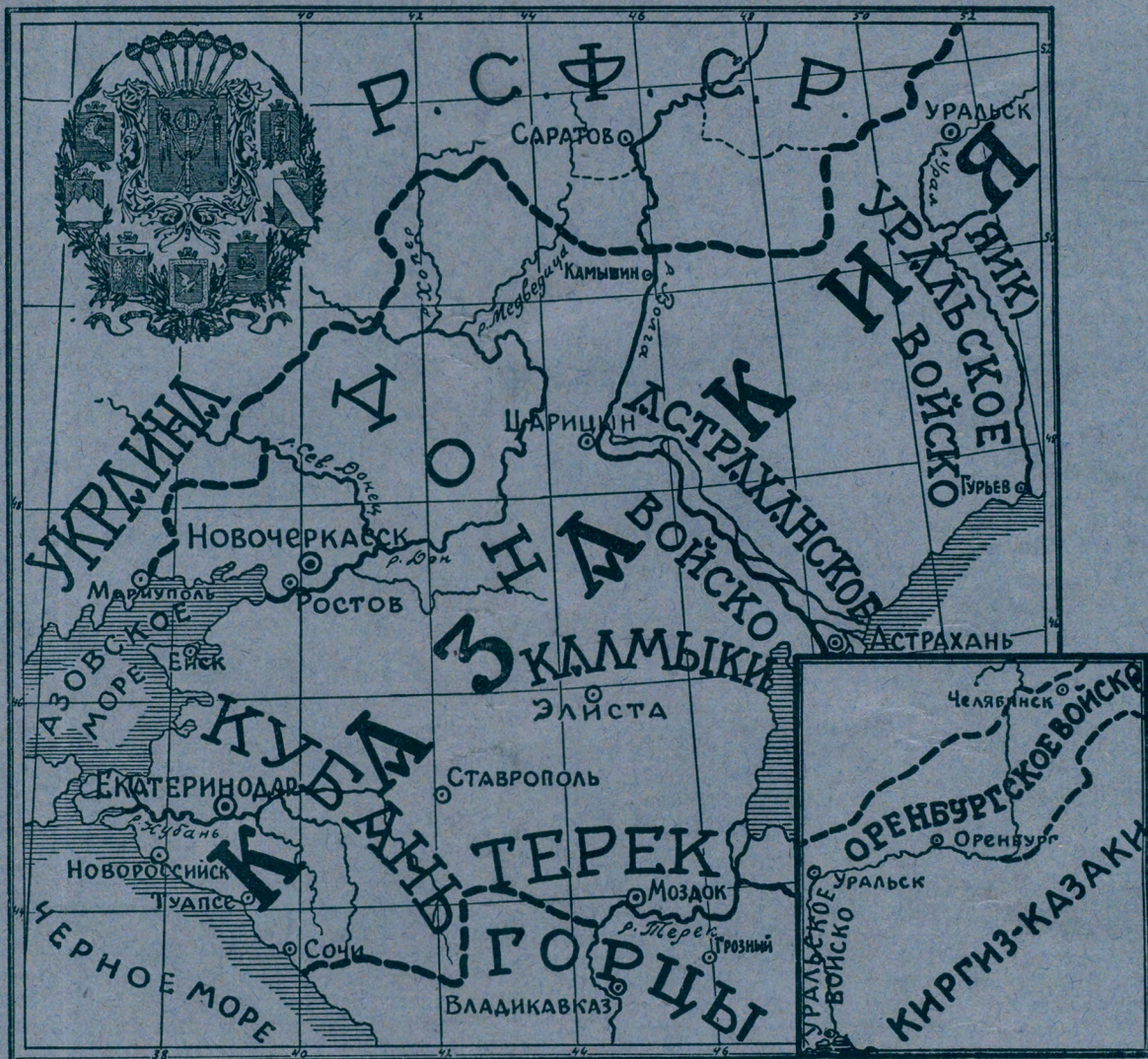
МОЙ ГОЛОС.

Братьев казаков, блуждающих до сих пор по чужим дорогам, призываю в ряды Вольного Казачества.

Глубоко верю, что ни один казак не усомнится, прочитавши этот призыв, в правильности пути, на который зовет Вольное Казачество, ибо каждый знает из истории, что казак есть вольный человек. А если он вольный, то его место в рядах Вольного Казачества, а не там, где петлей ловят за шею.

Да здравствует Походный Атаман инж. Билый. Да здравствует Вольное Казачество и наша Родина Казакия!

Н. Дробот (Югославия)

Продолжается подписка
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)

